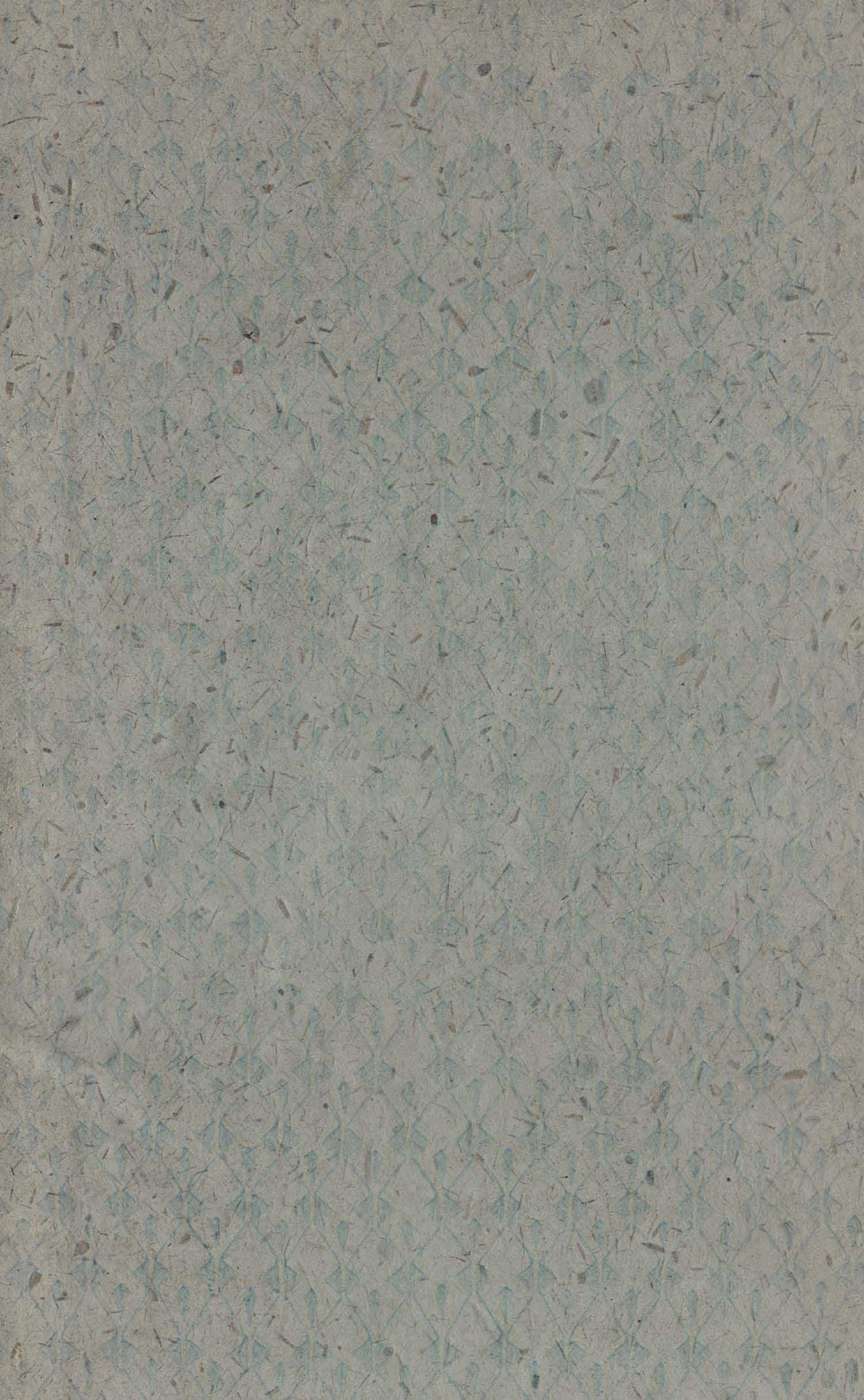
Горшенин

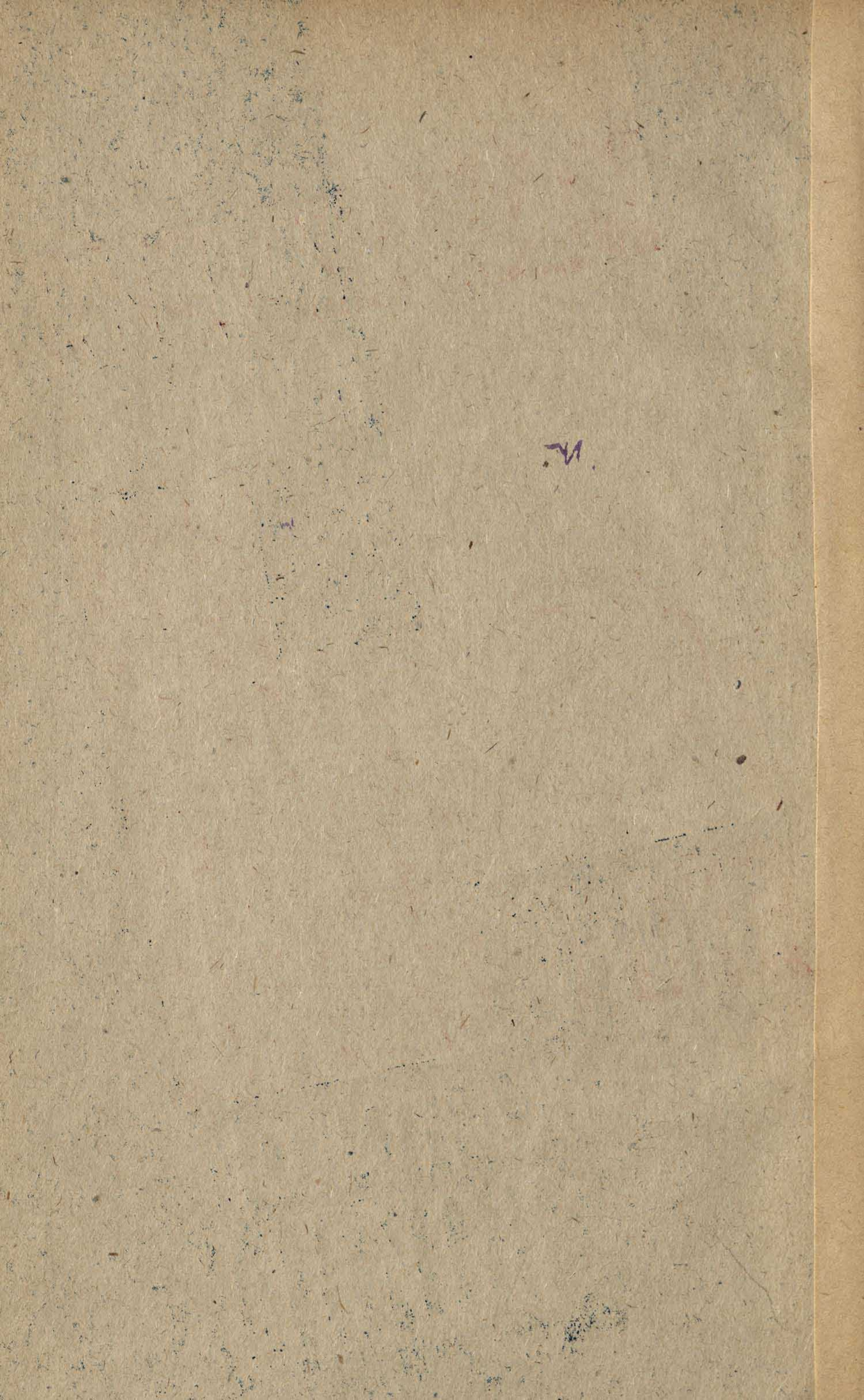
Манчжурия и угроза Японо-Америк. войны



И. ГОРШЕНИН

МАНЧЖУРИЯ И УГРОЗА ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ

ПАРТИЗДАТ 1933



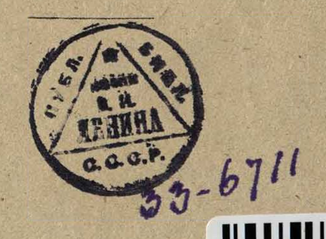
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И. ГОРШЕНИН

МАНЧЖУРИЯ И УГРОЗА ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1933

Оглавление



Редактор Д. Фихман
Техредактор В. Виноградов
Сдано в производство 16/X—1932 г.
Подписано к печати 15/I—1933 г.
Партиздат № 1837, 7 п. л., 49800 печ. зн. в л. Форм. бум. 62×94/16
Уполномоченный Главлита В-42976, тираж 10 000 Зак. 20945

I.

Оккупация Манчжурии

«Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна в которой война рождается...»
Ленин.

Грабительский захват Манчжурии японским империализмом превратился в истребительную войну, которую развернутым фронтом ведут японский флот и 100-тысячная вооруженная до зубов японская армия на полях Китая, разрушая города, опустошая села.

Японское правительство сразу же после захвата своими войсками Мукдена, об'ясняя причины этого выступления, заявило всему миру, что, во-первых, столкновение между Китаем и Японией вызвано тем, что китайские войска разрушили часть ЮМЖД; во-вторых, что японское правительство в своем заседании от 19 сентября «решило приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить расширение инцидента; в-треьих, «что никакой оккупации нет, занятие японскими войсками зоны ЮМЖД является действием самозащиты и вызвано необходимостью защитить жизнь и имущество японских поданных».

Семь месяцев спустя тогдашний японский министр иностранных дел Иосизава об'яснял французской корреспондентке, что Япония никогда не имела намерения завоевывать китайскую территорию и должна была действовать в результате прискорбного стечения обстоятельств», а премьер-министр Сайто заявил, что «Япония безусловно не желает аннексировать Манчжурию».

Коммунистическая печать сразу же разоблачила истинный смысл манчжурских событий как новый этап в завоевании и порабощении китайского народа японским империализмом не только в Манчжурии, но и во Внутреннем Китае.

Не прошло и десяти дней после захвата Мукдена, как японская империалистическая пресса повела усиленную кампанию в «защиту японских экономических интересов не только в Манчжурии, но и во всем остальном Китае». Некоторое время спустя японская армия и флот начали бомбардировать и захватывать территорию Внутреннего Китая.

Манчжурия была наводнена японскими войсками и по существу аннексирована, т. е. полностью захвачена империалистической Японией. «Независимое Манчжурское государство» во гла-

ве с извлеченным из архива истории бывшим китайским императором Пу И является фиговым листком, который даже не прикрывает всей наготы и цинизма грабительского захвата китайской территории с 30-миллионным китайским населением, в два раза превышающим по своим размерам империалистическую Японию.

Захватив Манчжурию, японские империалисты перенесли военные действия к Шанхаю — крупнейшему центру Китая и важнейшему порту мирового значения. В районе Шанхая и поныне сосредоточены тысячи японских солдат, а у берегов крейсирует сильнейшая эскадра. Героически защищавшийся в течение 30 дней почти безоружными шанхайскими рабочими и 19-ой армией Чапэй превращен в груду развалин и затоплен в крови. «Цивилизованная» империалистическая Япония разрушила в Шанхае университет Тунцзи, морской колледж, школы по рыболовству, национальный университет, медицинский колледж, сельскохозяйственный и инженерный колледжи, рабочий университет. С китайскими рабочими и солдатами, преданными гоминданом, японская военщина расправилась со всей жестокостью и беспощадностью.

Японскими войсками и военными судами занят целый ряд важнейших стратегических пунктов на китайском побережьи севернее Шанхая: Цзиньчжоу, Шанхайгуань, порт Таку и т. д.

Японские аэропланы и суда бомбардировали китайские города и села, расположенные к югу и западу от Шанхая: Ханьчжоу, Уси, Цзанянь, Цзянин и др. Только в портах реки Янцзы сосредоточено свыше пятидесяти японских военных судов — крейсеров, миноносцев, истребителей.

В настоящее время японские имепериалисты оккупируют богатейшую провинцию Внутренней Монголии — Жэхэ и ведут подготовку к захвату Северного Китая.

Бесконечные дипломатические речи и ноты — о временном характере оккупации, о желании Японии покончить миром с Китаем, об ответственности Китая за происходящую войну и т. д. и т. п. — имеют цель сбить с толку и обмануть народные массы.

Лига наций с наглой откровенностью санкционировала грабительскую войну Японии в Китае и аннексию Манчжурии. Посланная на Дальний Восток комиссия Литтона, по существу занималась подготовкой более выгодного для империалистов, в частности для Англии и Франции, раздела Китая и выясняла способы подавления китайской революции и организации интервенции против СССР.

Женевская «разоружительная» конференция еще и еще раз разоблачила политику Лиги наций, как политику колониального разбоя, подготовки второй мировой империалистической войны и интервенции против Советского союза.

Подготовка интервенции против СССР ведется империалистами под лозунгом беспощадной борьбы с «красной опасностью». Со столбцов буржуазных газет не сходят клеветнические, провокационные измышления, озлобленные нападки на первую в мире социалистическую страну.

В то же время по адресу империалистической Японии, которая захватила Манчжурию и часть Внутренней Монголии и готовится к нападению на советские границы, расточаются восторженные поощрения. Японский бандитизм в Китае ставится в пример.

Социал-фашисты в унисон империалистам наперебой призывают к свержению советской власти, упорно и систематически натравливают трудящиеся массы на Советский союз.

С бешенством нападая на СССР, социал-фашисты всех флагов вместе со своими хозяевами-империалистами всемерно стараются оправдать грабительскую войну Японии в Китае и захват Манчжурии.

Отечественная японская социал-демократия проявляет особое усердие и ведет гнуснейшую кампанию по мобилизации трудящихся масс на поддержку империалистических завоевательных планов.

Центральный комитет японской социал-демократической партии — сякай-минсюто — в самом начале оккупации, с целью сорвать протесты и выступления рабочих, вынес решение не затрагивать на происходящих предвыборных митингах вопроса о манчжурских событиях. Такая постановка вопроса означала прямую поддержку империалистов. Но на этом японская социал-демократия не остановилась. Спустя несколько недель после оккупации ЦК социал-демократической партии опубликовал резолюцию конференции, в которой возлагается вся ответственность за обострение манчжурского конфликта в первую очередь на Китай. «Социал-демократическая партия категорически отклоняет всякую попытку нарушения в Манчжурии и Монголии японских прав и интересов, — говорится в резолюции, — разрешение манчжурского вопроса лежит в совместном контроле над Манчжурией и Монголией со стороны Японии и Китая». При существующих условиях это означает требование превратить Манчжурию и Монголию в колонии Японии. Японская социал-демократия покрыла целиком выступление японских империалистов в Китае и подготовку их к интервенции против СССР, еще раз выявив свою контрреволюционную сущность.

Лидер другой «социалистической» партии — роно-тайсюто, депутат парламента Матсутани, который, как выяснилось, предварительно получил из особых фондов японского генштаба солидную сумму на «обследование» манчжурских событий, заявлял, что «действия японских войск проводятся в Манчжурии вовсе не для защиты капиталистических интересов, а вызваны необходимостью разрешения национальной проблемы. Поэтому нынешняя обстановка в Манчжурии в корне отличается от обычной войны капиталистов».

Итак, японские империалисты и их социал-помощники утверждают, что 1) война начата не Японией, а китайцами; 2) японский империализм только защищает интересы японских граждан, а не аннексирует Манчжурию и другие районы Китая; 3) Японию вынудили к выступлению; 4) японский разбой в Манчжурии и Китае — это не обычная капиталистическая война.

Даже поверхностная проверка фактов и хода действительного развития событий разбивает все эти утверждения.

«Японские войска вводятся для защиты интересов японских подданных» — старая избитая формула, которую японский империализм традиционно применяет в своих грабежах и которую он не попытался сейчас даже несколько подновить.

5 апреля 1918 г., начиная интервенцию против Советской республики, Япония высадила десант во Владивостоке «для защиты жизни и собственности японских граждан», как говорилось в опубликованной японской официальной декларации.

В 1928 г. Япония оккупировала Шаньдунский полуостров опять-таки «для защиты интересов японских подданых». Сейчас она повторяет эту формулу при захвате Манчжурии и при операциях в Шанхае и долине реки Янцзы и при операциях в Жэхэ.

«Защита интересов японских граждан» — только предлог для открытого грабежа чужих территорий.

Соответствует ли действительности утверждение, что японо-китайскую войну начал первым Китай в тот момент, когда «китайский военный отряд разрушил 18 сентября 1931 г. линию ЮМЖД и напал на японскую охрану»?

Уже по первым сообщениям было видно, что дело обстояло совсем не так, как изображали его японские империалисты в своих дипломатических заявлениях. Япония давно готовилась к оккупации Манчжурии и в последнее время искала только удобного случая для выступления.

Японцы начали оккупацию 19/IX 1931 г. А еще в июле известный и непосредственно заинтересованный как предприниматель в Манчжурии барон Окура поместил в Дайренской газете «Манчжурия Дэйли Ньюз» статью «О будущем японо-китайских отношении в Манчжурии». В этой статье, среди пространных рассуждений о том, что Япония-де не может существовать и развиваться без Манчжурии и Монголии, встречается фраза, наводящая на известные размышления. «Манчжурия, — пишет Окура, — является одним из немногих центров во всем мире, где в любой момент может вспыхнуть военная буря и притом самого жестокого характера».

Комиссия Лиги наций, которую ни в коем случае нельзя заподозрить в особых симпатиях к Китаю, пришла к выводам, что «Японские военные круги сознательно вызвали конфликт 19 сентября 1931 г.».

«Уже в начале сентября, — гласит доклад комиссии Литтона,— два офицера японского генерального штаба выехали в Токио, чтобы обсудить совместно с генштабом подробности операции в Манчжурии. Японские оперативные планы были составлены заранее; высший командный состав получил инструкции, в которых сообщалось, что военные операции начнутся в ночь на 19 сентября Японское утверждение, что китайцы пытались взорвать железнодорожный мост под Мукденом, является по меньшей мере преувеличением; следственная комиссия не могла даже точно установить, что мост вообще был взорван».

Захват Манчжурии был произведен по заранее обдуманным планам. В основном эти планы изложены в секретном меморандуме японскому императору бывшего премьер-министра барона Танака в 1927 г. «Три восточные провинции, — говорится в докладе, — являются в политическом отношении несовершенным пятном на Дальнем Востоке. Ради своей самозащиты Япония должна устранить свои затруднения в Восточной Азии, проводя политику «крови и железа». Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с САСШ. Если мы в будущем пожелаем захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сначала сокрушить САСШ... Для того чтобы завоевать Китай, мы должны завоевать Манчжурию и Монголию». «С исторической точки зрения, — продолжает Танака, — Манчжурия и Монголия не являются китайской территорией и не являются владениями Китая. Доктор Яно основательно изучил китайскую историю и пришел к заключению, что Манчжурия и Монголия никогда не были китайской территорией. Этот факт возвещен всему миру авторитетным представителем императорского университета»[1].

Таким образом осуществленная теперь идея «независимой» от Китая Манчжурии, как формальная ступенька перехода к полной зависимости Манчжурии от Японии, имеет минимум пятилетнюю давность.

Доклад перечисляет в 14 статьях конкретные мероприятия по освоению Манчжурии после оккупации путем концессий, передачи китайских банков в ведение Японии и т. д., а также содержит конкретное описание стратегических железных дорог, подлежащих постройке в Манчжурии. По этому плану Манчжурия должна стать плацдармом, на котором японский империализм развернет военные операции и против Китая, и против СССР, и против САСШ при осуществлении своей завоевательной политики.

Техника и организация захвата Манчжурии и войны против Китая и Советского союза предусмотрены в докладе во всех деталях.

«1. Мы должны будем мобилизовать армейские дивизии в Фуку-о-ка и Хирошима и отправить их в Южную Манчжурию через Корею. Мы таким образом помешаем продвижению китайских солдат на север.

2. Мы пошлем армейские дивизии, находящиеся в Нагоя, морем в Сансин, а оттуда в Северную Манчжурию по Гирин-Хойренской железной дороге.

3. Армейские дивизии, находящиеся в Хоккайдо и Сендай, должны будут отправиться морем из Аомори и Хокодате во Владивосток, а оттуда по Сибирской дороге в Харбин. Они остановятся в Фынтяне (Мукден), захватят Монголию и помешают русским двигаться на юг.

4. Все эти дивизии сформируются в две крупные армии. На юге они займут Шанхайгуань и защитят его от продвижения китайских войск на север. На севере они будут защищать Цицикар от продвижения русских на юг. В наших руках окажутся таким

[1] «Коммунистический интернационал» № 33—34 за 1931 г.

образом все ресурсы Манчжурии и Монголии. Если даже война будет продолжаться 10 лет, нам нечего будет бояться недостатка в припасах и снаряжении».

Так выглядят об'яснения манчжурских и шанхайских событий в изложении империалистов, предназначенные не для печати и не для широких масс.

«Чтобы завоевать Китай, надо сокрушить Америку...

Прежде чем завоевать Китай и сокрушить Америку, надо завоевать Манчжурию, Монголию и советский Дальний Восток».

Вот та программа японского империализма, которую он проводит на Дальнем Востоке в настоящий момент.

Мировой кризис капитализма и обострение империалистических противоречий ускорили сроки манчжурской авантюры.

Все отрасли японского хозяйства охвачены жесточайшим кризисом. За период кризиса производство в различных отраслях японской промышленности упало от 30 до 70%. Внешняя торговля Японии за 1931 г. сократилась на 45% в сравнении с 1929 г. Вообще чрезвычайно сжатый внутренний рынок сузился еще более и углубил кризис. Отмена залотого паритета повлекла за собой усиленную инфляцию, ухудшившую и без того отчаянное положение трудящихся масс. Безработица охватывает 2,5 млн. рабочих. Заработная плата за 1931 г. упала на 35%. В деревнях Японии в особенности в ее северной части, свирепствует голод.

Сильно возросло количество конфликтов и забастовок: в промышленности в 1929 г. было 1 420 конфликтов, а в 1930 г. — 2 300; в деревне число конфликтов между крестьянами и помещиками также неуклонно растет: за первые 4 месяца 1929 г. было 1 000 конфликтов, а в 1931 г. — 1 500.

Империалисты Японии рассчитывают оккупацией Манчжурии и войной в Китае отвлечь внимание трудящихся от классовой борьбы внутри страны и обескровить растущее революционное движение. «Война есть продолжение политики иными средствами».

Здесь мы подходим вплотную к вопросу о характере японо-китайской войны — является ли эта война «необычной капиталистической», как утверждают сами капиталисты и японские социал-фашисты или нет.

Для понимания характера и сущности войны важны не формальные моменты, а определение того, к т о и в о и м я ч е г о ведет войну, ч т о является движущим мотивом войны, политику к а к и х классов продолжает война.

Японо-китайская война является типичной империалистической войной, ибо ведется она японскими империалистами, продолжая «иными средствами» их классовую политику, и преследует грабительские цели захвата чужих территорий.

Япония — империалистическая держава. Может ли она вообще вести какую-либо иную политику кроме империалистической, захватнической?

Прямой четкий ответ на этот вопрос дан Владимиром Ильи-

чом в его классической работе, посвященной анализу империализма. Именно в противовес антимарксистской теории Каутского, утверждавшего, что «империализм есть политика высокоразвитого промышленного капитализма, выражающаяся в стремлении присоединить себе все большие аграрные области», Владимир Ильич доказал, что империализм есть не просто политика, а система капитализма в своей новейшей и последней монополистической стадии.

Для этой стадии капитализма характерно чудовищное развитие монополий и вытекающее отсюда загнивание капитализма, с одной стороны, и ожесточеннейшая борьба за всякие территории вообще — и аграрные и не аграрные.

Японской капиталистической системе присущи все характерные черты империализма как такового. Финансовый капитал и монополии в Японии очень сильно развиты, сращивание финансового капитала с военно-бюрократическим государством достигает чрезвычайно высокой степени.

Всего лишь пять трестов-гигантов — Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда и Окура—фактически господствуют над хозяйственной жизнью Японии. Решающим по существу, являются два концерна — Мицуи и Мицубиси. На долю этих двух гигантов — из общей суммы оплаченного капитала всех крупных монополий Японии в 5 млрд. иен — приходится свыше 40%. Чтобы представить себе, насколько это огромные суммы, надо иметь в виду, что все вложения в промышленность и транспорт Японии в 1925 г. исчислялись в 10 млрд. иен, из которых 3 млрд. приходились на правительственные капиталы. На долю концерна Мицуи приходится около 1,3 млрд. иен. Капиталы вложены главным образом в следующие отрасли: горная промышленность — 211 млн. иен, химическая — 244 млн. иен, текстильная — 160 млн. иен, металлическая — 94 млн. иен, электрическая — 96 млн. иен и пищевая — 83 млн. иен.

Преобладающее влияние концерн Мицуи имеет в угольной, нефтяной, химической и электротехнической промышленности, а также в экспортно-импортной торговле. В торговые предприятия вложено 143 млн. иен. Валовой торговый оборот компании достигает 1½ млрд. иен в год.

Концерн Мицуи владеет целым рядом второстепенных вспомогательных предприятий, вроде судоходных компаний, электрических железных дорог, трамваев и т. д. Крупнейший банк «Мицуи», имеющий 137 млн. иен основного капитала, является по существу финансовым агентом японского империализма.

Основными и решающими отраслями деятельности второго концерна — Мицубиси — являются судоходство, судостроение, машиностроение, черная металлургия, производство цветных металлов, химическая промышленность и в особенности производство азотистых веществ и искусственного шелка — важнейших элементов военной промышленности. Подавляющая часть военной промышленности сосредоточивается таким образом в руках данного концерна. Вполне естественно, что все его главнейшие предприя-

тия находятся под особым покровительством японского империалистического правительства и военной клики.

Для характеристики того, насколько грабительская война в Китае связана с интересами японских монополий, можно привести тот факт, что проведение так называемой «позитивной политики» в Манчжурии и Монголии, превратившееся в захватническую войну, началось немедленно после тщательно произведенного обследования положения Манчжурии концерном Мицуи.

В настоящий момент оба концерна — Мицуи и Мицубиси — развивают бешеную активность по освоению манчжурских богатств. На первых порах ими намечено вложить в Манчжурию 100 млн. иен, они уже выдали заем в 20 млн. Пу И и т. д.

Из других концернов наиболее заслуживающими внимания являются два — Ясуда и Окура, поскольку их главная деятельность связана с колонизацией Манчжурии и Монголии. Концерн Ясуда является владельцем самого крупного банка Японии. Общая сумма контролируемых концерном капиталов достигает примерно 400 млн. иен. Ясуда является самым крупным частным компаньоном крупнейшей в мире полуправительственной «Южноманчжурской железнодорожной компании», этого гигантского спрута, охватывающего своими щупальцами все основные отрасли хозяйства Манчжурии и Монголии. Капитал «Южно-манчжурской железнодорожной компании» достигает 440 млн. иен. В последние дни японское правительство решило увеличить акционерный капитал ЮМЖД до 800 млн. иен.

Концерн Окура также играл в свое время огромную роль в финансировании «Южноманчжурской железнодорожной компании» и вообще являлся одним из главных экспортеров японского капитала в Манчжурию и Монголию. Именно глава этого концерна барон Окура в свое время разработал перспективы и развернутый план колонизации Северного Китая и затем финансировал японскую интервенцию в Сибири в 1918—1922 гг.

Таким образом японский монополистический капитализм является типичным представителем системы монополистического капитализма, т. е. империализма.

Особенность Японии заключается в том, что здесь 1) «новейший капиталистический империализм оплетен особенно густой сетью отношений докапиталистических» (Ленин); 2) с исключительной яркостью проявляется монополия военной силы и «особое удобство грабить инородцев Китая и др.»; 3) суженность — в силу чрезмерной эксплоатации масс и наличия пережитков феодальных отношений — внутреннего рынка и вследствие этого более острая зависимость японского капитализма от внешних рынков; 4) более острые, по сравнению с другими империалистическими странами трудности для капиталистов в деле обеспечения сырьевой базы промышленности в связи с крайней ограниченностью сырьевых ресурсов внутри страны.

Все это обусловило быстрое превращение Японии в одну из самых агрессивных и хищных империалистических держав.

II.

«Сокровищница Дальнего Востока»

«Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний» (Ленин).

При этом, — продолжает Владимир Ильич, не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными... Отсюда неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще...»[1]

Совершенно очевидно, что агрессия Японии в Манчжурии, Монголии и Китае является только одной из ярких иллюстраций к ленинскому положению, об'ясняющему внутренний движущий механизм, внутренние пружины современной японо-китайской войны и выявляющему ее определенный ярко выраженный империалистический характер со стороны Японии.

Развитие японского капитализма отличается особым своеобразием и бурными темпами. Еще в шестидесятых годах Япония была типичной феодальной страной, замкнутой и отсталой, не имевшей никакого соприкосновения с уже развитым к тому времени капиталистическим миром. Попытки капиталистических стран — Америки и Англии — «открыть» Японию и превратить ее в свою колонию привели к взрыву накопившихся в недрах японского феодального общества противоречий и к своеобразной буржуазной революции (1868 г.), известной в истории под именем революции Мейдзи.

В начале XX в. Япония выступала уже как страна развитого капитализма. Акционерные капиталы промышленности и транспорта, охватывающие почти все основные предприятия, возрастали чрезвычайно быстро. Общее представление о темпах развития японской промышленности дает следующая показательная таблица:

	Годы					
	1887	1903	1906	1913	1920	1927
Акционерный капитал промышленности и транспорта (в млн. иен.)	27	390	563	1 024	4 525	7 061

Годы	Число рабочих, занятых в промышленности (в тыс. человек)	Мощность механических двигателей (в тыс. лош. сил)	Акционерный капитал в индустрии
1900	—	94	—
1904	641	228	147
1913	1 086	1 120	653
1920	1 742	2 619	3 699
1927	1 899	5 750	5 748

[1] Ленин т. XIX стр. 132—133.

Мощность механических двигателей в Японии за 13 лет (1900 — 1913 гг.) возросла в 11,5 раза.

Бурные темпы роста японского капитализма об'ясняются, с одной стороны, систематическим грабежом соседних стран и колоний, с другой стороны — жесточайшей эксплоатацией трудящихся масс собственной страны.

Япония, в результате японо-китайской войны 1894 г. получила с Китая 350 млн. иен военной контрибуции, а вскоре затем новые суммы в форме боксерской контрибуции.

После поражения России в 1905 г., последняя уплатила Японии 121 млн. руб. военных издержек.

Большая часть этих средств, полученных на протяжении одного десятилетия, была брошена в форме правительственных субсидий и премий предприятиям на развитие японской промышленности, причем особым покровительством пользовались отрасли промышленности, связанные с снабжением армии и флота (металлургия, химия, судостроение).

Колоссальные сверхприбыли, полученные японскими империалистами в результате неприкрытого ограбления населения только-что завоеванных колоний, Кореи, Формозы, Южной Манчжурии, обращались на ту же цель.

Обстановка внутри страны была чрезвычайно благоприятной для развития капитализма. Разоряемое полуфеодальными поборами, налогами, ростовщиками и спекулянтами, крестьянство поставляло в избытке дешевые рабочие руки. Рабочий класс, состоящий в подавляющем большинстве из женщин и детей, зажатый в железные тиски своеобразно сочетаемых форм монополистического капитализма (тресты, банки, современная техника производства) с самой дикой феодально-абсолютистской полицейской системой управления страной и хозяйством, был слабо организован и весьма незначительно мог сдерживать напор японских капиталистов, с особой жадностью выколачивавших прибыли.

Достаточно указать на то, что например в текстильной промышленности Японии в 1903 г. прибыли исчислялись в 10%, в 1905 г. — в 36%, а в 1906 г. они были выше 40%.

Развивавшиеся быстрыми темпами индустрия и транспорт пред'являли колоссальный спрос на уголь и металл. Число машин и судостроительных заводов за период с 1900 по 1919 г. возрастает с 413 единиц до 3 490, т. е. увеличивается в 8,5 раз, достигая к 1928 г. 4 500 предприятий. Железнодорожная сеть в 1900 г. имела 6,2 тыс. *км*, в 1927 г. — уже 20,2 тыс. *км*. Потребление стали в Японии возрастает из года в год.

1906 г.	412 тыс. *т*
1913 „	755 „ „
1919 „	1 186 „ „
1929 „	2 477 „ „

Потребление чугуна за период 1913 — 1929 гг. увеличивается с 506 тыс. *т* до 1 754 тыс. *т*.

Потребность в металле в начальный период покрывалась главным образом за счет импорта. Из 412 тыс. *т* потребленной

стали в 1906 г. на импортную падало 82%; даже еще в 1913 г. 70% потребности в стали удовлетворялось за счет импорта.

Высокие цены на металл, стоявшие на внутреннем рынке Японии, перспективы получения больших прибылей, дали толчок к созданию собственной металлургии в Японии. Решающую роль в этом деле сыграла поощрительная политика воинственно настроенного японского правительства, заинтересованного в производстве металла внутри страны на случай войны.

Испытанными в капиталистической системе путями — введением высоких таможенных пошлин на импортный металл, путем правительственых субсидий японским фабрикантам — владельцам металлопредприятий, которые выдавались за счет дополнительных налогов на широкие массы трудящихся, и без того задавленных непосильными поборами, Японии удалось создать собственную металлургическую промышленность на японских островах. В 1929 г. из 2 477 тыс. *т* потребленной Японией стали импортировано было всего лишь 31%, и в 1930 г. — 22%. Из общего количества потребленного за 1929 г. в Японии чугуна импортного было всего 11%; 63% чугуна было произведено на предприятиях Собственно Японии и 26% — в японских колониях (в Корее и Южной Манчжурии).

Но это благополучие по существу только кажущееся. Японская металлургия не имеет собственной сырьевой базы и работает на привозной железной руде. В 1928 г. в Собственно Японии было добыто всего лишь 158 тыс. *т* железной руды, в то время, как ввезено из японских колоний (Кореи и Формозы) 1 042 тыс. *т* и кроме того импортировано из-за границы, главным образом из Китая, 1 691 тыс. *т*. Таким образом добыча железной руды Собственно Японии едва достигает 5,5% от общей потребности, в то время как импорт из-за границы, без колоний, занимает 60%. Зависимость японской металлургии от импортной руды будет еще нагляднее, если сравнить соотношение внутренней добычи железной руды и импорта в динамическом разрезе.

Годы	Добыча железной руды в Японии (в тыс. *т*)	Импорт железной руды
1913	53	544
1919	363	1 297
1927	159	1 115
1928	158	2 260

В то время как внутренняя добыча руды за последнее десятелетие стабилизовалась примерно на уровне 150 тыс. *т* импорт руды из года в год возрастает чрезвычайно быстрыми темпами.

Таким образом японская металлургия стоит на глиняных ногах.

Импортная руда значительно повышает себестоимость продукции металлургии, и фабриканты не получают достаточных с их точки зрения прибылей, несмотря на высокие продажные це-

ны. При таком положении японское правительство вынуждено систематически давать субсидии металлургии, чтобы она не прекращала работы. Зависимость от импортной руды и случайности, связанные с ее приобретением, соображения на случай войны, к которой Япония издавна готовилась, давно беспокоили правительственные и милитаристические круги, и взоры японского империализма все более направлялись на Манчжурию, богатую рудой и металлом.

Манчжурия представляет собой область с 30 млн. населения, включающую три китайских провинции — Мукденскую, Гиринскую и Цицикарскую. Территория Манчжурии равняется 1 200 тыс. *кв. км*, т. е. примерно в 2 раза превышает территорию Собственно Японии, или равняется территории Германии и Франции, вместе взятым, она наконец равняется вместе взятым Польше, Чехо-Словакии, Румынии, Литве, Латвии и Эстонии.

Почва Манчжурии отличается особым плодородием, а недра - колоссальными залежами полезных ископаемых, неразведанных в настоящее время даже на одну десятую своих богатств. Таким образом данное Манчжурии название «сокровищницы Дальнего Востока» вполне соответствует действительности.

Остановимся на характеристике основных сырьевых ресурсов Манчжурии и в первую очередь на железной руде.

Общие запасы железной руды в Манчжурии исчисляются в 743 млн. *т* и превышют запасы железной руды в Собственно Японии примерно в 16 раз. Основная масса запасов руды расположена в Северной Манчжурии, где насчитывается свыше 40 железорудных месторождений. В 70 *км* от Харбина, в районе Сяоляна, обнаружено около 10 выходов железной руды с общим количеством запасов примерно в 10 — 12 млн. *т*. Обнаруженная руда — высокого качества и содержит до 60% железа.

До последнего времени в Северной Манчжурии разрабатывались, и то полукустарным способом, всего три месторождения руды в уезде Паньши, Гиринской провинции. Промышленная разработка железных руд поставлена только в Южной Манчжурии на японских концессиях, где добывается руды в 4 раза больше, чем на японских островах, что равняется почти 25% всей потребляемой Японией железной руды. За последнее время японские империалисты обращали особое внимание на Манчжурские железные месторождения, проводя форсированными темпами изыскания и разворачивая производство на существующих Аньшанских рудниках и в Бэньцзиху.

Богатые запасы железных руд в Манчжурии сочетаются с наличием больших залежей угля. По одной только Южной Манчжурии произведенные японцами обследования показали запасы в 1 177 млн. *т* угля. Северная Манчжурия еще богаче каменным углем и уже сейчас, при чрезвычайно малой обследованности, насчитывает 12 угольных месторождений с богатейшими запасами. Приблизительные и очевидно преуменьшенные подсчеты дают только по 7 из указанных месторождений около 3 050 млн. *т* запасов угля. Кроме того во Внутренней Монголии, об'екте японской экспансии, также имеются солидные запасы ка-

менного угля. В одном только районе Жэхэ, по японским данным, насчитывается около 1 млрд. *т* высококачественного коксующегося угля.

Таким образом общее количество выявленных запасов каменного угля в оккупированной области, исчисленных с явными преуменьшениями, составляет более 5 230 млн. *т*, что примерно в 6—7 раз превышает запасы Собственно Японии. Запасы каменного угля вообще на островной Японии чрезвычайно ограничены. По точным подсчетам — а геологоразведка в Японии поставлена замечательно — все запасы угля в стране, доступные разработке при существующей технике, составляют всего 820 млн. *т*. Добыча угля в 1929 г. составляла 34 млн. *т*, в 1930 г. — 31 млн. *т*. Если предположить, что добыча угля в Японии продолжалась бы в таком же об'еме, как теперь, то угольных запасов Японии хватило бы всего лишь на 15—20 лет, при условий извлечения из недр последнего угля. Кроме того каменные угли островной Японии плохи по качеству — не спекающиеся, с высокой зольностью, почти непригодные для металлургии по своим техническим свойствам. Отсюда чрезвычайно характерное явление во внешней угольной торговле Японии. Она вывозит свой, плохого качества, уголь и ввозит высшие сорта углей для удовлетворения потребностей металлургии. Так например в 1923 г. Япония вывезла 1,6 млн. *т* на 21,5 млн. иен, а ввезла тоже 1,6 млн. *т*, но стоимостью в 24,3 млн. иен; в 1930 г. вывезла 2,1 млн. *т* стоимостью в 21,8 млн. иен, а ввезла 2,6 млн. *т* коксующегося угля, стоимостью в 34,2 млн. иен. Эта разница в ценности ввозимого угля отражается на прибылях предпринимателей, несмотря на то, что Япония экспортирует свой, плохого качества, уголь в большинстве случаев в Китай и продает его по относительно высоким ценам, пользуясь своим привилегированным положенем на рынках Китая.

Импортирует уголь Япония главным образом из Манчжурии. Разработка залежей угля в Северной Манчжурии, как и разработка железных руд, поставлена чрезвычайно слабо и производится в большинстве случаев полукустарным способом. Общая годовая добыча едва превышает полмиллиона тонн.

Что касается Южной Манчжурии, то здесь функционируют принадлежащие Японии крупнейшие копи — Фушунские, дающие ежегодно около 10 млн. *т* дешевого каменного угля. Мощные угольные пласты в Фушунских копях лежат так близко от поверхности земли, что почти не требуют для своей разработки сооружения глубоких, дорогостоящих шахт, и это положение, наряду с чрезмерной эксплоатацией китайских рабочих, дает возможность добывать уголь по крайне низкой себестоимости.

Манчжурия таким образом не просто дает уголь, но дает дешевый уголь, что несомненно еще больше увеличивает захватнические стремления японского империализма.

Наконец манчжурский уголь является углем высокого качества, коксующимся, с высоким процентом смолы, кроме того он малозолен, т. е. обладает всеми качествами, необходимыми для применения в металлургии.

Сочетание железорудных месторождений и коксующихся углей создает огромные предпосылки для развития металлургической промышленности в Манчжурии и несомненно, что японские империалисты, оккупируя Манчжурию, не упускают из виду возможности получения здесь металла более дешевого, чем они имеют на заводах Собственно Японии.

В настоящее время себестоимость производства тонны чугуна в Японии считается самой высокой во всем мире.

Страны	Стоимость сырья, необходимого для выплавки тонны чугуна (в американских долларах)			
	железная руда	кокс	флюсы	итого
Япония	8,50	8.50	1,00	18,00
САСШ	7.85	6.75	0,50	15,10
Германия	7.60	6.00	2,05	15,65
Франция	3,40	9,00	—	12.40
Великобритания	3,50	8.00	0,20	11,70
Южная Манчжурия	5,00	5,00	1,00	11,00

Таким образом из всех стран Япония имеет самую высокую себестоимость производства чугуна, и Южная Манчжурия — самую низкую, с которой конкурируют только заводы Люксембурга. Разница в себестоимости металла в Японии и Манчжурии равняется примерно 40%, и конечно японские империалисты не могут пройти мимо возможности получить такие громадные прибыли.

Японский империализм усиленно ищет в колониях дешевую нефть.

Япония — морская держава и имеет огромный как торговый, так и военный флот.

Реконструктивные процессы в энергетике мирового флота идут в направлении перехода от паровой машины к двигателю внутреннего сгорания, и почти все вновь строящиеся суда как торгового, так и военного флота строятся на двигателях внутреннего сгорания. Даже на старых судах паровые машины заменяются нефтяными двигателями.

Причина этой перестройки флота лежит в чрезвычайной выгодности и удобстве использования нефти в водном транспорте по сравнению с углем. Мазут, даже при паровых машинах, увеличивает радиус действия судов по сравнению с углем, примерно на 50%. При переходе на двигатель внутреннего сгорания радиус действия судна увеличивается минимум в 3 раза по сравнению с паровым судном. Одна тонна нефти заменяет примерно около 6 *т* угля и следовательно судно с двигателем Дизеля может брать на борт запас топлива примерно на 60 дней, тогда как для такого же парового судна запас угля может быть взят только на 15 дней. Технические преимущества нефти, особенно в военном отношении, огромны, и японский флот как один из лучших в техническом отношении идет также по линии перевода своих судов на нефтяное топливо.

Как же покрывается потребность нефти?

Для 1930 г. добыча нефти в Японии со всеми колониями и концессиями (Сахалин) определялась в 471 тыс. *т*. Кроме того 1 300 тыс. *т*, т. е. около 75%, импортировалось из-за границы, главным образом, из САСШ и колоний. Прямая зависимость флота — основы японского могущества на Тихом океане — от САСШ до крайности нервирует японскую военщину, и японские империалисты рыщут по Дальнему Востоку в погоне за нефтяными источниками.

Положение Японии осложняется еще тем, что добыча нефти в Собственно Японии за последнее время систематически падает. Растет эксплоатация только сахалинской концессионной нефти. Динамика нефтедобычи Японии такова:

Годы	Добыча нефти (в тыс. *т*)	
	Островная Япония (без Формозы и Советского Сахалина)	Сахалинская (советская), концессия
1913	223	—
1916	420	—
1921	320	—
1925	265	13
1927	234	86
1929	258	187
1930	226	193

В общем добыча в Собственно Японии не только не развивается, но даже падает в сравнении с 1916 г. почти вдвое, что об'ясняется исключительной бедностью и истощением нефтяных запасов на островах.

Чтобы представить еще ярче всю остроту нефтяного вопроса для японского империализма, необходимо иметь в виду, что во время войны японский военный флот должен будет потреблять свыше 100 тыс. *т* нефти ежедневно. Таким образом в случае войны и блокады всей годовой добычи нефти на островах хватило бы всего лишь на 3 дня. Общая потребность нефти на случай трехлетней войны исчисляется примерно в 100 млн. т.

Могут ли что-нибудь поправить в японском нефтяном балансе Манчжурия и Монголия?

Действующих нефтяных промыслов в полном смысле этого слова ни в Манчжурии, ни в Монголии нет. Но даже при той незначительной разведанности естественных ресурсов, которые имеются сейчас, все данные говорят за то, что и в Манчжурии и в Монголии нефть имеется. На японских картах уже нанесено 7 нефтяных месторождений в Северной и Южной Манчжурии. В частности обнаружены пропитанные нефтью почвы в северо-западной части Манчжурии, в Хайларо-Цыганском районе, недалеко от советской границы. Совершенно определенно имеются нефтеносные месторождения в юго-восточной части Монголии в районе Жэхэ, куда устремился японский империализм в самом начале оккупации. Японцами давно уже запроектирована желез-

нодорожная линия Чаоян—Жэхэ с выходом в один из ближайших портов, и особо энергичные военные операции именно в этом районе говорят за то, что японские империалисты предполагают в ближайшее время извлечь большие выгоды из оккупации этой местности.

Известно также, что американский нефтяной трест «Стандарт Ойль» получил еще в 1914 г. концессию сроком на 80 лет на разработку нефти в районе Жэхэ и провинции Шенси. В печати сообщалось в свое время о том, что промышленная нефть найдена в неглубоких скважинах, но что пока-де не рентабельно приступать к ее разработке. Однако газетным сообщениям капиталистических стран можно верить с большой осторожностью, ибо при сложнейшем переплете империалистических противоречий в Китае, отдельные группы капиталистов заинтересованы в том, чтобы скрывать до поры до времени результаты своих разведок и не дать возможности использовать их своим противникам. Бесспорно и несомненно одно, что источники нефти имеются и в Манчжурии и в Монголии.

Уже сейчас в Южной Манчжурии, в районе Фушунских угольных копей, японцами организована перегонка нефти из битуминозных сланцев, которыми чрезвычайно богата и Южная и Северная Манчжурия. Запас битуминозных сланцев в районе Фушуна исчисляется японцами в 5,3 млрд. *т* со средним содержанием нефти около 6%, т. е. вполне пригодных для промышленной разработки, в особенности благодаря близости угля и возможности использовать сланцы в качестве топлива. Глубина залегания «сланцевого масла» равняется примерно 350 — 390 футам.

Японский завод по переработке сланца начал работать в Фушуне с конца 1929 г., и на его сооружение затрачено около 8,5 млн. иен. В октябре 1931 г. промелькнуло сообщение, что предполагается установить еще 80 перегонных печей. Годовая продукция завода исчисляется в 70 тыс. *т* тяжелых масел, 9,4 тыс. *т* неочищенного парафина и 18,2 тыс. *т* сернистого аммония. Если принять во внимание, что одна тонна фушунского сланца дает газолина 1,5 галлона, керосина — 4,22 галлона, горючего масла — 5,58 галлона, смазочного масла — 1,54 галлона, воску—20 английских фунтов и серно-кислого аммония — 40 английских фунтов — то всех запасов фушунских сланцев хватило бы Японии примерно на 30 лет, конечно при абсолютно условном предположении о сохранении современного об'ема потребления и сохранения существующего капиталистического строя.

Однако самыми богатыми на Дальнем Востоке и действующими в настоящее время источниками нефти обладает советский Сахалин. Продукция Сахалинской концессии почти догоняет продукцию Собственно Японии, и развитие ее идет чрезвычайно быстрыми темпами. Разработка японцами сахалинской нефти началась в 1925 г., а в 1930 г. Япония получила уже 193 тыс. *т* нефтяных продуктов. На 1931 г. программа добычи намечалась в 200 тыс. *т*. Запасы нефти на Сахалине считаются колоссальными, и во всяком случае богатейшими на всем Дальнем Востоке; по восточному берегу Сахалина имеется около 10 выходов нефти. Уг-

лубление уже работающих скважин дает и большее количество нефти и лучшего качества.

Можно безошибочно сказать, что в числе тех многих причин, которые побуждают империалистическую Японию на интервенцию против СССР, советская сахалинская нефть занимает одно из первых мест.

В связи с общим развитием техники вообще и в особенности в связи с чудовищным ростом вооружений японская промышленность пред'являет колоссальный спрос на цветные металлы, незаменимые элементы в производстве сверхпрочных, нержавеющих, неокисляющихся, легких сплавов, употребляемых в авио-радио-, авто- и электропромышленности. Почти вся потребность Японии в цветных металлах—за исключением меди—покрывается импортом.

В аннексируемой Манчжурии японские империалисты рассчитывают получить достаточное количество этих материалов, которые они главным образом используют для еще большего роста вооружений. Недра оккупируемой Манчжурии содержат огромные запасы почти всех цветных металлов: серебра, свинца, цинка, ртути, меди, платины, золота, вольфрама, алюминия и др. В Японии вольфрам не добывается совсем, а импортируется главным образом из Китая. Китай вообще до последнего момента являлся основным поставщиком вольфрама на мировом рынке, и на его долю приходилось до 50% всей мировой продукции. В Манчжурии присутствие вольфрама обнаружено в ряде мест.

Магнезит широко употребляется для изготовления сплавов, применяемых главным образом в авиопромышленности. Япония добывает на островах очень незначительное количество магнезита. Подавляющую долю потребляемого магнезита она импортирует из Китая и Южной Манчжурии. В Южной Манчжурии имеется 7 крупных магнезитовых месторождений, дающих руду весьма высокого качества.

Месторождение магнезита, расположенное к северу-востоку от станции Ташичао на ЮМЖД, тянется на 14 *км* и имеет запасов около 200 млн. *т*. В настоящее время в Южной Манчжурии добывается свыше 15 тыс. *т* магнезита, который полностью вывозится в Японию.

Алюминия Япония производила в 1927 г. 9,7 тыс. *т* кроме этого импортировала 6 тыс. *т*. Развивать дальше производство алюминия на островах Японии почти не имеет возможности за отсутствием залежей бокситов — руды, из которой добывается алюминий. Единственное на всем Дальнем Востоке крупнейшее месторождение боксита, имеющее мировое значение, обнаружено в Северной Манчжурии в районе Лалинхэ и Нингута. Богатые залежи боксита сочетаются здесь благоприятно с наличием водной энергии для установки гидроэлектростанции, так как производство алюминия требует чрезвычайно большого количества электроэнергии. Японские капиталисты давно интересовались этим районом, тщательно обследовали его и и затем с исключительной настойчивостью добивались договора на концес-

сию и постройку железнодорожной под'ездной ветки Дуньхуа — Нингута.

В Манчжурии залежи бокситов найдены также в Мэцзянском районе Гиринской провинции. В настоящее время на островной Японии работает завод на привозной руде (бокситах), которая импортируется из южных провинций Китая.

Бывший премьер Танака так изображает отношения японских империалистов к алюминию и магнезиту, находящихся на территории Манчжурии:

«Магнезит и алюминий находятся в изобилии в Манчжурии. Магнезит находится в окрестностях Ташичао, а алюминий вблизи Янтая. Это — крупнейшие залежи в мире. Тонна магнезита стоит 2 тыс. иен, а тонна алюминия — 1 700. Общая стоимость запасов того и другого в Манчжурии составляет 750 млн. иен. Эти металлы полезны для фабрикации аэропланов, больничных инструментов, кораблей и пр. Только в САСШ имеются крупные залежи этих минералов. Эти минералы становятся со дня на день все более и более необходимыми, а между тем запас их ничтожен. Цены на них растут. Залежи этих материалов на нашей территории (!) в Манчжурии и Монголии являются для нас божьим даром. Захватив в свои руки эти залежи в трех восточных провинциях, мы сможем заставить водную силу реки Ялу перерабатывать их. Так как авиация развивается, то в будущем к нам будет обращаться весь мир за материалами, необходимыми для производства аэропланов».

Чтобы покончить с промышленным сырьем и металлами, составляющими богатства Манчжурии, необходимо еще остановиться на золоте.

Возможность получения в завоеванных территориях драгоценного металла в чистом виде всегда настраивала империалистов сверхвоинственно, а некоторые особенности структуры хозяйства и характера внешней торговли Японии таковы, что золото Манчжурии притягивает взоры японских империалистов с исключительной силой. Дело в том, что японская внешняя торговля страдает органическим пороком — пассивностью торгового баланса. Япония систематически больше ввозит, чем вывозит, так как ей приходится ввозить сырье (хлопок, железную руду, нефть) для своих предприятий и для создания мобилизационных запасов и вооружений в порядке подготовки к войне. Разницу, которая получается в результате хронически пассивного баланса, Япония вынуждена покрывать или за счет вывоза золотых слитков или за счет получения займов у иностранных держав.

Исключение в этом отношении представляли годы империалистической войны, когда вследствие отсутствия на тихоокеанских рынках конкурентов Япония сбывала огромное количество товаров по вздутым ценам и получала на этом деле огромные прибыли. В области тихоокеанского судоходства в этот период Япония также была почти монополистом и благодаря этому «зарабатывала» огромные барыши. Имея в течение 4 лет (1915 — 1918) активный торговый баланс (в 1917 г. вывоз превысил ввоз на 756 млн. иен, что вместе с доходами от судоходства составило

около 1 400 млн. иен активного сальдо), Япония накопила золотой запас и валюту как внутри страны, так и за границей свыше 3 млрд иен.

Однако начиная с 1919 г., Япония снова систематически имеет пассивный баланс, который в среднем составляет ежегодно 250—300 млн. иен. Общая сумма пассивного сальдо за 10 лет равняется примерно 3 300 млн. иен. В 1930 г. пассивное сальдо составляло 16 млн. иен, а в 1931 г. 140 млн. иен. За первое полугодие 1932 г. в связи с чрезвычайно возросшим импортом военного снаряжения пассивное сальдо уже достигало 300 млн. иен. В связи с таким положением естественно происходила и происходит утечка золотых запасов из Японии и рост внешней задолженности. Задолженность Японии по внешним займам равнялась в 1913 г. 2 млрд. иен. В результате благоприятного положения с торговым и платежным балансом во время мировой войны, она уменьшила свой заграничный долг до 1,5 млрд. в 1922 г., а с ухудшением положения эта задолженность снова повысилась до 2 млрд. иен на 1929 г.

Движение золотых запасов также наглядно иллюстрирует всю остроту положения финансового хозяйства Японии. Золотой запас Японии в 1913 г. составлял всего 376 млн. иен; к 1920 г. он достигает наивысшей точки — 2 178 млн. иен и затем, постепенно снижаясь, падает к 1928 г. до 1 199 млн. иен. К началу оккупации золотой запас снизился до 1 млрд. иен, а к февралю 1932 г. уже до 400 млн. иен. Чрезвычайно характерно, что в последние годы сокращаются быстрее золотые запасы Японии, хранящиеся в заграничных банках, тогда как ранее, в особенности до империалистической войны, основная масса золотого запаса Японии именно хранилась за границей. В 1913 г. из 376 млн. золотого запаса в заграничных банках находилось 246 млн. иен, или 65%; в 1919 г. из 2 045 млн. за границей было 1 343 млн., или 67%, а затем, систематически снижаясь, хранящийся за границей золотой японский запас падает к 1928 г. до 114 млн. иен, что составляет всего лишь 9,5% от всего запаса. Это помимо всего прочего означает в первую очередь то, что в последние годы Япония усиленно готовилась к войне, которую она сейчас начала и которую она намерена повидимому продолжать «до победного конца».

Японское правительство все эти годы вело усиленную борьбу с пассивным балансом, энергично проводя систему протекционизма, долженствующую расширить вывоз и сократить ввоз товаров, выдавала премии японским промышленникам за вывоз товаров, ограждала себя барьером высоких, иногда почти запретительных пошлин на импортные товары, в особенности на готовые изделия и т. д. и т. п. Но все эти мероприятия давали ничтожные результаты и проводились с большим трудом. Японские империалисты рассчитывают использовать захват золотых россыпей и существующих приисков Манчжурии и Монголии для излечения болезней своей валютной системы.

В Северной Манчжурии имеются 15 районов с наличием золота (по притокам рек Амура, Аргуни, Сунгари, Лялинхэ, Майхэ, Чол и др.). В 12 из этих районов уже ведется разработка.

Всего по Северной Манчжурии насчитывается около 700 точек, в которых было обнаружено золото, причем 650 россыпного и 50 точек рудного. Это при том положении, что общая обследованость Северной Манчжурии совершенно незначительна. Приблизительный подсчет запасов золота, известных в Северной Манчжурии, произведенный геологом, большим знатоком Манчжурии, профессором Аннерт, составляет примерно около 3,5 млн. *кг* (215 тыс. пудов). В Южной Манчжурии, несмотря на ее бедность в этом отношении в сравнении с Северной Манчжурией, обнаружено 15 местностей с наличием пригодных для промышленной разработки золотых россыпей и несколько рудных.

В Монголии также имеются огромные возможности для развития золотопромышленности.

Как в Манчжурии, так и в Монголии, в особенности в районе Жэхэ, японцы все последнее время вели усиленную разведку ископаемых богатств, в том числе разведку золота.

Разработка золота в настоящее время ведется исключительно хищническим кустарным способом, даже там, где работают крупные китайские компании, как например в районе Сахалина, по Амуру. Компании золотопромышленников обычно сдают разработку золота китайским артелям, организованным по 16 человек в каждой, и сводят свою роль только к скупке добытого золота.

Японские империалисты рассчитывают, повысив технику добычи золота, в несколько раз увеличить общую добычу, которая даже при самых примитивных способах работы чрезвычайно велика. Манчжурия и Монголия вместе давали в 1925 г. 10,5 тыс. *кг* по явно преуменьшенным данным, причем из этого общего количества 1,6 тыс. *кг* приходилось на Монголию и 8,3 тыс. *кг*, т. е. столько же, сколько дает вся Япония (8,5 тыс. *кг*), падало на одну Манчжурию.

Манчжурия является «сокровищницей Дальнего Востока» не только в отношении промышленного сырья, но и сырья сельскохозяйственного происхождения и продовольственных продуктов.

В сельскохозяйственном отношении Манчжурии представляет собой чрезвычайно плодородный по почвенным и климатическим условиям край с огромными пространствами пахотной земли, еще не вступившими в обработку, несмотря на рост товарного сельского хозяйства. Динамика роста посевных площадей Манчжурии представляется в следующем виде.

Годы	Площадь посева (в млн. цио) [1]	Темпы роста к 1908 г. (в процентах)
1908	8,0	100
1913	9,4	118
1918	10,7	134
1923	12,1	150
1928	13,6	169
1929	13,9	174
1930	14,2	177

[1] Цио равняется 0,91 десятины.

Основную массу производимых в Манчжурии культур составляют соевые бобы и пшеница. В силу своих благоприятных климатических и почвенных условий Манчжурия является главным поставщиком бобов на мировом рынке. Экспорт бобов из Манчжурии составлял в 1920 г. 600 тыс. *т*, в 1923 г — 1 200 тыс. *т*, 1926 г. — 1 400 тыс. *т*, в 1929 г. — 2 800 тыс. *т* при валовом сборе в 5 млн. *т*. Главными центрами для экспорта бобов являются Англия, Германия и Япония.

В Японии соевые бобы издавна являются основным продуктом питания самых широких, главным образом, бедняцких масс. Из соевых бобов приготовляются традиционные японские блюда: мисо, тофу и специальная соевая приправа ко всякого рода кушаньям. Поэтому спрос на соевые бобы на японских рынках чрезвычайно велик, производство же их в Японии не имеет широких переспектив, потому что в Собственно Японии идет процесс вытеснения продовольственных культур высокотоварными и более ценными техническими культурами, как-то: чаем, индиго, рами, тутовыми деревьями, сахарным тростником и т. д. Продукция бобов в самой Японии падает с 3,8 тыс. коку[1] в 1915 г. до 3,3 тыс. коку в 1927 г. Но зато импорт бобов увеличивается с каждым годом и составляет в последнее время основательную статью в общем японском импорте. В 1912 г. было ввезено бобов на 13,3 млн. иен, в 1921 г. — на 24,7 млн. иен, в 1925 г. — уже на 70,0 млн. иен и в 1929 г. — на 78,7 млн. иен.

Капиталистическое развитие Японии, дальнейшее обнищание рабочего класса и пролетаризация крестьянства создают все более широкий рынок для такого продукта, как бобы. Поэтому, обеспечив себе получение дешевых бобов из Манчжурии, японские фабриканты рассчитывают еще дешевле платить рабочим и следовательно повысить свою прибыль.

Кроме средства питания соевые бобы занимают еще более видную роль в сельскохозяйственном производстве Японии в виде удобрения для рисовых полей, на что идут бобовые жмыхи. Применение удобрений на полях Японии в связи с углублением капиталистического процесса в сельскохозяйственном производстве развивается широко и повышается быстрыми темпами. Если среднегодовое потребление рыночных удобрений за пятилетие 1908 — 1912 гг. выражалось в сумме 67,8 млн. иен, то за пятилетие 1924 — 1928 гг. в среднем годовая стоимость удобрений достигает 306,5 млн. иен, из которых 134,5 млн. иен приходилось на внутреннее производство, а 172,2 млн. иен — на импортное. Из этих импортных 172,2 млн. иен в свою очередь 100 млн. иен приходится на бобовые жмыхи, ввозимые целиком из Манчжурии.

Правда японцы стараются заменить бобовый жмых сернокислым аммонием, но процесс вытеснения идет очень медленными темпами, ибо жмых дешевле и удобнее минерального удобрения тем, что, расщепляясь на рисовом поле под водой медленно и постепенно, действует более эффективно, нежели минеральные удобрения, которые быстро растворяются и действуют в течение более

[1] Коку — приблизительно 150 *кг*.

короткого периода. Поэтому, хотя за десятилетие (1916—1926 гг.) потребление серно-кислого аммония увеличилось почти в 10 раз (с 44 тыс. *т* до 404 тыс. *т*), все же бобовые жмыхи в балансе удобрения составляют в Японии 48,7% по удельному весу, достигая в 1926 г. по абсолютным цифрам 1 710 тыс. *т* против 946 тыс. *т* в 1916 г. Оккупация Манчжурии дает японским капиталистам возможность получать жмыхи как внутренний продукт и таким образом исключить из импорта солидную статью.

Что касается пшеницы и ячменя, то в японском импорте эти продукты также занимают довольно значительное место, достигая в 1929 г. общей суммы в 71 млн. иен по ценности и составляя 3,2% от всего импорта Японии. При этом нужно учесть, что производство пшеницы в самой Японии деградирует и составляет по об'ему $^1/_{10}$ часть от всей импортируемой пшеницы. Кроме того Манчжурия поставляет уже сейчас пшеницу более дешевую, чем производимая внутри Японии, и лучшую по качеству, так что быстро развивающаяся мукомольная и пивоваренная промышленность отдают предпочтение манчжурской пшенице перед отечественной.

Продукты переработки привозного сельскохозяйственного сырья (бобовое масло, пиво, трикотаж и др.) идут не только для покрытия спроса на внутреннем рынке Японии, но и в широких размерах выбрасываются на внешние рынки, не говоря уже о том, что в отношении хлопчатобумажных тканей — тоже на привозном сырье — Япония занимает господствующее положение на дальневосточных рынках.

Особое значение для Японии имеют также такие товары, как мясо и шерсть, поставщиками которых являются Шаньдунская провинция и Монголия. В Собственно Японии насчитывается всего 3,5 млн. голов крупного рогатого скота и 100 тыс. голов овец. В Японии для развития животноводчества по существу не было и нет соответствующих условий. Удобные площади используются главным образом под высокотоварные культуры, пастбищ нехватает. Наконец религия японцев — синтоизм и буддизм — запрещала употребление мяса. Только с развитием индустрии и «европеизацией» Японии в течение последних 20 лет все больше и больше возрастает спрос на продукты животноводчества: мясо, шерсть, кожу. Рост городов привел к широкому употреблению шерстяной одежды и к развитию следовательно шерстяного производства, а также к замене деревянной обуви — кожаной. Оживление рынка вызвало к жизни животноводчество, которое получило некоторое развитие в северной части японских островов, на острове Хакайдо.

Однако спрос на продукты животндства растет гораздо более быстрыми темпами, чем развивается животноводство на японских островах. Отсюда усиленная погоня за животноводческим сырьем в колониях в расчете на получение высоких прибылей. В особенности это касается шерсти, спрос на которую растет еще быстрее, чем на все остальные животноводческие продукты.

Япония ввозила из-за границы в 1929 г. шерсти на 102 млн. иен, в то время как еще в 1913 г. импорт шерсти равнялся всего 16 млн. иен. Поэтому японские империалисты и стремятся захватить в свои руки монгольское скотоводство вообще и овцеводство в частности. Монгольская шерсть довольно хороша по качеству. Монгольская овца дает шерсти втрое больше, чем японская. Монголия благодаря своей дешевой и высококачественной шерсти является потенциальным источником бешеных прибылей. «Мы этот факт скрываем от остального мира,—признаются по секрету японские империалисты, — для того, чтобы Англия и Америка не начали с нами конкурировать. Если остальные страны узнают об этом преждевременно, мы можем опоздать». Японские империалисты мечтают использовать монгольскую шерсть не только для удовлетворения спроса на японских рынках, но и «для экспорта в Европу и Америку» (меморандум Танака). В этих признаниях во всей наготе выступают движущие пружины империалистических захватнических войн вообще и современной японской в частности.

Чтобы покончить с манчжурскими богатствами, как об'ектом вожделений империалистической Японии, необходимо остановиться на лесных ресурсах и лесопромышленности.

Лес в хозяйстве Японии играет огромнейшую роль — в железнодорожном строительстве (шпалы) и судостроении, а также в деревообделывающей и в чрезвычайно развитой лесохимической промышленности. Кроме того надо учесть, что исключительное значение в Японии имеет лес в жилищном строительстве, ввиду подверженности островов Японии землетрясениям. Однако лесозаготовки в Собственно Японии сокращаются: в 1921 г. было заготовлено 621 млн. кубофутов леса, в 1928 г. — 485 кубофутов. Импорт леса за это время из колоний повысился с 44 млн. кубофутов до 127, а импорт из-за границы повысился с 33 млн. кубофутов до 141. Потребность в лесе увеличивается, а источники даже в колониях, где Япония хищнически истребляет леса, сокращаются. Поэтому поиски новых и дополнительных источников дешевого леса стоят в завоевательских планах японского империализма не на последнем месте.

Манчжурия, в особенности северная, обладает огромными лесными богатствами и уже сейчас, при сравнительно слабой разработке их, снабжает дальневосточные страны строевым и поделочным лесом.

Общее количество лесов в Манчжурии по подсчетам японских разведчиков достигает 6 млрд. деревьев с об'емом древесины в 126 млрд. кубофутов. Основные лесные массивы расположены на севере Манчжурии по отрогам Большого Хингана, а также на юго-востоке по долине реки Ялу и у корейской границы. Как раз в этом районе проходит японская Гирин-Хойренская железная дорога, из-за достройки которой велась все последнее время ожесточенная борьба между мукденскими властями и японскими империалистами. Одной из основных причин, кроме стратегических соображений, почему японцы так настойчиво домогались достройки дороги с выходом в Японское море, являются очень

выгодные перспективы эксплоатации лесных богатств этого района, которые по подсчетам достигают около 2 млрд. *т*.

Японский генеральный штаб проделал на этот счет достаточно точные расчеты. Для того чтобы перевозить этот лес из Гирина в Осака через Чаньчунь и Дайрен, нужно сделать расстояние в 1 300 миль по суше и морю, и дороговизна транспорта делает манчжурский лес неспособным конкурировать с американским лесом. При наличии Гирин-Хойренской железной дороги расстояние сокращается почти на 800 миль. Вместо прежней стоимости отправки кубофута до Осака в 34 цента, стоимость перевозки сокращается до 13 центов. «Считая, что одна тонна леса — подсчитывает Танака в своем меморандуме — даст прибыли в 5 иен, мы видим, что при наличии 20 млн. *т* леса мы сможем благодаря новой железной дороге с легкостью заработать (!) 1 млрд. иен. Мы запретим импорт американского леса в нашу страну, который нам обходится около 100 млн. золотых иен ежегодно».

Подсчеты прибыли, которые японские империалисты рассчитывают получить в результате грабительского захвата богатейших ресурсов Манчжурии и Монголии, ведутся в тиши банкирских контор и министерских кабинетов. О прибылях говорят в узком кругу, в секретных меморандумах и докладах. Для трудящихся масс Японии и всего мира пытаются представить аннексию Манчжурии не как политику кучки империалистов, действующих ради своего обогащения, а как необходимый акт для спасения всей японской нации, якобы страдающей от абсолютного недостатка угля, железа, алюминия.

Проблема сырья — это проблема только для империалистической Японии, общественное производство которой зиждется на основе жесточайшей эксплоатации кучкой монополистов, сосредоточивших в своих руках всю массу средств производства, миллионов японского народа.

III.
Японский империализм в Китае

Ожесточеннейшая борьба империалистических государств за колонии преследует не только цели приобретения источников дешевого сырья, но и завоевание сфер для приложения накопляемых капиталов и широких рынков для сбыта готовой продукции.

Развитая система финансового капитала и монополия в чудовищной мере усиливают накопление и концентрацию капиталов, ищущих приложения. Вывоз капиталов в колонии систематически растет и начинает в основном преобладать над вывозом товаров.

«Для старого капитализма, с полным господством конкуренции, типичен был вывоз т о в а р о в. Для новейшего капитализма с господством монополии типичен стал вывоз к а п и т а л а»[1].

Япония вывозит капиталы в колониальные и полуколониальные страны так же, как и всякая другая империалистическая держава.

---

[1]) Л е н и н, т. XIX, стр. 119 изд. 3-е.

При этом основная масса—около 90%—экспортируемых Японией капиталов помещается в Китае.

Общая сумма японских капиталов, вложенных в различные предприятия Китая, оценивается к настоящему времени в 2,5 млрд. иен.

Рост японских предприятий в Китае обгоняет рост предприятий других империалистических держав. Если в 1898 г. японским капиталистам принадлежало примерно 14% общего числа иностранных предприятий в Китае, то к 1912 г. их удельный вес повышается до 30%; в 1925 г. удельный вес японских предприятий повышается до 66%.

	Количество предприятий	Процентное отношение к общему числу предприятий
Америка	488	6
Англия	718	10
Япония	3 318	66
Прочие	1 250	18
Итого	5 774	100

К 1927 г. число японских предприятий определялось уже в 5 тыс.

По данным японского официального органа ЮМЖД «Дайрен Симбун», опубликованные в июле 1931 г., общая сумма японских капитальных вложений в Китае, определявшаяся в 1929 г. в 1,8 млрд. иен, распределялась следующим образом: на железные дороги — 650 млн. иен, в текстильную промышленность—250 млн. иен, на горное и лесное дело и на земледелие — 206 млн. иен, в тороговые предприятия — 63 млн. иен и в обрабатывающую промышленность — 144 млн. иен; капиталы, вложенные в банки, определялись в сумме 256 млн. иен. Таким образом японские капиталы в Китае устремляются в железнодорожное строительство в первую очередь и затем в текстильную промышленность и горнодобывающую. Главная масса японских вложений сосредоточилась в Манчжурии, где вообще находится около трех четвертей всех вложенных заграницей японских капиталов и около 80% всех капиталов, вложенных Японией в Китае.

Японские инвестиции в Манчжурии, по японским подсчетам, определяются суммой около 2 млрд. иен.

Динамика японских вложений в промышленность и торговлю Манчжурии и Монголии, составленная Таси Го, представителем ЮМЖД в САСШ, рисуется в следующем виде.

Годы	Вложения (в млн. иен): в чисто японские предприятия	в смешанные предприятия: японские капиталы	в смешанные предприятия: китайские капиталы
1907	105,1	0,6	0,4
1911	111,9	1,5	0,6
1915	150,0	2,5	0,4
1920	502,8	40,7	5,9
1926	586,3	36,4	4,2

Таким образом из года в год японский империализм завоевывал господствующие позиции в народном хозяйстве Китая, в особенности в Манчжурии.

Выявляются, с одной стороны, высокие темпы роста вложений вообще, а с другой стороны, подчеркивается, что японские капиталисты прекрасно использовали благоприятную для них ситуацию в период мировой империалистической войны. Кроме того показательны цифры вложений в смешанные предприятия, в которых господствующее положение принадлежит японскому капиталу и которое следовательно фактически делает японских капиталистов полными хозяевами этих предприятий.

Что касается отраслевого и территориального распределения японских капиталов внутри Манчжурии, то об этом можно судить по статистическим данным Южноманчжурской железной дороги за 1930 г., охватывающим только крупнейшие вложения в общей сумме 1,3 млрд. иен.

Из всей этой суммы в Мукденской провинции было вложено 1 152 млн. иен; в Гиринской провинции было вложено 102 млн. иен и в Цицикарской — около 40 млн. иен. Таким образом хотя средоточением японских интересов являлась до сих пор Южная Манчжурия (Мукденская провинция), но японские капиталы успешно проникли и в Северную Манчжурию (Гиринская и Цицикарская провинции), где они составляют довольно солидную сумму.

Основная масса японских капиталов в Манчжурии вложена в железнодорожное строительство, на которое приходится примерно около 680 млн. иен. Свыше 100 млн. падает на обрабатывающую промышленность и около 120 млн. на торговые предприятия. Остальные суммы расходуются по различным отраслям промышленности, из которых главными в свою очередь являются горнодобывающая и лесная.

То, что основная масса капиталов вложена японскими предпринимателями в железнодорожное строительство, конечно не является случайностью. И Манчжурия и Монголия обладают неизмеримыми пространствами, массой неосвоенных плодородных земель, огромными запасами рудных ископаемых и лесными богатствами, вовлечь которые в капиталистический оборот и использовать империалисты смогут успешнее через развитие путей сообщения. С другой стороны, быстро развивающееся товарное сельское хозяйство, специализировавшееся на производстве соевых бобов и пшеницы, идущих на экспорт, пред'являет огромные требования на транспорт. Эти условия обеспечивают и в настоящем и по расчетам капиталистов в будущем огромные прибыли на капиталы, вложенные в железнодорожное строительство.

К настоящему времени вся существующая железнодорожная сеть Манчжурии достигает всего лишь 6 500 *км*. Ничтожность этой величины (на 1 *км* железнодорожной линии приходится 200 кв. *км*), особенно ярко выступает в сравнении с островной Японией, которая имеет 1 *км*. линии на 20 кв. *км* пространства.

Из 6 500 *км* железнодорожных линий «китайские» железные дороги, за которыми обычно скрывается капитал какой-либо империалистической державы, занимают 2 160 *км*. КВЖД, находя-

щаяся в совместном советско-китайском управлении, имеет протяженность в 1 726 *км*. Японские железные дороги — собственные и контролируемые — занимают 2 500 *км*, из общего числа которых на главную, ЮМЖД, приходится 1 117 *км*. Об удельном весе японских капиталов в железнодорожном строительстве Манчжурии можно судить по сопоставлению вложений в «китайские» дороги, составляющие всего сумму в 130 млн. мексиканских долларов[1], с японскими вложениями в сумме 680 млн. иен. Японские капиталы в железных дорогах Манчжурии уже сейчас превышают так называемые «китайские» больше нежели в 5 раз. Это значит, что японский империализм еще до нынешней оккупации Манчжурии уже фактически занимал там господствующее положение, особенно в ее южной части, где действительным хозяином являлась Южно-манчжурская железнодорожная компания.

ЮМЖД представляет собой огромный транспортно-промышленный комбинат, организованный по типу пресловутой «Ост-Индской компании» и являющийся мощным орудием господства японского империализма в Манчжурии.

Комбинат был создан после русско-японской войны, когда южная часть КВЖД вместе с правом аренды всего Ляодунского полуострова перешла от русских империалистов к японским. «Общество» ЮМЖД, начало действовать с 1 июля 1906 г. на правах смешанной полуправительственной акционерной компании с основным капиталом в 200 млн. иен. Впоследствии основной капитал был увеличен до 440 млн. иен. Частные акции, по которым правительство гарантирует 6% дохода, оплачены на 160 млн. иен. Колоссально быстрые темпы дальнейшего роста комбината характеризуются по данным Таси Го все увеличивающимися капитальными вложениями.

Годы	Капитальные вложения (в млн. иен)
1909	182
1916	168
1920	507
1923	634
1925	703
1927	742

Южно-манчжурскому комбинату принадлежит кроме железной дороги множество промышленных предприятий. Из этих предприятий огромную роль играют Фушунские угольные копи, расположенные в 20 милях к востоку от Мукдена.

Копи занимают пространство в 15 тыс. акров, технически прекрасно оборудованы, имеют свою электрическую дорогу протяжением колеи в 158,5 миль, электростанцию мощностью в 30 тыс. *квт*. коксовый завод в 30 печей, пороховой завод, газовый завод и много других вспомогательных предприятий. Продукция Фушунских угольных копей составляла в 1926 г. 6,5 млн. *т*. Правление ЮМЖД ставит задачу довести добычу угля на Фушунских копях до 10 млн. *т* ежегодно, что будет равняться примерно добыче Кузнецкого бассейна в 1931 г. Все значение Фушунских копей выступает особенно ярко при сопоставлении добычи копей

[1] Мексиканский доллар равен примерно одной иене.

с общей добычей угля во всем Китае, которая в 1927 г. равнялась 25 млн. т. Как мы уже указывали — Фушунские угли отличаются высоким качеством и используются не только для нужд ЮМЖД, но и импортируются в Японию для нужд металлургической промышленности.

В состав комбината входит организованный в 1920 г. железоделательный завод в Аньшане, близ Мукдена, оборудованный по последнему слову техники и имеющий также большое значение. Запасы железной руды в Аньшане исчисляются примерно в 300 млн. т. Правда, аньшанская руда не отличается особенно хорошим качеством и содержит всего около 40% железа, но путем обогатительного процесса удалось повысить содержание металлического железа в руде до 50%. Работы по строительству завода начались в 1917 г., и в 1919 г. были пущены две доменные печи с общей производительностью на 150 тыс т ежегодно. В последнее время сооружается новая доменная печь с производительностью в 300 тыс. т чугуна.

В районе Фушунских копей японцами организован завод по переработке битуминозных сланцев, на который затрачено около 8,5 млн. иен.

Кроме таких крупных предприятий, как Фушунские копи и Аньшанский завод, Южноманчжурский комбинат имеет ряд химических заводов, электростанции и другие предприятия. В общей сложности предприятия Южноманчжурского комбината занимают до 40 тыс. рабочих.

Совершенно понятно, что мощный Южноманчжурский комбинат не просто коммерческое предприятие с широким размахом. Он выступает как сугубо политическая организация, как агент японского империализма и проводник его грабительской политики в Манчжурии, деятельность которого всецело подчинена империалистическим завоевательным планам.

Горная промышленность, в современном понимании этого слова, впервые была введена в Манчжурию русскими капиталистами, когда они совместно с китайцами предприняли разработку Фушунских угольных копей. По сведениям китайских властей в Манчжурии имеется около 600 копей, которые распределяются следующим образом: уголь — 213, золото — 234, серебро — 21, медь — 28, железо — 26, свинец — 60, прочие — 16. Однако повидимому здесь включены не только все копи, разрабатываемые мелкими кустарными и полукустарными артелями, но также все вообще более или менее известные месторождения. Япония, в силу японо-китайской конвенции 1905 г. и последующих договоров, владеет в Манчжурии 9 крупнейшими рудниками и копями.

Помимо Фушунских копей большое значение для японских капиталистов имеет группа южноманчжурских рудников в Бенцзиху в 47 милях к юго-западу от Мукдена, заводы которой вместе с Аньшанскими, входящими в Южноманчжурский комбинат, являются крупнейшими заводами в Китае вообще. Формально рудники и заводы в Бенцзиху принадлежали до сих пор смешанной японо-китайской акционерной компании, но по существу

финансировались и контролировались японскими капиталистами. При оккупации Манчжурии японцы попросту разогнали сидевших там китайских директоров, выгнали всю китайскую администрацию и заменили служащих японцами. На заводе в Бенцзиху работают две домны, производительностью по 130 *т* в день каждая. Всего в Южной Манчжурии работают 6 доменных печей.

Заслуживают внимания медные рудники в Северной Манчжурии—Тяньбошанский на границе с Кореей и второй близ города Паньши в Гиринской провинции. Разработки медных рудников находятся под контролем японцев, и вся производимая медь, около 500 *т* в год вывозится в Японию.

В отраслях легкой промышленности японские капиталы в Манчжурии вложены преимущественно в предприятия, перерабатывающие бобы, и главным образом в маслобойные.

В Манчжурии имеется 105 японских маслобойных (бобовых) заводов, охватывающих около 5 тыс. рабочих и вырабатывающих на 50 млн. долл. продукции ежегодно.

Японские капиталисты организовали в Манчжурии довольно крупные текстильные предприятия: дайренская прядильная фабрика стоимостью в 2 млн. иен, прядильная фабрика в Чаньчуне в 1,5 млн. иен, пеньковая фабрика по выработке мешков и брезента в Дайрене ценностью в 1 млн. Начали развивать химическую промышленность: построены завод глицерина и жировых кислот (Сузуки и К°), завод по выделке из бобового масла твердого стеарина в Дайрене, организована Манчжурская химико-промышленная компания по выработке селитры.

Во Внутреннем Китае самые крупные японские вложения приходятся на провинцию Цзянсу с главным городом Шанхаем (275 млн. иен) и провинцию Шаньдун (140 млн. иен). Затем идут провинции Хубэй — 46 млн. иен, Хэбэй — 43 млн. иен, Гуандунь— 8 млн. иен. и Фунцзян — 7 млн. иен. Японские вложения в остальных провинциях Китая исчисляются всего лишь сотнями тысяч иен.

Что же касается характера предприятий, в которые вложены японские капиталы в районах Внутреннего Китая, не считая Манчжурии, то этот вопрос, по данным обследования Чосеньбанка, рисуется в следующем виде:

Прядильно-ткацкие предприятия	232 850 000	иен
Транспортные предприятия	56 660 000	„
Разные фабрично-заводские предприятия . .	107 600 000	„
Разное недвижимое имущество	87 800 000	„
Итого	484 910 000	иен.

Основная масса японских капиталовложений во Внутреннем Китае сосредоточена в текстильной промышленности. Положение ее наглядно иллюстрируется нижепомещенной таблицей[1] (стр. 32).

Следует иметь в виду, что в действительности удельный вес японского капитала в текстильной промышленности Китая значительно выше, чем он показан в нашей таблице, так как большинство так называемых китайских фабрик только по вывеске ки-

[1] По данным журнала «Commerce Reports».

тайские, а по существу финансируются и контролируются японскими империалистами. По подсчетам специалистов удельный вес японских капиталов в текстильной промышленности Китая примерно равняется 70%. Этого конечно совершенно достаточно, чтобы японский империализм мог господствовать в указанной отрасли промышленности и занять прочные позиции на текстильном рынке Китая.

Годы	Всего в Китае		В том числе			
	Хлопчатобумажных фабрик	Количество веретен в тыс.	Японских фабрик	веретен. (в тыс.)	Английских фабрик	веретен. (в тыс.)
1915	31	1 905	3	166	4	192
1925	118	3 414	45	132	4	205
1928	120	3 637	43	1 397	3	153
1930	129	3 897	44	1 608	3	153

Японские империалисты в текстильной промышленности Китая оставляют далеко за собой своих собратьев по грабежу — английских империалистов, они обладают почти 50% всех веретен, имеющихся в Китае, и 14 тыс. ткацких станков из 30 тыс., находящихся на фабриках Китая. Англичанам принадлежит всего лишь 2 тыс. станков.

Японские предприятия лучше оборудованы и выше китайских в техническом отношении — в среднем на 1 китайскую фабрику приходится 29 тыс. веретен, а на японскую — 37 тыс.

Японская текстильная промышленость в Китае работает на местном сырье, и, так как китайский хлопок не отличается высоким качеством, она специализировалась на выработке низших сортов пряжи и следовательно наиболее дешевых сортов тканей, широко идущих на китайском и индийском рынках.

Текстильная промышленость Китая сосредоточена в провинции Цзянсу. Шанхай является центром китайской текстильной промышлености вообще и в нем построено 75% всех японских текстильных фабрик в Китае.

По данным китайского ежемесячника «Chinese economic journal», в Шанхае японским предпринимателям принадлежат 32 хлопчатобумажных фабрики с 1 200 тыс. веретен из общего числа 59 фабрик с 2 100 тыс. веретен. Английские капиталисты владеют 3 фабриками с 150 тыс. веретен, китайским предпринимателям принадлежит 24 фабрики с 750 тыс. веретен.

Хлопчатобумажные фабрики в Шанхае принадлежат девяти японским концернам, общий капитал которых составляет 126 млн. иен.

Кроме хлопчатобумажных предприятий в Шанхае имеется крупная льнопрядильная фабрика, принадлежащая японскому концерну «Тоа Сейма» и несколько больших фабрик, изготовляющих фланель, кружева, вату и т. д.

Из японских пароходных компаний в Шанхае крупнейшей является «Ниссин Кисен Кайся», которая успешно конкурирует

с английскими компаниями по Янцзы. Кроме «Ниссин Кисен Кайся» в Шанхае работают еще 8 японских пароходных компаний.

Власть японского капитала в Шанхае не ограничивается текстильными фабриками, пароходными компаниями и банками. Он проник почти во все отрасли шанхайской промышленности.

Японскому капиталу принадлежит крупнейшее металлопромышленное предприятие Шанхая — железоделательный завод «Гум-Хин», основной капитал которого равен 200 тыс. долл. В японских руках находятся важнейшие стекольные заводы Шанхая; их общее число — 11; крупнейший из них — Боашаньский завод.

В мыловаренной промышленности Шанхая важнейшее место также принадлежит японским предприятиям.

Из числа японских предприятий в Шанхае следует назвать также фабрики резиновых изделий, компанию по производству искусственного льда с основным капиталом в 500 тыс. иен, спичечную фабрику «Суп Сун» с основным капиталом в 300 тыс. иен и две большие типографии, одна из которых, принадлежащая «Шанхай Принтинг Компани», была основана с капиталом в 500 тыс. иен и выплачивает дивиденд до 60%; другая типография — «Чайна Офсет» — имеет капитал в 3 млн. иен.

Шанхай — главный промышленный центр Китая и центр революционого движения.

Своеобразие революционного рабочего движения в Китае заключается в том, что засилье японских капиталистов, с которыми китайские рабочие сталкиваются повседневно, как с осязаемыми, непосредственными, действующими наряду с отечественной буржуазией, эксплоататорами, неизбежно придает борьбе рабочих характер непосредственно антиимпериалистической борьбы. Шанхайский пролетариат решительно с оружием в руках выступил на защиту страны от японского грабежа. Задавить революционное движение — было одним из основных мотивов наступления японских войск на Шанхай.

Усиленное стремление японских оккупационных войск продвинуться в глубь долины реки Янцзы об'ясняется кроме всего прочего заинтересованостью японского империализма в районе Ханькоу, который является вторым основным промышленным центром Китая.

Здесь рядом с Ханькоу (провинция Хубэй), в городе Ханьяна расположен мощный металлургический комбинат—Ханьепинский. Пожалуй, в Китае нет другого предприятия, кроме ЮМЖД, с которым бы японские капиталисты были так тесно связаны, и их заинтересованность в котором была бы так сильна, как Ханьепинский комбинат.

Это предприятие отличается чрезвычайно выгодным сочетанием рудников в Дайэ с самыми мощными во Внутреннем Китае Пинсянскими угольными копями. Запасы железной высококачественной руды, содержащей до 55% железа, превышают 50 млн. *т*, а запасы коксующихся углей исчисляются в 450 млн. *т*, из которых около 140 млн. *т* приходится на антрацит. Добыча железной руды в Дайэ достигала в отдельные годы до 800 тыс. *т*

В 1928 г. в Ханьепинский комбинат входило 6 доменных печей со среднесуточной производительностью до 2,5 тыс. *т*. Годовая выплавка чугуна доходила в отдельные годы до 150 тыс. *т*. Кроме того комбинат имеет 7 мартеновских печей, которые дают ежегодно до 100 тыс. *т* стали.

Связь японского капитализма с этим предприятием начинается еще с 1899 г. В 1903 г. Промышленный банк предоставил ханьепинскому предприятию заем в 3 млн. иен. Позже Япония предоставила предприятию еще более 20 различных займов. Все имущество предприятия заложено в качестве гарантии японских займов, общая сумма которых составляла в 1927 г. 42 млн. иен, а к 1930 г. уже достигает 50 млн. иен.

Вопрос о ханьепинском предприятии был включен в японо-китайский договор, заключенный после пред'явления Японией «21 требования» Китаю. Этот договор предусматривал, что Китай не имеет права национализировать Ханьепинское предприятие без согласия со стороны японских акционеров. Займы предприятия должны заключаться лишь с одной Японией. Таким образом этим договором японский империализм признавался окончательно хозяином ханьепинских предприятий.

По существу японские империалсты являются хозяевами почти всей китайской металлургической промышленности. В 1928 г. во всем Китае насчитывалось 18 доменных печей, и из них только шесть принадлежало китайским предпринимателям, остальные 12, причем самые мощные домны, или принадлежали или контролировались японским капиталом.

В начале 1927 г. ханьепинские предприятия под давлением революционных рабочих были национализированы уханьским правительством. Это вызвало бешеный протест японских империалистов, которые добились возврата предприятий после перехода власти к контрреволюционному нанкинскому правительству. Бесспорно, что рост революционного движения в Ханькоусском районе и вообще в долине реки Янцзы крайне беспокоит японских империалистов, и, сосредоточивая здесь войска, они рассчитывали разгромить революционно-освободительное движение и таким образом обеспечить свои прибыли от всяких неприятных неожиданностей.

Шаньдунская провинция по размерам японских вложений стоит на третьем месте после Манчжурии и провинции Цзянсу. Усиленная тяга японских капиталистов на Шаньдунский полуостров и борьба японских империалистов в прошлом и настоящем за обладание Шаньдунским полуостровом об'ясняются не только экономическим, но и стратегическим значением полуострова для Японии.

Вложения японских капиталов преследуют цель, как можно шире и глубже проникнуть в экономическую и политическую жизнь края, «оянонить» провинцию.

Шаньдунь — сельскохозяйственный район, в котором развито производство бобов, табаку, шелковицы, а также и животноводчество. Отсюда наличие различных отраслей довольно развитой, перерабатывающей сельскохозяйственные продукты промышлен-

ности — маслобойной, шелкопрядильной, табачной, мясной и т. д., в которые вложено значительное количество японских капиталов.

Шаньдунский полуостров обладает также значительными запасами каменного угля, насчитывает свыше 30 млн. *т* железной руды, имеет запасы меди и свинца, в добыче которых играет также видную роль японский капитал. На полуострове имеется много мелких металлургических заводов, которые или принадлежат японским предпринимателям или контролируются ими. В Шаньдуне очень сильно развита соляная промышленность, три пятых которой принадлежат японцам.

До мировой войны на Шаньдунском полуострове господствовали германские империалисты, все позиции которых перехватили японские империалисты, которые пустили, как мы видим, крепкие щупальцы во все поры провинции и фактически остались ее хозяевами даже после того, как они «очистили» полуостров по постановлению Вашингтонской конференции в 1922 г. О степени засилья японского империализма в указанной провинции можно судить уже по одному тому, что только в городе Циндао имеется 62 филиальных отделения японских промышленных обществ.

Помимо японских промышленных и торговых предприятий в Китае имеется еще около 100 японских банков — из них 44 крупных — с общей суммой капитала в 250 млн. иен.

Кроме капиталов, вложенных японцами в те или иные предприятия, которые находятся в непосредственном владении японских империалистов или находятся под их фактическим контролем, имеется еще значительная сумма японских капиталов, помещенная в гарантированных и негарантированных займах китайскому правительству или отдельным китайским министрам.

Общая задолженность Китая по иностранным займам составляет свыше 2 млрд. долл., не считая внутренних займов, исчисляемых в 1 млрд. долл. Из этой общей суммы задолженности на долю САСШ приходится 5%, Франции — 11%, Англии — 20% и на долю Японии падает самая значительная часть—в 32%. Общая задолженность Китая Японии, по непогашенным до настоящего времени займам, исчисляется вместе с займами и долгами частным лицам в 612 млн. иен. В числе этих займов можно назвать, как наиболее характерные, «заем для участия в мировой войне» — 100 млн. долл., «заем для административного устройства и погашения старых займов» — 120 млн. долл., «боксерская контрибуция» — 54 млн. долл. Огромную часть составляют пресловутые займы Нисихара, определяемые в 400 млн. иен и употреблявшиеся Японией во время мировой войны на прямой подкуп китайских правительственных чиновников.

Таким образом империалистическая Япония является не только одним из самых мощных иностранных предпринимателей, выжимающих огромные сверхприбыли из китайских рабочих, но она выступает также и как главный ростовщик.

Общая сумма японских займов Китаю возрастала по годам чрезвычайно быстрыми темпами.

Годы	Сумма займов (в млн. иен)
1909	2,5
1916	92,0
1920	297,0
1923	336,0
1926	411,0
1930	612,0

Так как китайские милитаристы обычно не платили не только долгов, но даже и процентов, то задолженность Китая нарастала с каждым годом, что давало возможность японскому империализму формальные основания пред'являть все большие и большие требования к Китаю и держать китайских милитаристов и чиновников в своих руках.

Характерно, что Япония вывозит в Китай не только капиталы, накопляемые внутри Японии, но также капиталы, получаемые ею путем займов у других империалистических держав. Так например за трехлетие 1923 — 1925 гг. Япония вывезла из страны 383 млн. иен, но за эти же три года она заняла за границей и главным образом в Америке около 270 млн. иен. Эта практика, широко применяемая японцами, получила даже специальное название: «Американские деньги — японские мозги». Японский империализм выступает в данном случае в роли бойкого маклера, который платит нормальный процент за полученные взаймы капиталы, но ссужает их в Китае и Манчжурии по более высокому проценту. Таким путем японские капиталисты обычно приобретают права контроля или собственности на важнейшие предприятия.

Механика закрепления японцев в Китае путем использования последнего как неоплатного должника наглядно видна на примере с Шаньдунской железной дорогой. Согласно договору, подписанному в Вашингтоне в 1922 г., японцы должны были очистить Шаньдун и Циндао, причем Китай обязывался уплатить Японии 40 млн. иен возмещения за Шаньдунскую железную дорогу. Так как китайские милитаристы не заплатили фактически ни одной иены и до сих пор, то японцы не переставали считать себя хозяевами указанной дороги и пользуются этим для закрепления своих позиций на полуострове.

Помимо сферы для приложения капиталов Китай вообще и Манчжурия — Монголия в частности представляют собой колоссальнейший по об'ему рынок для сбыта готовой продукции. Японский империализм, как и всякий другой, эксплоатируя и разоряя трудящиеся массы внутри страны, увеличивая армии безработных, тем самым сужает внутренний рынок и испытывает острую нужду в рынках внешних, в особенности в периоды кризисов, как это имеет место сейчас. Борьба за колонии для империалистов есть также борьба за безраздельное обладание все новыми и новыми рынками.

На долю Китая в настоящее время приходится около 30% всего японского экспорта и около 20% всего импорта в Японию

Высшей ступени развития японская торговля с Китаем достигла в годы империалистической войны, когда Япония по существу была полным хозяином на рынках Дальнего Востока.

Годы	Экспорт из Японии в Китай в млн. иен)	Импорт из Китая в Японию (в млн. иен)
1900	31,8	24,9
1913	151,6	61,2
1919	447,0	322,1
1925	468,4	214,6
1926	421,8	239,4
1928	373,1	134,5
1929	346,6	209,9

Различные провинции Китая играют не одинаковую роль в японской внешней торговле. Японский экспорт направляется преимущественно в центральные районы Китая, а импортером в Японию является главным образом Манчжурия.

В Центральный Китай направляется свыше половины всех экспортируемых из Японии товаров; на втором месте стоят северные провинции — Шаньдун и Чжили, и последнее место по экспорту занимает Манчжурия и Монголия.

Главную статью японского экспорта в Китай составляют хлопчатобумажные ткани. Китай ввозит почти половину экспортируемых из Японии хлопчатобумажных тканей при этом японские ткани систематически вытесняют с китайского рынка английскую продукцию. В этом отношении показательна таблица ввоза хлопчатобумажных тканей в Шанхай, через который идет почти вся торговля с Центральным Китаем.

Страны	Ввоз хлопчатобумажных тканей в процентах					
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1929 г.
Англия. . . .	61,5	59.1	48,0	44,3	36,1	21,8
Япония. . . .	36,4	38,6	49,1	52,9	61,6	66,5
Другие страны	2,1	2,3	2,9	2,8	2,3	11,7

К 1927 г. Япония уже по существу заняла господствующее положение на текстильном рынке Китая.

Кроме текстиля Япония вывозит в Китай разные продукты легкой промышленности, как-то: мыло, посуду, бумагу и другие товары, занимающие в общей сложности до 15% всего японско-

го экспорта в Китай. Около 20% занимают пищевкусовые продукты, по преимуществу мука, сахар и рыба.

Манчжурия в японском экспорте занимает по удельному весу 20%, а вывоз из Манчжурии в Японию составляет около 40% всего импорта из Китая в Японию.

Общая сумма импорта иностранных товаров в Манчжурию, по данным таможен, составляла для 1928 г. 147 млн. американских долларов, понизившись в связи с кризисом к 1931 г. до 93 млн. американских долларов. На долю Японии приходилось в 1928 г. 77,6 млн. американских долларов, на долю САСШ—14 млн. американских долларов и на долю Англии — 12,5 млн. американских долларов.

По удельному весу на манчжурском рынке первое место занимает Япония, имеющая 54,3% для 1930 г., второе — Англия — 12,1% и третье место — Америка — 10,3%.

Японская оккупация свела американскую торговлю в Манчжурии почти что к нулю.

За последние 10 лет удельный вес японского импорта стал заметно снижаться. В 1918 г. Япония занимала 70%, в 1920 г. — 69%, в 1925 — 1926 гг. — 61% и в 1930 г. — 54%. Снижение происходит за счет повышения германского импорта, достигшего к 1930 г. 6%, и отчасти английского, который начинает обгонять американский импорт, стоявший все время на втором месте. Импортируются в Манчжурию, как и в остальной Китай, главным образом текстильные товары, занимающие 30—35% всего импорта; затем идут металлические изделия — 20% и продовольственные продукты—около 15 — 20%. В японском импорте в Манчжурию преобладает текстиль, доходящий по своему удельному весу до 50%.

Экспорт из Манчжурии составлял для 1928 г. сумму в 225 млн. американских долларов, упав к 1931 г. до 132 млн. американских долларов. Доля экспорта из Манчжурии в Японию составляет примерно 40% от всего экспорта.

Решающее значение по удельному весу в импорте из Китая в Японию имеют бобы, бобовые жмыхи, отруби, шерсть и другие сельскохозяйственные продукты. На втором месте идет хлопок, вывозимый главным образом из южных и центральных провинций и занимающий около 20% общей суммы импорта. Затем импортируется уголь — около 7%, чугун и железная руда, т. е. промышленное сырье. Вывоз угля и железа идет как из Манчжурии, так и из Шаньдуня и с долины реки Янцзы.

Таким образом характер внешней торговли Японии с Китаем типичен для отношений империалистической страны к колонии: Япония экспортирует в Китай предметы личного потребления — продукцию легкой промышленности, а ввозит из Китая промышленное и сельскохозяйственное сырье и продовольствие. Такая политика проводится Японскими империалистами вполне сознательно и в сочетании с политикой «крови и железа» рассчитана на систематическое и окончательное закабаление Китая и превращение его из полузависимой в целиком зависимую колонию японского империализма.

IV.

Маскировка японской агрессии

Готовясь в течение ряда лет к настоящей войне для реализации своей идеи «Великой Японии», японский империализм заранее вел соответствующую обработку общественного мнения при помощи чрезвычайно ловко приспособленных для этой цели «идей».

Этими идеями являются, так называемая, проблема перенаселенности Японии и проблема недостатка продовольствия. Японские империалисты и их социал-лакеи всячески стараются убедить японских рабочих и крестьян, что современная Япония не может прокормить на своей небольшой территории быстро возрастающее население и что якобы все теперешние бедствия и нищета, которые терпят рабочий класс и деревенская беднота происходят именно отсюда. Поэтому-де все классы Японии, вся нация должны единодушно выступить на завоевание новых земель, куда можно будет переселить часть островной Японии и откуда можно будет получить продовольствие. Такова «философия», призванная оправдать современную грабительскую войну кучки империалистов Японии; «философия», которой систематически из год в год, изо дня в день японские империалисты отравляли и отравляют сознание трудящихся масс.

Проблемы перенаселенности и недостатка продовольствия не сходят со страниц газет и журналов, регулярно включаются в порядок дня всевозможных «научных» и не научных собраний и заседаний, этим проблемам посвящаются многочисленные внушительные тома специальных трудов. С серьезным видом обсуждают вопрос о регулировании рождаемости и приходят к выводу, что основной выход заключается в эмиграции с островов на новые территории, а для этого само собой разумеется надо их завоевать. Обсуждаются вопросы о причинах систематического повышения цен на продовольственные продукты и находят их в медленном росте и даже сокращении посевов из-за недостатка земли. Предлагаются разные меры для устранения причин повышения цен на рис, как-то: осушение за казенный счет болот и ирригация земель, принадлежащих помещикам, регулирование цен и т. д., и неизбежно приходят к тому же выводу о необходимости завоевания новых плодородных земель.

Кампания по обработке общественного мнения в этом направлении особенно интенсивно начала проводиться в 1927 г. после прихода к власти известного японского милитариста барона Танака, об'явившего эру позитивной (читай: агрессивной, захватнической) политики. В своем программном меморандуме о японской политике в Манчжурии и Монголии он заявлял, что «орды китайцев каждый год миллионами приезжают в эти районы. Они настолько угрожают нашим, приобретенным в Манчжурии и Монголии, правам, что наше ежегодное избыточное население, составляющее 800 тыс. человек, уже не может там искать себе убежища. Ввиду этого мы должны признать свою неудачу в попытках

установить равновесие между численностью нашего населения и запасами пищи».

Официальная установка дана. Сложная империалистическая машина приведена в движение. С этого времени почти все доклады и статьи о «проблеме перенаселения и продовольствия» кончаются указанием на то, что разрешение их лежит именно в Манчжурии и Монголии. Систематичность и целеустремленность пропаганды можно наглядно видеть на примере дайренской газеты «Манчжурия Дэйли Ньюс». 15 октября 1927 г. эта газета напечатала статью барона Окура «Разрешение проблемы японской перенаселенности и Манчжурия», в которой автор, анализируя вопрос, подводит читателя к желаемому империалистами выводу: «Самоочевидным фактом, — говорит он, — является то обстоятельство, что для излишка населения Японии единственной страной, могущей способствовать делу разрешения этой проблемы, являются Манчжурия и Монголия. Нет ничего удивительного поэтому, что всюду настаивают на необходимости «открытия» Мачжурия и Монголии». Эта тема буквально не сходит со страниц газеты.

В июле 1931 г. мы читаем очередную статью того же самого барона Окура, озаглавленную «Будущее японо-китайских отношений в Манчжурии». Прикидываясь простачком, барон рассуждает: «Некоторые государства (Япония) владеют небольшой земельной территорией, при избытке населения, и жернова обеднения тяжело угнетают это население. Между тем как другие (Манчжурия), при сравнительно незначительном населении, владеют широкими просторами, но упрямо отказываются предоставить их для всеобщего пользования...» По примеру дайренской газеты аналогичную пропаганду проводят и другие империалистические газеты и журналы Японии.

На заседании Совета Лиги наций 19 января 1932 г. японский делегат Сато льет крокодиловые слезы и снова рассказывает всему миру сказку о перенаселенности. «Япония, — заявляет Сато, — находится в исключительно неблагоприятном положении с точки зрения и торговой, и экономической, и демографической: почти все страны Северной и Южной Америки закрыты для японской иммиграции. В этих условиях мы вынуждены думать о себе и искать выхода в Манчжурии».

Европейские империалисты подхватывают и распространяют эту сказку. Так например чехо-словацкий премьер Бенеш в одном из своих выступлений заявляет, что он находит «экспансию Японии именно в Манчжурии в высшей степени понятной в связи с перенаселенностью Японии и запрещениями японской иммиграции САСШ и Австралией».

Японские социал-демократы теми же словами, в тех же выражениях оправдывают захват и порабощение японским империализмом Манчжурии и Монголии. Именно о проблеме перенаселенности и продовольствия идет речь, когда социал-фашисты из «Роно Тайсюто» заявляют, что Япония ведет «не обычную капиталистическую войну» в Китае.

Чрезвычайно характерно также, что русские белогвардейцы, желая оправдать и «облагородить» выступление японского империализма против Китая и Советского союза также широко пользуются аргументацией о «перенаселенности Японии, недостатке продовольствия». В качестве примера можно привести г-на Милюкова, который прославляет и оправдывает японский империализм. В своей книге «Россия на переломе» он пишет: «Как известно перенаселение Японии и связанное с этим перепроизводство требуют от японских государственных людей или агрессивной колониальной политики или широкой экономической экспансии. Для осуществления той и другой политики Япония имеет только одну возможность: расширение своего влияния на соседнем континенте или в сторону Китая или в сторону Сибири»[1].

Другой белогвардеец, бывший управляющий делами бывшего колчаковского правительства, профессор Гинс, в статье «Индустриализованная Япония» писал на эту тему еще ярче и еще определеннее. «Стремление Японии на материк, — говорит он, — не прихоть и не выдумка. Великая держава может завершить свое развитие, только обеспечив избытку населения новые территории, а промышленности метрополии — необходимое сырье. Это стремление является общенациональным... Нельзя упускать из внимания, что экспансия для Японии вопрос не честолюбия и жадности, а жизненной необходимости, вопрос жизни и смерти. Япония должна найти выход для избытка населения и обеспечить себя сырьем. Тот, кто помешает ей в этом, будет ее смертельным врагом».

Таким образом империалистическая агрессия Японии на материк приветствуется, оправдывается и «научно» обосновывается единым широким фронтом японских генералов, дипломатов, банкиров, баронов, ученых профессоров, социал-фашистов и русских белогвардейцев.

Эта империалистическая концепция настолько распропагандирована и внутри Японии и за ее пределами, что контрабандой проникает даже в советскую литературу. Например, когда Д. Позднеев в своей книге «Япония» попытался поставить вопрос о несоответствии между громкими криками насчет перенаселенности и недостатка продовольствия в Японии, с одной стороны, и чрезвычайно незначительной эмиграцией из Японии, то редакция поспешила отмежеваться от него. «Редакция не может разделить положений, выдвигаемых автором в вопросе о перенаселенности Японии... Несомненно, что продовольственная проблема в ближайшие годы при постоянном приросте населения встанет для Японии очень грозно, а отсюда и вопрос о перенаселении станет тоже весьма остро»[2].

Как же в действительности обстоит дело с населенностью и продовольственным снабжением Японии? Имеются ли действи-

---

[1] П. Милюков, Россия на переломе, том II, Антибольшевистское движение, стр. 154.

[2] Д. Позднеев, Япония, Москва, Военгиз, 1925 г. Примечание редакции на стр. 68.

тельные трудности по этой линии, какова их природа и могут ли они хоть в незначительной степени оправдывать империалистическую агрессию вообще и конкретное бандитское нападение на Китай в частности? Попытаемся ответить на все эти вопросы.

Общая численность населения островной Японии — мы будем всюду говорить о Собственно Японии без Формозы и Кореи, т. е. наиболее неблагоприятное (с точки зрения Японии) положение—определялась в 1920 г. в 56 млн. человек, в 1925 г.—в 59,7 млн. человек и в 1930 г. — в 64,5 млн. человек. Вся территория Японии без колонии определяется в 381 тыс. *кв. км*. Таким образом плотность на один квадратный километр достигает 168 человек.

Много это или мало? Ставит ли это в исключительное положение Японию в сравнении с другими странами?

Во всяком случае Япония по плотности населения идет не на первом месте, а на четвертом. На первом месте по плотности населения стоит Голландия, имеющая на 1 *кв. км* свыше 300 человек населения; затем идет Бельгия — 252 человека, дальше Англия — 189 человек и только затем Япония — 168 человек; Германия и Италия имеют 131 человек на 1 *кв. км* и Франция — 102 человека

Таким образом из этих цифр видно, что в отношении плотности населения Япония не представляет собой выдающегося в мире явления, плотность населения не ставит ее в исключительное положение, которое давало бы право на бесцеремонный грабеж чужих территорий.

Правда, сторонники теории перенаселенности Японии указывают на то, что Япония отличается от других стран огромными пространствами неудобной — гористой и лесистой — земли, которая будто бы не может иметь значения при исчислении плотности населения. Остановимся и на этом положении. Действительно, если рассчитать плотность населения Японии на 1 *кв. км* обрабатываемой площади, то получится, что Япония имеет внушительную цифру в 969 человек, Бельгия — 400, Италия — 305, Голландия — 273, Англия — 226, Германия — 185 и Франция—168 человек. Картина изменяется очень резко и как будто оправдывает утверждение империалистов об исключительной перенаселенности Японии.

Однако исчислять плотность населения на единицу обрабатываемой площади в данном случае было бы методологически абсолютно неверно. При таком методе прежде всего включаются в неудобную территорию леса, площадь которых в Японии в два с половиной раза больше, чем вся посевная площадь. Лесная, лесохимическая и деревообделочная промышленность и лесной промысел занимают огромное число рабочих и ремесленников и поэтому скидывать со счетов леса неправильно. Кроме этого Япония — островная страна, не только с чрезвычайно протяженной береговой морской линией, но и с массой озер и рек. Огромная часть населения проживает на гористых склонах побережья и занимается рыбным промыслом и судоходством. Рыболовством например занимается 1,5 млн. человек, что с семьями составит 6 млн. Исключить всю гористую необрабатываемую площадь при исчислении плотности населения было бы по этим соображениям

неверно. К тому же в гористых районах около 2 млн. крестьянских хозяйств занимается шелководством и разведением тутовых деревьев. Масса населения занята на морском и речном транспорте. Но самое основное и главное возражение теоретикам перенаселенности Японии заключается в том, что обрабатываемая площадь Японии совсем не сравнима с площадью, например Германии, Англии или Бельгии и др. Преобладающей культурой в японском земледелии является рис: из общей посевной площади в 6 млн. *га* (1928 г.) на рисовые поля в Собственно Японии приходилось свыше 3 млн. *га*. А это прежде всего означает удвоение площадей, так как рис в Японии и Китае дает два сбора за один сезон. Кроме риса на японских полях разводятся такие культуры, как чай, сахарный тростник, индиго, рами, декоративное садоводство. Все эти культуры чрезвычайно трудоемки и высокоценны и было бы нелепостью приравнивать гектар риса или чайного куста Японии к гектару ячменя или проса в Германии.

Если можно сравнивать плотность населенности Японии на единицу обрабатываемой площади, то во всяком случае не с Германией или Бельгией, а с производящими рис и чай провинциями Китая, а это сравнение далеко не в пользу защитникам японского империализма. Например провинция Цзянсу имеет плотность на 1 *км*² всей поверхности 340 человек населения и около 2 000 человек при исчислении на единицу обрабатываемой площади — и в том и в другом случае плотность вдвое больше, чем в Японии. При этом следует учесть, что эта провинция по своим размерам немного менее островной Японии (100 тыс. *км*²) и имеет 34 млн. жителей. Такую же примерно чрезвычайно высокую плотность населения мы можем видеть и в других соседних провинциях Китая, а также в соседних странах, как Голландская Индия, острова Тихоокенского бассейна и т. д.

Итак плотность населения отнюдь не ставит Японию в исключительное по сравнению с другими странами положение.

Что же касается темпов прироста населения, то и в этом отношении Япония не является исключением. Естественный прирост населения Японии составляет 14 человек на 1 тыс., тогда как Канада имеет 15 человек, СССР — 23,8 человек, а прирост населения Америки, Италии и Испании очень незначительно отстает от Японии. Правда, в начале XX в. темп роста населения в Японии давал систематическое нарастание, но за последнее десятилетие стабилизировался.

Дутость «проблемы» перенаселения подчеркивается еще и тем, что эмиграция, которая по мнению сторонников «проблемы» должна иметь решающее значение для ее разрешения, никогда не принимала значительных размеров на протяжении всей истории Японии.

В 1928 г. число японцев, проживающих вне Японии, определялось всего лишь в 717 тыс. человек из 64 млн. всего населения, что составляет всего лишь около 1%. Количество проживающих японцев по странам распределялось следующим образом: в Азии — 300 тыс. человек, на Тихоокеанских островах — 147 тыс., в Южной Америке — 98 тыс., в Северной Америке — 170 тыс. и

в Европе всего — 3 тыс. человек. Чтобы представить себе, насколько незначительна эмиграция японцев, достаточно указать на то, что только за десятилетний период (1917 — 1927 гг.) на японские острова перебралось в качестве рабочих 769 тыс. обезземеленных и разоренных корейцев.

Чрезвычайно характерно, что в лагере японских капиталистов мы имеем официального свидетеля, который, будучи вынужден дипломатическими соображениями, опроверг пресловутую теорию перенаселенности. Речь идет о министре иностранных дел маркизе Камура, на смену которому пришел барон Танака. В 1927 г., желая избежать по целому ряду соображений конфликта с Америкой, Камура опубликовал ответ на статью американского журналиста Матисона, который доказывал, что усиленный рост населения Японии является угрозой миру на Тихом океане. Камура писал, что Япония не предполагает путем эмиграции разрешать проблему перенаселения и что повышение численности населения в Японии не может сделаться причиной войны. Верно, что «население Японии, — заявляет Камура, — скучено в индустриальных центрах, но было бы ошибкой предполагать, что страна переполнена чудовищными излишками населения. Небольшое путешествие по северным провинциям покажет всякому, что эти провинции весьма редко населены и имеется еще чрезвычайно много пространств, на которых могут жить люди. Является самоочевидным фактом, что огромные пространства земли остаются необработанными просто из-за недостатка труда (for want of labor) ... Ввоз иностранных продуктов следовательно не является необходимым доказательством того, что население Японии уже в настоящий момент возросло настолько чудовищно, что производительная способность ее земель не в силах прокормить его. Если иностранные обозреватели думают, что быстрое увеличение населения в нашей стране в конце концов должно привести к войне, мы должны заявить им, что они, скромно говоря, ошибаются. По крайней мере такое предположение является абсолютно не соответствующим и в отношении наших соседей и в отношении всеобщего мира» [1]. Свидетельство Камура о том, что в Японии имеется большое количество пригодной, но невозделанной земли, что перенаселенность не служит причиной настоящей войны, — совершенно бесспорно.

Годы	Цена риса в иенах за коку
1900	9,8
1913	21,4
1919	45,8
1921	30,8
1925	41,5
1927	35,2
1928	30,7
1929	28,9
1930	17,0

[1] «Japon Times», 11 Febr. 1927 г.

Наиболее ходовым доказательством растущих трудностей в отношении снабжения населения пищевыми продуктами является в руках империалистов рост цен на продовольственные товары и в первую очередь на рис.

Цены на рис с начала XX в. действительно возросли значительно, в особенности в период мировой войны.

Самый высокий уровень рисовых цен приходится на 1919 г., известный в истории Японии знаменитым «рисовым бунтом», когда трудящееся население Японии было доведено до крайнего возмущения систематическим спекулятивным повышением рисовых цен и отставанием от роста дороговизны заработной платы.

Кризис 1921 г. понизил цены на сельскохозяйственные продукты, но незначительно. Затем следует повышение и опять систематическое падение рисовых цен, доходящее в кризисный 1930 г. до 17 иен. Конечно для рабочих и деревенской бедноты и эти цены остаются высокими. Японские империалисты и помещики стараются доказать рабочим, что причиной этого является нехватка земель и что следовательно виновата не капиталистическая система хозяйства, а естественные условия. И отсюда делается основной вывод — необходимо добиться хотя бы путем войны новых земель.

Каковы же истинные причины высоких цен на рис и на все продовольственные продукты?

Во-первых, основная причина лежит в чрезвычайно сильном росте земельной ренты и следовательно росте арендных цен на землю. Арендная цена одного тана[1] земли среднего качества равнялась в 1872 г. 15 иенам; в 1912 г. — 19 иенам, а в 1919 г. — уже 39 иенам. Только за пять лет военного периода арендные цены повысились вдвое. «Ипотечный банк Японии» приводит сведения о том, что с 1872 до 1920 г. стоимость одного тана земли увеличилась в 11½ раз, с 40 иен до 469. В последние годы цены на землю изменялись следующим образом:

Цена земли за тан (в иенах)

Годы	Заливной	Суходольной
1914	203	195
1919	706	418
1922	620	364
1923	593	342
1924	561	341
1926	571	351

Рост арендных цен на землю является оборотной стороной процесса разорения мелких земельных собственников. Если вообще закон капиталистического развития в земледелии неизбежно приводит к превращению мелких собственников в арендаторов, а затем в пролетариев, то наличие в японской деревне чудовищных пережитков феодализма, в виде ростовщичества, кабаль-

[1] Тан равен 0,24 акра.

ной и натуральной земельной аренды, отработок и т. д., ускоряет процесс разорения и обнищания крестьянских масс Японии.

К настоящему времени в Японии у 50 тыс. помещиков, составляющих 1% ко всему населению страны, сосредоточено около половины всей обрабатываемой земли.

Японские помещики, как правило, не ведут сами хозяйства, а сдают большую часть земли в аренду. По всей Японии около половины посевов производится на арендованной земле.

Плата за аренду производится натурой, обычно рисом, и составляет около 60—70% от всей продукции, получаемой с полей арендатором. При систематическом росте цен на рис до кризиса, натуральная, оставшаяся от феодального режима, форма арендной платы за землю является не чем иным, как скрытой формой повышения арендной платы в переводе на денежное выражение. При повышении цен на рис неизменная арендная плата в натуре превращалась для помещика в систематически и автоматически возрастающую ренту. Кроме того крестьянская беднота, сдавшая 3/4 своего урожая помещику, обычно вынуждена покупать весной у помещика собственный же рис по высоким спекулятивным ценам. Чтобы представить себе весь гнет, который испытывает крестьянин-арендатор, и истинную причину повышения цен на продовольственные продукты, достаточно видеть, что расходы на пищу в бюджете крестьянина-арендатора с семьей в 6 человек составляют 345 иен, на производственные расходы идет 207 иен и на аренду земли (рента) падает 505 иен. Кризис еще более ухудшил положение японского крестьянства. Чиновник японского министерства земледелия, сообщая в газетах (май 1932 г.) результаты обследования о положении арендаторов в префектуре Ивате, приводит случай, когда в приходо-расходной книге арендатора из деревни Ота записан за 1931 г. доход в 130 иен и расход в 336 иен, подавляющая часть которого падает на уплату земельной аренды.

Во-вторых, повышение цен на рис и другие продовольственные продукты является результатом целой системы заградительных пошлин на импортируемые продукты продовольствия, которая проводится в интересах крупных землевладельцев. На каждые 100 кин[1] риса, ввозимых в 1927 г. в Японию, взималась пошлина в 1,00 иены; на 100 кин пшеницы—в 1,50 иены; на пшеничную муку—в 2,90 иен, на ячмень—в 0,60 иен и на бобы—в 0,70 иен. Эти пошлины преследуют совершенно определенную цель искусственно путем устранения иностранной конкуренции удержать цены на высоком уровне и дать возможность помещикам и кулакам свободно обирать потребителя.

Чрезвычайно характерно, что даже ввоз риса на островную Японию из японских колоний также усиленно регулируется в интересах помещиков островной Японии.

В-третьих, цены на рис вздуваются отчаянной спекуляцией на внутреннем японском рынке, в которой принимают участие не только помещики, капиталисты и кулаки, но даже и правитель-

[1] Кин равен 0,6 килограмма.

ство, обычно скупающие рис в определенные сроки осенью и продающие этот рис по высоким ценам весной.

В текущем 1932 г. в целях повышения цен на рис — продолжающих падать в связи с углублением кризиса — министерство земледелия уже в мае решило экспортировать из правительственных запасов 50 тыс. коку (около 76 тыс. центнеров) риса и вслед за этим закупить такое же количество на внутреннем рынке. Эта операция искусственного повышения рисовых цен проводится японским правительством исключительно в интересах крупных кулаков и помещиков, у которых сосредоточены основные запасы.

Подавляющее большинство крестьян не только не имеет никаких запасов для продажи, но даже в специализированных по рисосеянию районах (префектура Нигата) уже с января 1932 г. крестьяне не имеют риса для продовольствия и питаются отрубями, травой и всякими отбросами.

Для японского рабочего и крестьянской бедноты проблема продовольствия заключается совсем не в том, что абсолютно нехватает земель в Собственно Японии, а в том, что благодаря эксплоатации рабочих и чудовищным пережиткам феодально-крепостнической системы им не на что покупать рис, производимый внутри Японии, даже по понизившимся во время кризиса ценам.

В настоящий момент Япония, как и другие капиталистические страны, переживает кризис перепроизводства, т. е. избытка товаров не только в области промышленности, но и сельского хозяйства. Трудящиеся массы попрежнему голодают и находятся в нищете, в то время как нереализованные запасы риса увеличиваются.

Недостаток продовольствия в абсолютном смысле этого слова не угрожает Японии. Прежде всего имеются довольно значительные возможности расширения посевной площади даже на островной Японии. О том, что внутри Японии имеется масса пустующих земель, годных для обработки, мы уже слышали от маркиза Камура. Это заявление подтверждается тем, что посевная площадь под рисом увеличивается ежегодно, несмотря даже на кризис:

Годы	Посевная площадь в тыс. *га*
1900	2 828
1913	3 030
1920	3 126
1927	3 174
1929	3 211
1930	3 239
1931	3 246

Кроме того возможно еще довольно значительное повышение урожайности путем улучшения обработки и удобрения полей. Жестоко эксплоатируемая беднота не в состоянии произвести эти улучшения, а помещики, получая и без всяких улучшений,

громадные доходы с земель, мало об этом заботятся. Урожайность риса в Японии остается все время значительно ниже урожайности в Италии или Испании.

Совершенно ясно, что если бы изменить экономическую систему сельскохозяйственного производства, в корне ликвидировать феодальное землевладение, безвозмездно конфисковать всю помещичью землю и таким образом уничтожить ренту, а средства, пожираемые паразитами-помещиками, пустить на улучшение производства, то урожайность поднялась бы намного.

Вытеснение продовольственных потребительских культур высокоценными товарными культурами и сокращение первых, несмотря на крики о «продовольственной» проблеме, подчеркивают, что в продовольственном вопросе дело совсем не в абсолютном отсутствии элементов сельскохозяйственного производства, а в специфической капиталистической, опутанной сетью феодальных пережитков, организации производства.

Посевная площадь под «муги» (так называются продовольственные зерновые культуры кроме риса — пшеница и ячмень) в 1913 г. составляла 1,8 млн. *га*, а к 1930 г. она, сокращаясь постепенно, упала до 1,2 млн. *га*, т. е. сократилась на 600 тыс. *га* или на 33%. Общая стоимость продукции «муги» упала с 1919 г. к 1928 г. с 457 млн. иен до 269 млн. иен; стоимость других продовольственных культур (бобы, просо, маис, сладкий картофель) за тот же период упала с 457 млн. иен до 225 млн. иен. Зато ценность продукции технических культур (сахарный тростник, табак, индиго, рами, лен, мята, рапс, камфорное дерево и др.) поднялась с 1915 до 1928 г. с 52 млн. иен до 117 млн. иен. Это значит, что происходит дальнейшее углубление капиталистического процесса производства в сельском хозяйстве.

Все вместе взятое показывает, что та шумиха, которая создается в течение ряда лет вокруг вопросов перенаселенности и продовольствия, является только способом японского империализма, которым он пытается сагитировать трудящееся население на поддержку захватнических империалистических войн и отвлечь внимание от истинных причин их угнетенного положения. Эти действительные причины лежат не в абсолютном перенаселении в отношении территории и продовольственных возможностей страны, а в относительном перенаселении, т. е. в росте, — в силу капиталистической — при сохранении чудовищных пережитков федализма — организации хозяйства и прогрессирующего процесса разорения японского крестьянства, поставляющего все новые и новые кадры резервной армии пролетариата (безработных) в дополнение к миллионам пролетариев, выбрасываемых с фабрик и заводов в связи с капиталистическим кризисом.

Относительное перенаселение имеется в любой капиталистической стране, например в САСШ, которые обладают громадными территориями, в которых в абсолютном смысле слова даже не ставятся проблемы перенаселенности и продовольствия, и в то же самое время имеется около 50 млн. безработных (с семьями), не имеющих ни хлеба, ни места, где жить.

Проблема относительного перенаселения стоит для империалистической Японии так же, как и для всякой другой империалистической страны — и ее разрешение лежит исключительно в ликвидации пережитков феодализма и самого капитализма.

Захват империалистами новых территорий не разрешает, а, наоборот, углубляет и расширяет проблему относительного перенаселения, так как грабежи и чудовищная эксплоатация в завоеванных областях выбрасывают еще новые массы разоренных и безработных, как это имеет уже место в колониях Японии—Корее и Формозе.

Японский империализм выдумал для трудящихся масс Японии теорию перенаселения и продовольствия и убеждает их, что для спасения от голода и нищеты необходимо завоевать Манчжурию и Монголию. Больше того, японские империалисты приступили к осуществлению гораздо более грандиозных завоевательных планов, чем захват Манчжурии, и пытаются вовлечь в это дело трудящихся. Руками рабочих и крестьян рассчитывают империалисты Японии завоевать себе «блестящее» будущее, когда они смогут выколачивать прибыли не только из трудящихся Собственно Японии, но и эксплоатировать трудящиеся массы все новых и новых областей. Совершенно несомненно, что захват японским империализмом Манчжурии и Монголии, вторжение в долину реки Янцзы, покушения на советский Дальний Восток—все это является только частным этапом на пути осуществления основных завоевательных планов империалистов.

Всякая империалистическая держава желает ни больше ни меньше, как завоевать весь мир, и Япония отнюдь не представляет в этом отношении исключения.

Миниатюрное (в особенности по сравнению с соседями-колоссами — Китаем, СССР и Индией) островное государство, позднее всех добившееся «почетного» места среди мирового империализма, Япония ставит своей ближайшей задачей — превратиться в «Великую Японию», господствующую безраздельно на Азиатском материке и на островах Тихого океана.

По замыслу империалистов «Великая Япония» должна включать всю Полинезию, Филиппинские острова, Зондский архипелаг, Австралию, Сиам, весь Китай, Монголию, Манчжурию, Корею, весь советский Дальний Восток, Сахалин, Камчатку, Командорские острова, всю Якутскую область.

В пылу воинственного экстаза известный нам барон Танака в своем секретном меморандуме императору предложил не откладывать на долгий срок и завоевание Европы. «Мы должны использовать, — писал он, — Манчжурию и Монголию как базу и проникнуть в остальной Китай... Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы».

Под эту завоевательную программу японскими империалистами подводится целая философская система:

Японцы-де являются самым культурным, самым энергичным, самым передовым народом из всех народов Азии. Это единственный азиатский народ, который не дал себя покорить белым хищ-

никам. Поэтому японцы-де единственный народ, который может руководить освобождением желтой расы из-под господства белых, и единственная нация, которая может об'единить в этой борьбе весь Восток.

Смысл такой подмены классовой постановки вопроса общенациональной и даже расовой совершенно ясен — его предназначение все то же стремление одеть в пышный наряд идей голую и беспощадную жажду прибылей, отвлечь внимание пролетариата от классовой борьбы.

В начале XIX в. в Америке пользовалось популярностью учение одного из североамериканских президентов Монроэ о том, что «Америка должна существовать только для американцев», что все государства и нации Америки должны быть подчинены САСШ и ни одно европейское государство не имеет права вмешиваться во внутренние дела Нового Света или претендовать на владения в его пределах. В настоящий момент японский империализм воскрешает доктрину Монроэ в применении к Японии и пропагандирует «идею», что «Азия должна существовать только для азиатов».

Доктрина «Азия для азиатов» складывается в Японии тотчас же после победоносной русско-японской войны. Эту идею особенно ярко и откровенно развивал в своих сочинениях видный японский генерал и политический деятель Кайиро Сато. Он заявлял, что мир должен быть поделен между тремя могущественными державами (что означает — между тремя наиболее мощными группами империалистов). Америка — согласно учению Монроэ — пусть будет под владычеством САСШ, Япония не претендует на владения на этом материке; Англия должна господствовать в Европе и Африке; вся же Азия и Австралия должны принадлежать Японии. «Азия для азиатов» [1].

Пропаганда «доктрины Монроэ для Азии» получила новый толчок в связи с опубликованной в начале сентября 1931 г. статьей Конеко (бывший японский посол в САСШ) о его беседах с бывш. президентом САСШ Рузвельтом накануне заключения Портсмутского мира.

Конеко утвержает, что Рузвельт заявил: «Япония является единственной страной в Азии, воспринявшей принципы и методы западной цивилизации. Япония в силу этого должна стать руководителем всех азиатских стран в деле их приспособления к современным условиям, а также защитником азиатских стран».

Рузвельт, по словам Конеко, якобы дал следующее обещание: «Если Япония после заключения Портсмутского договора провозгласит подобную доктрину (Монроэ) для Азии, я поддержу Японию всеми силами за время президентства и после».

Японские газеты («Асахи», «Дзи-дзу» и др.) перепечатывают статью Конеко с рекомендацией Стимсону изучать «светлые мысли Рузвельта, бывшего творцом действительно дальновидной политики САСШ, и немедленно применить доктрину Монроэ и к Манчжурии и к Китаю в целом».

---

[1] Кайиро Сато, Япония и Америка в их взаимных отношениях, 1924.

Понимая, что идея «Великой Японии» не может быть осуществлена, если японцы не утвердятся прочно на материке, Кайиро Сато патетически сравнивает Японию с деревом, корни которого находятся на Азиатском материке и для расцвета которого следовательно этот материк абсолютно необходим. Дальше он ставит вопрос о перенесении столицы Японии с островов на материк и прямо называет для этой цели бывшую столицу Кореи — Сеул. Эта идея континентальной империи чрезвычайно популярна в империалистических кругах Японии, и барон Танака также поддерживал ее. Он уверял даже, что «божественное провидение» сохранило ему жизнь для осуществления этого плана. В цитированном уже нами меморандуме императору он рассказывает: «В Шанхае один китаец сделал покушение на мою жизнь. Одна американка была ранена, но я спасен благодаря божественной защите, оказанной мне моими скончавшимися императорами. Божественное провидение хочет повидимому, чтобы я помог вашему величеству открыть новую эру на Дальнем Востоке и развить новую континентальную империю»[1].

То, что сейчас видит мир на Дальнем Востоке, есть практические шаги по осуществлению идеи «Великой Японии», «Великой континентальной империи».

Захват Манчжурии, продвижение японских войск вглубь Китая, наступление на Жэхэ и Бейпин, подготовка интервенции против СССР—все это звенья планомерно осуществляемой идеи «Великой Японии», полная реализация которой должна дать японскому империализму право исключительной эксплоатации всей желтой расы, всех народов Азии и Тихоокеанских островов. Конечно, закрепившись в Азии, японский империализм будет стремиться к дальнейшему расширению, и барон Танака не случайно обмолвился в своем докладе о завоевании Европы. Но даже на данном этапе своего существования идеи «Великой Японии» приходят в резкое противоречие с грабительскими планами других империалистических держав и в первую очередь с САСШ.

V.

Американский империализм и Манчжурия

Абсолютно ясно, что осуществление генерального плана империалистической «Великой Японии» может произойти только в результате ряда опустошительных и истребительных войн. Так же ясно, что «Великая Япония» несет за собой покоряемым народам такой гнет, который затмит собой наиболее жуткие страницы из истории развития мирового капитализма.

Осуществление замыслов японского импералнзма неизбежно влечет за собой дальнейшее обострение и углубление империалистических противоречий вообще и прежде всего американо-японских, ибо программа «Великой Японии» идет вразрез с тихоокеанской и азиатской политикой американского империализма.

Государственный секретарь САСШ Стимсон в письме председателю территориальной (колониальной) комиссии в начале

[1] Барон Танака умер вскоре после представления доклада.

апреля 1932 г. заявил, что «мы являемся уже в настоящее время большой тихоокеанской державой, и в качестве таковой будем со все возрастающим интересом относиться к положению на Тихом океане».

В системе мирового империализма японо-американские противоречия являются важнейшими после главных противоречий — англо-американских. Захват Манчжурии и наступление японских войск на Шанхай и долину реки Янцзы, наступление на Жэхэ и Северный Китай обострили эти противоречия до крайности.

Американский империализм — «самый сильный, самый свежий империализм» (Ленин) — достиг своего развития и могущества в период мировой войны и в последующие годы. Американские миллиардеры во время империалистической войны 1914 — 1918 гг. находились в самом благоприятном положении в сравнении с другими державами — они были богаче всех, широко использовав войну для наживы. В результате войны «они награбили сотни миллиардов долларов. Они сделали своими данниками все даже самые богатые страны» (Ленин). Военные долги европейских государств Америке достигли 11 млрд. долл. Исключительно благоприятные условия способствовали форсированному развитию мощной американской индустрии, начавшей усиленно выбрасывать на мировой рынок огромные массы промышленной продукции.

Растущая продукция требовала новых рынков сбыта, накопленные капиталы искали применения. Вложенный за границей американский капитал увеличился с 2 млрд. долл. в 1913 г. до 4,7 млрд. долл. в 1923 г.

Мировой кризис, начавшийся с 1929 г., сделал проблему завоевания новых рынков для американского империализма еще более острой.

Американский капитализм ищет в числе прочего эти рынки там же, где и Япония: на востоке — в Китае, на Тихоокеанских островах и т. д.

Еще в разгар кризиса 1921 г. видный американский журналист В. Питкин красочно изображал стремления американских миллиардеров к дальневосточным рынкам: «В наших руках, — писал он, — находится большая часть мировой наличности золота, большая часть свободного капитала, ищущего себе приложения; мы имеем самые громадные фабрики и заводы в мире и миллионы лучших рабочих. Экономический хаос разрушил нашу торговлю с Европой...

...Есть только одно средство предотвратить обострение кризиса, — быстро открыть рынки, найти новых покупателей... Но где и как? Конечно не в Европе, ибо Европа сама не имеет, чем заполнить свой голодный желудок, притом Европа может почти все продавать по более дешевой цене, чем мы. Не в Южной Америке, покупательные способности которой очень ничтожны... Где же искать выхода, где приложить наши капиталы, куда сбывать наши товары? Только на Дальний Восток. Китай и Сибирь могут поглотить биллионы нашего капитала, и здесь капитал

может принести до 1 000% прибыли. Наши финансисты и промышленники должны обратить свое внимание вне САСШ — исключительно на Дальний Восток».

Это было написано десять лет назад. Изменилось ли что-нибудь в этом отношении к настоящему времени? Нисколько.

Известный американский журналист Фишер рассказывает, что, когда в начале современного кризиса спросили одного американского миллиардера: «Каков его рецепт выхода из современного кризиса?», он написал на блокноте: «160+350+400. Откройте эти рынки, и кризис прекратится». Цифры означают 160 млн. населения Советского союза, 350 млн. населения Индии и 400 млн. населения Китая. За десять лет изменились только м а с ш т а б ы захватнических стремлений, но не изменилось н а п р а в л е н и е политики американского империализма, политики завоевания Востока и Тихоокеанских островов.

Удельный вес азиатского рынка в американской внешней торговле с каждым годом возрастает все более и более. Направление внешней торговли Америки радикально изменилось, особенно в послевоеный период. Если в первое пятилетие восьмидесятых годов XIX столетия 82% американского экспорта шло в Европу, то в предвоенное пятилетие (1910 — 1914) удельный вес Европы падает до 62%, а в послевоенный период (1921—1924) — до 52%. Доля Европы в американском импорте за те же годы падает с 55 до 30%.

Торговля Америки с Востоком особенно возрастает в послевоенный период, когда усиление мощи американской индустрии совпало с окончанием строительства Панамского канала, открытого в 1920 г. Если в 1913 г. экспорт из САСШ в Азию составлял всего 194 млн. долл., то к 1927 г. он возрастает до 745 млн. долл. Импорт из Азии в Америку за тот же период увеличивается с 314 млн. долл. до 1 283 млн. долл. Удельный вес торговли Америки с Востоком возрастает примерно вдвое. Итоги внешней торговли за 1931 г. показывают, что экспорт на Восток сократился в сравнения с 1930 г. на 22%, в то время как весь вывоз из САСШ упал на 37%.

Основная масса американских товаров, идущих на Восток, размещается в Китае.

Еще в 1913 г. во внешнеторговом обороте Китая на первом месте стояла Англия, на долю которой приходилось 50% торговли Китая с иностранцами; удельный вес Японии составлял 20% и САСШ всего лишь 8%. К 1927 г. эти соотношения резко изменились: Англия стала занимать только 26%; зато доля Японии поднялась до 34%, удельный вес САСШ во внешней торговле Китая увеличился до 19%. Таким образом и Япония и САСШ быстрым темпом отвоевывают позиции английского капитала на китайском рынке. После 1927 г. развитие указанных тенденций продолжалось, и в 1929 г. общий оборот внешней торговли Японии с Китаем составлял 1 000 млн. руб., у САСШ — 680 млн. руб. и у Англии—всего лишь 320 млн. руб. Англия оттеснена на задний план; Япония занимает по существу господствующее положение на рынках Китая; Америка далеко обогнала Анг-

лию, но значительно отстает от торговых операций Японии. Таким образом главными конкурентами американских миллиардеров на азиатских рынках являются японские империалисты.

Правда, за последнее время внешняя торговля САСШ с Китаем росла более быстрым темпом, чем японо-китайская торговля. Однако по абсолютным суммам японский экспорт превышает американский примерно вдвое.

Кроме того Япония начинает усиленно конкурировать с Америкой на островах Тихого океана, где до сих пор господствующее положение занимал американский капитал. Экспорт из Америки на островные рынки с 1913 по 1927 г. возрос в 4 раза (со 100 млн. руб. до 398 млн. руб.), а японский экспорт на те же рынки увеличился больше чем в шесть раз (с 52 млн. руб. до 320 млн. руб.) и почти догоняет американский.

Иллюстрацией к тому, насколько диаметрально противоположны интересы Японии и САСШ на рынках Тихоокеанского бассейна, может служить сопоставление недавно высказанных на этот счет мнений видными представителями этих двух «дружественных» держав.

Японский тайный советник Ишии — бывший министр иностранных дел и долголетний посол в Вашингтоне, стоящий в данное время близко к правительственным кругам, — на заседании японо-американсккого общества в Токио (20 июня 1932 г.) заявил, что «если САСШ когда-либо попытаются господствовать на Азиатском континенте и помещают мирной (!) и естественной экспансии Японии в этой части мира, то вооруженное столкновение неизбежно».

С другой стороны, член американской палаты представителей Ральф Хорр, в июле текущего года, опубликовал в журнале «Нью-Иорк Американ» статью, в которой пишет, что «экономическое будущее Японии зависит от Китая и рынков Тихоокеанских стран. Очевидно интересы Японии и САСШ находятся в непримиримом противоречии не только в отношении Тихоокеанских стран, но также и Китая, который Япония склонна рассматривать как свою собственность».

Если на китайском рынке американский империализм завоевал себе уже второе место, то в отношении капитальных вложений САСШ в Китае дело обстояло до сих пор менее благоприятно в сравнении с положением их главных конкурентов. Из общей суммы вложенных в Китае иностранных капиталов на долю Японии приходится около 2 550 млн. руб., Англии — 2 500 млн. руб. и на долю САСШ — всего лишь 500 млн. руб.

В Китае работает около 600 американских фирм. Главная масса предприятий сосредоточена в долине реки Янцзы — в Шанхае и Ханькоу. На Шанхай приходится около половины всех американских предприятий и учреждений в Китае. Затем идут по степени важности Ханькоу, Кантон и Тяньцзин. В Манчжурии инвестиции САСШ едва достигают 40 млн. иен.

Чрезвычайно характерна структура американских вложений в Китае, большая часть которых затрачена на миссии, религиозные и просветительные учреждения. По данным председателя

комитета по иностранным делам САСШ г. Портера, опубликованным в журнале «Чайна Уикли Ревью», из общей суммы американских вложений в Китае на долю религиозно-просветительных учреждений приходится 47%, на займы и долгосрочные кредиты — 20% и на долю железнодорожных, торговых и промышленных предприятий падает всего лишь 27%.

Ни сравнительно небольшой удельный вес американских вложений, ни их структура отнюдь не означают того, что американский империализм не стремился и не стремится к завоеванию позиций в народном хозяйстве Китая, соответствующих его мощи в мировом хозяйстве. Это означает только то, что САСШ приходится шаг за шагом отвоевывать эти позиции у ранее их закрепившихся в Китае конкурентов и использовать для этой цели различные, зачастую обходные методы. Религиозно-просветительная деятельность есть один из этих методов, ставящих своей целью проникнуть как можно глубже в поры китайской жизни.

Два основных момента определяют политику американского империализма в Китае и на Дальнем Востоке вообще. Первое это то, что занимающие фактически господствующее положение в мировом хозяйстве САСШ добиваются безраздельного господства и на тихоокеанском и дальневосточном рынках. Второе—то, что при осуществлении этого стремления им приходится на каждом шагу встречаться с мощными и издавна засевшими в Китае конкурентами (Япония, Англия, Франция и другие империалистические державы), поделившими Китай на «сферы влияния» и имеющие в каждом районе «специальные интересы», т. е. монопольное право на эксплоатацию трудящихся данной области. Так например Япония имеет свои «специальные интересы» в Манчжурии и Монголии, Англия—в долине реки Янцзы и южных провинциях Китая (Кантон), Франция — в юго-западных провинциях Китая.

В силу притязаний САСШ на право эксплоатации китайских трудящихся масс во всех районах и в целях получения доступа к уже распределенным между другими империалистическими державами областям, американский империализм выдвинул против лозунга разделения «сфер влияния» лозунг «политики открытых дверей». Под этим лозунгом Америка проводила пресловутую Вашингтонскую конференцию 1921 — 1922 гг.; на него ссылается она и теперь в своих протестах против действия японского империализма в Китае.

Мы видели выше, что конкурентом американского империализма является японский империализм, не только захвативший важнейшие позиции на тихоокеанском побережье Азиатского материка, но и проникающий успешно на Тихоокеанские острова. Совершенно очевидно, что программа «Великой Японии» и хотя бы даже частичная реализация лозунга «Азия для азиатов» по существу закрыла бы дальневосточные рынки для американского капитала. С захватом японцами Манчжурии американская торговля с этой областью Китая, по заявлению коммерческого атташе САСШ в Китае Джулиана Арнольда, совершенно прекратилась. Поэтому вполне понятно, что каждый шаг японского империализма, направленный для осуществления этой программы, нервирует

империалистов САСШ. Захват же Манчжурии японским империализмом является по существу выполнением одного из важнейших и решающих звеньев программы «Великой Японии». Полное обладание таким богатейшим краем, как Манчжурия, имеющим важнейшее стратегическое значение, существенно изменяет соотношение сил между борющимися на Тихом океане империалистическими державами в пользу Японии.

Американский империализм предвидел такую возможность и в течение многих лет вел то скрытую, то открытую борьбу за обладание Манчжурией, всячески противодействуя закреплению здесь японского империализма.

История этой борьбы чрезвычайно поучительна.

Уже с первых моментов появления американского капитала у северо-восточных берегов Азии, Япония и САСШ выступают как злейшие конкуренты и враги.

В 1853 г. пушки кораблей американского адмирала Перри, направленные на японскую столицу, «открыли» Японию американским торговцам, занимавшимся больше разбоем, чем торговлей, в прямом смысле этого слова.

В 1871 г. американская военная эскадра пытается проникнуть в Корею, принадлежавшую в тот период Китаю, но на которую уже тогда имела виды Япония. Несмотря на то, что эскадра разгромила 5 корейских фортов, имевших около 500 орудий, добиться цели ей в этот раз не удалось. Только десятилетие спустя, проникнув вслед за японскими капиталистами, американцы начинают развивать бешеную деятельность по экономическому освоению Кореи. В частности ими в 1895 г. была организована в Корее крупная концессия по добыче золота, на которой работало 1 200 рабочих. В 1896 г. получена концессия и начата постройка железной дороги между столицей Кореи — Сеулом и ближайшим портовым городом Чемульпо. Американскими капиталистами был построен трамвай в Сеуле и ряд других городских сооружений. В срочном порядке была начата разработка массы проектов на эксплоатацию минеральных богатств Ксреи и т. д.

Однако эта политика американских капиталистов встретила жестокий отпор со стороны ближайших претендентов на эксплоатацию Кореи — Японии и царской России, в результате чего американский капитал был оттеснен с корейских позиций.

Тогда с прежней энергией и настойчивостью он устремился в соседнюю Манчжурию. Прежде всего САСШ завоевывают господствующее положение во внешней торговле Манчжурии. В этом отношении чрезвычайно показательны данные, характеризующие ввоз основных видов хлопчатобумажной ткани за 1899 г. через порт Нючжуан, который в тот период занимал третье место по сумме оборотов во всем Китае и через который велась почти вся внешняя торговля Манчжурии. Эти цифры таковы: Америка ввезла тканей на сумму около 9 млн. руб., Англия вместе с Индией — на 80 тыс. руб. и Япония — всего лишь на 37 тыс. руб. Таким образом в начале XX в. Америка являлась хозяином манчжурского рынка.

Но успешно овладевая рынком Манчжурии, американский империализм вместе с тем главное свое внимание сосредоточил на завоевании позиций в области железнодорожного строительства. И это вполне понятно, так как в богатых колонизируемых областях самые высокие прибыли обеспечены в строительстве путей сообщения — железных дорог, автотранспорта и т. д. Кроме того обладание путями сообщения (наряду с банками) имеет решающее влияние на исход борьбы с конкурентами в смысле возможностей соответственного регулирования грузопотоков, обеспеченности перевозок на случай войны и т. д. Поэтому не случайно американский империализм в первую очередь устремился в эту важнейшую и решающую в колониальной политике отрасль хозяйства и не случайно сосредоточивается в основном вся борьба и вся история попыток проникновения американского капитала в Манчжурии вокруг железнодорожного строительства.

В 1895 г. группа американских капиталистов выдвинула грандиозный проект постройки железной дороги, пересекающей весь Китай с юга на север — от Кантона через Ханькоу — Пекин — Манчжурию до Сибирской дороги. Особо тщательно американцами была разработана манчжурская часть проекта. Здесь предполагалось проложить дорогу от южноманчжурского порта Нючжуан через Мукден — Гирин — Цицикар до соединения с Сибирской железной дорогой. Кроме того американский проект предполагал проведение линии, пересекающей Манчжурию и в восточном направлении от Мукдена до корейской границы. Ряд условий, включенных в проект, разоблачал конечную цель предложения американских капиталистов, которые рассчитывали, осуществляя этот проект, прочно осесть и закрепиться в Манчжурии и Монголии. Так например оговаривалась монополия Америки на железнодорожное строительство в Манчжурии в течение 30 лет, право приобретать рудники, копи, леса и земли по всей территории Манчжурии и в прилегающей к ней части Монголии и ряд других преимуществ. Однако перевес в реальном соотношении империалистических сил, борющихся за Манчжурию, был в то время на стороне царской России, которая приложила все усилия к тому, чтобы провалить американский проект и сама приступила вплотную к освоению Манчжурии.

Потерпев неудачу, САСШ переменили метод и вслед за Англией повели политику провокации Японии, к тому времени фактически уже захватившей Корею и нацелившейся на Манчжурию — на войну с русским империализмом. САСШ рассчитывали «половить рыбку в мутной воде». Не стесняясь, американские капиталисты заявляли, что, идя на войну с Россией, Япония фактически работает на них. На деле американцы жестоко просчитались, и японский империализм, победивший царскую Россию при содействии Америки и Англии, крепко зажал в кулак Манчжурию и быстро начал вытеснять американцев и англичан с манчжурского рынка.

Доля американского ввоза в Манчжурию за 4 года после русско-японской войны упала с 60 до 36%. В 1905 г. САСШ ввезли в Манчжурию товаров на 25,5 млн. долл., а в 1909 г. —

только на 7,5 млн. долл. В то же время доля японского ввоза в Манчжурию в 1909 г. уже составила 60%.

Упорные попытки использовать русско-японскую войну для своего закрепления в Манчжурии американский капитал начал немедленно по возникновении войны. Президент САСШ Рузвельт открыл атаку заявлением о необходимости передать Манчжурию Китаю под контролем держав. Фиговый листок — «контроль держав»—прозрачно прикрывал стремление американского империализма стать хозяином Манчжурии. Очень возможно, что именно в виде компенсации за это Рузвельт соглашался на аннексию Кореи Японией [1].

В момент мирных переговоров (1905 г.) американский посол в Китае выступил с предложением передать Китаю КВЖД, построенную царской Россией. Дорога пересекла Манчжурию с запада на восток: ст. Манчжурия — Харбин — Владивосток; и с севера на юг — Харбин — Мукден, Порт-Артур — Дальний (Дайрен). Само собой разумеется, что, делая свое предложение, американский посол меньше всего заботится об интересах Китая; настаивая на передаче дороги путем предоставления Китаю займа империалистическими державами для выкупа дороги у России, он строил свои расчеты на том, что Америка сможет выделить на заем значительно большую сумму, чем остальные державы и таким образом получить фактический контроль над манчжурскими дорогами и над Манчжурией вообще. Но это предложение провалилось.

После русско-японской войны, по Портсмутскому мирному договору, южная часть Китайсковосточной дороги — Порт-Артур—Чань-Чунь—отошла к Японии. САСШ снова делают попытку принять участие в финансировании строительства Южноманчжурской железной дороги, предложив Японии заем. Новый провал и этой попытки не обескураживает американских империалистов. Виднейший американский банкир Гарриман, финансирующий железнодорожное строительство, выдвигает в 1907 г. грандиознейший проект создания «Великого кругосветного пути», затмевающий первый американский проект постройки железной дороги через весь Китай. В состав кругосветного пути должны были войти Тихоокеанская пароходная компания, затем Манчжурская железная дорога, дальше Великий сибирский путь. В России кругосветная линия должна была пройти через Петербург, потом через Атлантический океан и закончиться в Северной Америке. Возглавлять это дело по проекту должен был американский финансовый капитал, и следовательно, по замыслу авторов, «Великий кругосветный путь» должен был в первую очередь проложить дорогу американским капиталистам в Манчжурию.

[1] 20 февраля 1932 г. японское министерство иностранных дел опубликовало секретный доклад Комуры, который, будучи министром иностранных дел Японии, участвовал в портсмутских переговорах. Комура указывал, что перед отъездом из Вашингтона он поблагодарил Рузвельта за посредничество и сообщил ему, что Япония вероятно найдет нужным аннексировать Корею. Рузвельт уже тогда одобрил аннексию Кореи.

В министерстве иностранных дел добавляют, что Рузвельт сдержал свое слово, это видно из того, что САСШ были первой страной, отозвавшей из Сеула дипломатическую миссию после аннексии Кореи.

Исходя из своих интересов и прекрасно понимая истинный смысл проекта, японский империализм, только что победоносно вышедший из войны, сорвал планы американских банкиров. САСШ пытались припугнуть Японию, свою недавнюю союзницу, «которая почувствовала после победы над Россией силу и начала достаточно бесцеремонно выживать из Манчжурии своих конкурентов и в первую очередь САСШ» [1].

Американская эскадра только что спущенных на воду крейсеров появилась у берегов Японии на маневрах, служа недвусмысленной иллюстрацией к требованиям об изменении японской политики в Манчжурии и Китае и соблюдении принципа «открытых дверей». Япония, заручившись поддержкой империалистической России, на уступки не пошла. САСШ были вытеснены с манчжурского рынка, а маневры остались только маневрами. САСШ в то время еще не имели ни достаточно солидного флота, ни сухопутной армии для войны с только что победившей Россию Японией, имевшей сильный флот для обороны и вышколенную предыдущей войной армию. Президент Рузвельт предпочел мирно договориться о сохранении существующего положения на Тихом океане на основе «взаимного уважения прав между дружественными державами».

Против американской политики, настойчиво стремившейся во что бы то ни стало проникнуть и закрепиться в Манчжурии, Япония заключила блок с царской Россией, поделив Манчжурию и Монголию на «сферы влияния» и признав в указанных районах «специальные интересы» договорившихся держав. Это не остановило конечно дальнейших домогательств Америки.

Наряду с «грандиозными» общими планами проникновения в Манчжурию, американский империализм не отказывался и от частных действий в этом направлении.

Например одним американцем в 1906 г. были перекуплены у «Русской лесопромышленной компании» лесные концессии в Корее и Южной Манчжурии и часть Фушунских угольных копей. Так как эти предприятия находились в «сфере влияния» Японии, которая могла опротестовать перепродажу концессий «третьему лицу», то сделка была заключена условно; ввод же во владение концессиями американцев так и не был осуществлен. Затем была попытка группы американских капиталистов снять в аренду ряд крупных земельных участков и организовать крупные образцовые сельскохозяйственные предприятия с использованием в земледелии новейшей техники. Одно из таких крупных американских поместий с числом китайских рабочих в 500 человек существовало вплоть до начала мировой войны.

Но все это были частные и мелкие попытки, которые не могли решить для САСШ проблемы «мирного завоевания» Манчжурии и вытеснения оттуда своего главного после русско-японской войны конкурента — Японии. Поэтому они снова и снова возвращались к генеральным проектам железнодорожного строи-

---

[1] В этой главе частично использованы материалы книги т. Аварина, Империализм и Манчжурия, Соцэкгиз, 1931 г.

тельства в Манчжурии, тем более что развивавшаяся быстрыми темпами американская металлургия и разразившийся кризис в 1907 — 1908 гг. требовали новых и емких рынков для избыточной продукции и подталкивали американское правительство на более решительные шаги в этом направлении.

В октябре 1909 г. группа американских банкиров во главе с Морганом заключила договор с вице-королем Манчжурии на постройку железнодорожной линии Цзинь-Чжоу (юг Манчжурии) — Цицикар — Айгунь (самый северный пункт Манчжурии). Линия должна была пересекать всю Манчжурию с юга на север и итти параллельно японской Южноманчжурской железной дороге. Получив одобрение договора со стороны китайского императора, правительство САСШ в 1910 г. вновь выступило с предложением выкупа и передачи под интернациональный (читай: американский) контроль манчжурских железных дорог, угрожая в случае непринятия предложения немедленно приступить к постройке вышеуказанной конкурирующей линии. Но и эта атака Америки вследствие единодушного и активного протеста об'единившихся империалистических сил России и Японии, при довольно безразличном отношении Франции и Англии к этому вопросу, потерпела поражение.

Через год (октябрь 1910 г.) появляется новый проект, более дипломатичный по форме, но по существу пытающийся хотя бы обходными и более длительными путями добиться той же цели. Американские банки — Моргана и другие — заключили договор на предоставление займа китайскому правительству в сумме 50 млн. долл. для «реорганизации финансов и развития промышленности». Чрезвычайно характерно распределение займа по статьям, которое предусмотрительно оговаривалось в проекте. Из всей суммы займа около 60% предназначалось на финансирование хозяйства Манчжурии.

Совершенно очевидно, что выделение из займа, предназначавшегося всему Китаю, таких значительных сумм на одну Манчжурию вызывалось не действительным желанием помочь развитию хозяйства Манчжурии, а диктовалось все тем же стремлением американского империализма подчинить себе и закабалить ее. Платежи по займу также должны были обеспечиваться государственными доходами с манчжурских провинций — налогами на промышленность, на потребление табака и спирта и доходами от соляной монополии.

Для большей солидности и маскировки своих планов САСШ решили привлечь к этому делу Англию, Германию и Францию, которые приняли предложение. Япония и Россия, по замыслу проекта, должны были остаться изолированными. Так был организован пресловутый четверной консорциум (союз) в составе САСШ, Англии, Германии и Франции. Китайская революция 1911 г. разрушила планы американских империалистов. Консорциум успел выдать для нужд Манчжурии заем всего лишь в 4 млн. руб. К тому же Россия и Япония, боясь, что ссужаемые займы будут употреблены на постройку Циньчжоу-айгуньского варианта железной дороги, настояли на своем включении в состав консор-

циума. После этого, хотя консорциум формально существовал до начала империалистической войны 1914 г., дело для САСШ, ввиду его явной бесплодности, потеряло смысл, и они постепенно устранились от участия.

Начало мировой империалистической войны 1914 г. создало целую эпоху, благоприятную для расширения японской агрессии. Главные соперники Японии были заняты войной и следовательно не могли уделять достаточно средств и внимания Дальнему Востоку. Япония, «скромно» добивавшаяся до сих пор только захвата Манчжурии и Монголии, используя ситуацию, немедленно же поставила в порядок дня вопрос о протекторате над всем Китаем.

В начале 1915 г. она пред'явила Китаю 21 требование, в которых по существу шла речь не только об аннексии Манчжурии и Монголии, но и о передаче японцам Шаньдунского полуострова, предоставления привилегий в районе реки Янцзы и т. д. Ввиду особого интереса этих требований, иллюстрирующих методы порабощения Китая японским империализмом задолго до оккупации Манчжурии, приводим их основные статьи.

«Японское и китайское правительства, желающие поддержать всеобщий мир в Восточной Азии и укрепить в дальнейшем дружественные отношения и добрососедское сожительство между двумя нациями, договорились по следующим пунктам:

1. Китайское правительство обязуется дать полное согласие на все, о чем японское правительство может в будущем договориться с германским правительством касательно передачи всех прав, интересов и концессий, которыми Германия в силу договоров или другими способами обладает по отношению Шаньдунской провинции.

2. Китайское правительство обязуется в том, что в пределах Шаньдунской провинции и вдоль ее берегов ни одна территория или остров не будет уступлен или сдан в аренду третьей державе под каким бы то ни было предлогом.

3. Китайское правительство соглашается на постройку Японией железной дороги от Чифу или Лункоу до соединения с Киочао-цинаньфусской железной дорогой.

4. Китайское правительство обязуется в интересах торговли и для проживания иностранцев открыть самостоятельно как можно скорей некоторые важнейшие города в Шаньдунской провинции в качестве коммерческих портов. Какие пункты должны быть открыты, будет сообща решено в отдельном соглашении».

Раздел 2-й этих требований касается специально Манчжурии и Монголии.

«Японское и китайское правительства вследствие того, что китайское правительство всегда признавало особое положение, занимаемое Японией в Южной Манчжурии и в Восточной внутренней Монголии, договариваются по следующим пунктам:

1. Обе договаривающиеся стороны взаимно соглашаются, чтобы срок аренды Порт-Артура и Дайрена и срок аренды Южноманчжурской железной дороги и Андунь-мукденской был продлен до срока в 99 лет.

2. Японские подданные в Южной Манчжурии и Восточной внутренней Монголии должны иметь право арендовать или приобретать в собственность землю, требующуюся или для сооружения соответствующих зданий в промышленности и торговле или для земледелия.

3. Японские подданные должны иметь право свободно проживать и путешествовать по Южной Манчжурии и Восточной внутренней Монголии и заниматься делами и производством всякого рода каким бы то ни было.

4. Китайское правительство соглашается дать право японским подданным на открытие копей в Южной Манчжурии и Восточной внутренней Монголии.

5. Китайское правительство соглашается на то, что в отношении двух случаев, упоминаемых ниже, будет получено согласие японского правительства, прежде чем им будут предприняты какие-либо действия:

а) В случае если дается разрешение подданным третьей державы строить железную дорогу или заключать заем с третьей державой с целью постройки железной дороги в Южной Манчжурии или Внутренней Монголии.

б) В случае если заем, заключенный с третьей державой, имеет обеспечением местные налоги в Южной Манчжурии или Восточной Монголии.

6. Китайское правительство соглашается на то, что если оно назначает политических, финансовых или военных советников или инструкторов в Южной Манчжурии или Восточной Монголии, то с мнением японского правительства надлежит считаться в первую очередь.

7. Китайское правительство соглашается на то, чтобы контроль и управление Гирин-чаньчунской железной дороги должны быть переданы японскому правительству на срок в 99 лет, считая со дня подписания этого соглашения».

Эти требования, заключающие в себе по существу предложение о самопорабощении Китая и сопровождаемые циничными формулировками о «дружественных отношениях», были приняты к исполнению 1 мая 1915 г. правительством президента Китайской республики Юань Ши-кая, вскоре об'явившего себя при помощи японцев императором.

Занятые европейскими делами, САСШ ограничились заявлением протеста по поводу пред'явленных Китаю требований, мотивируя тем, что они нарушают интересы и права граждан САСШ в Китае (нарушение прав китайских граждан не возмущало конечно американских банкиров) и принципы политики «открытых дверей».

В 1916 г. САСШ напомнили о себе, когда русско-азиатский банк заключил с китайским правительством договор о займе в 50 млн. руб. на постройку железной дороги Харбин — Сахалян. Они заявили протест на том основании, что от принадлежащего им по договору права на постройку линии Цзиньчжоу — Айгунь САСШ не отказываются, а дорога Харбин — Сахалян повторяет этот американский проект.

К концу империалистической войны САСШ вновь переходят от политики «протестов» к активным мероприятиям по проникновению в Манчжурию.

Русский империализм вышел из игры на Дальнем Востоке. Царизм был свергнут, а буржуазное правительство Керенского нуждалось в деньгах как для продолжения империалистической войны, так и для подавления нарастающей пролетарской революции внутри страны. САСШ учли ситуацию и предложили Керенскому помощь, которая оказалась для последнего как нельзя кстати. В компенсацию за предоставляемые займы правительство Керенского соглашалось отдать «под контроль» САСШ Сибирскую и Китайсковосточную железные дороги. Контроль учреждался только на время войны и «для пользы войны», но эти оговорки конечно были только ширмой, прикрывающей фактическую продажу этих железных дорог.

Американский инженер Джон Стивенс весной 1917 г. прибыл в Россию и был назначен советником министерства путей сообщения. В июне прибыла группа американских экспертов, из которых был организован «корпус американских инженеров для работы на Сибирских железных дорогах». Корпус в составе 300 инженеров во главе со Стивенсом осенью 1917 г. был уже на Дальнем Востоке и развернул свою деятельность. Но Октябрьская революция, порвав все договоры и сделки империалистов, разрушила и эти планы САСШ.

Против пролетарской революции выступили единым фронтом империалисты САСШ и Японии, до этого годами боровшиеся как злейшие враги за право монопольной эксплоатации трудящихся масс Дальнего Востока. Новые союзники стремились использовать положение для осуществления своих грабительских планов.

Японский профессор Иоши Куно примерно так об'яснял мотивы оккупации Сибири японцами:

«Для Японии является жизненным вопросом, откуда достать сырье для быстро растущей промышленности. Китай конечно представляет неисчерпаемый источник, но он уже эксплоатируется всеми нациями и сам уже начинает развивать промышленность. Сибирь же, во-первых, очень слабо населена, и, во-вторых, ее богатства остаются неиспользованными. Кроме того эта обширная страна лежит прямо против Японского моря и уже вследствие географической близости представляет, казалось бы, естественный источник сырья». «Японии также нужно, — продолжает профессор, — сделать из Владивостока открытый порт, подобный Гонконгу. С течением времени Владивосток сделается портом, через который Япония сможет установить кратчайший торговый путь в Европу» [1].

Действительно, вся и предыдущая и последующая политика Японии подтверждает положение «уважаемого» профессора, что японский империализм с неограниченным аппетитом стремится проглотить все, что «прямо лежит» против Японского моря.

---

[1] Ioshi S. Kune, What Japn wants.

Такие намерения и действия японских империалистов вполне согласовались с их программой создания «Великой Японии», но они шли вразрез с планами САСШ, которые, как мы видели выше, купили у Керенского и Сибирскую и Китайсковосточную железные дороги и считали в силу этого свои права на грабеж Дальнего Востока и Сибири обеспеченными.

С началом интервенции началась ожесточеннейшая борьба за Дальневосточный край, с одной стороны, между Красной армией, партизанскими отрядами и интервентами и, с другой стороны, между самими интервентами — САСШ и Японией.

Вильсон договорился с Японией послать в Сибирь отряды по нескольку тысяч человек от каждого из этих двух государств, конкретно по 7 тыс. САСШ рассчитывали, что в этом случае Япония не будет иметь преимущественного положения перед ними. Однако Япония, вопреки договоренности, наводнила Дальневосточный край своими войсками, и отряд в 7 тыс. японских войск в Сибири вырос не больше не меньше как до 70 тыс. [1]

Кроме этой армии с штабом во Владивостоке и в Дальневосточном крае оказалось еще 2 японских армии, находившиеся под непосредственным командованием военного манистерства из Токио.

Японские армии захватили моментально все важнейшие стратегические пункты: Сахалин, Владивосток, Николаевск на Амуре, засели в Иркутске, Чите, Забайкалье, на Амуре, в Северной Манчжурии, в Монголии и всюду вели себя хозяевами.

Вся Восточная Сибирь была наводнена японскими инженерами, разведчиками и т. д. Всякого рода сырье — руда, золото, лес, хлеб и скот — начало вывозиться в Японию сплошным потоком в самом спешном порядке.

Профессор Спарго так описывает положение:

«Американские войска были систематически устранены от всех пунктов, имеющих стратегическое значение. Все сколько-нибудь значительные города в Восточной Сибири были заняты японцами. Все железные дороги и железнодорожные мосты охранялись японцами, и на всех станциях от Владивостока до Читы развевался один только японский флаг... Никакой офицер других армий не мог передвинуть ни одного человека, не уведомив японский штаб. С другой стороны, американских и европейских офицеров никогда не уведомляли о передвижениях японских войск... Японские суда наполняли Владивостокскую гавань, их пушки были направлены на город. Ни одного каравана нельзя было двинуть, ни одного поезда отправить, ни одного корабля ввести или вывести, не пройдя через японский контроль и не получив японского разрешения» [2].

Эти «факты убили веру в Японию», — заявляет другой американский автор — Глисон.

Совместная американо-японская декларация о целях и принципах интервенции Дальневосточного края выпущена была 3 ав-

---

[1] Грэвс, Американская авантюра в Сибири (1918—1920 гг.), Москва, 1932 г.
[2] John Spargo, Russia asan American—problem, 1920, стр. 258.

густа 1918 г., а в начале ноября, когда выяснилось, что Япония фактически уже наложила свою лапу на Сибирь, Манчжурию, Монголию, Сахалин, правительство САСШ в лице государственного секретаря Лансинга потребовало от Японии вывода из Сибири «излишних» войск.

В ответ на это требование японским командованием был издан приказ о выводе из Сибири 52 тыс. войск. Однако еще год спустя, в сентябре 1919 г., военный министр САСШ жаловался в одной из комиссий, что Япония «и по сей день имеет войска в Восточной Сибири свыше 60 тыс.».

Япония фактически захватила Амурскую, Забайкальскую и Китайсковосточную железные дороги.

Между САСШ и Японией начался торг, в процессе которого обе державы договорились на организации «Межсоюзного комитета для контроля над Китайсковосточной и Сибирской железными дорогами».

Таким образом САСШ пришлось делиться с Японией добычей, которой они рассчитывали, по договору с Керенским, владеть одни.

По договору САСШ получали под контроль часть Забайкальской железной дороги и участок Уссурийской. Япония брала всю Амурскую железную дорогу, большую часть Уссурийской и часть Забайкальской. Китайсковосточная железная дорога формально передавалась Китаю, а фактически управлялась «Межсоюзным комитетом». В Харбине командовал американский инженер мистер Д. Стивенс, который числился председателем технического совета дороги и фактически являлся управляющим дороги. В круг его ведения входило заведывание технической эксплоатацией дороги, назначение и смещение должностных лиц и т. п.

Началась усиленная деятельность по освоению добычи. Прежде всего САСШ предложили под залог Китайсковосточной железной дороги заем в сумме 20 млн. долл. Затем начали производить улучшения дороги с целью вложить как можно больше капиталов и иметь возможность после этого предъявлять неоплатные претензии. За время управления Стивенса Китайсковосточная железная дорога задолжала САСШ свыше 45 млн. руб.

Американские товары шли сплошным потоком по Китайсковосточной железной дороге на манчжурские и сибирские рынки.

История союзной интервенции в Сибири вписана кровью бесчисленных жертв, погибших как непосредственно от руки японских, американских и других интервентов, так и от тех озверевших отрядов белогвардейщины, которые интервентами поддерживались, — Колчака, Семенова, садиста барона Унгерна, Дитерихса и др.

Победившая пролетарская революция, организовавшая мощную Красную армию, при активной поддержке мирового пролетариата вымела интервентов вместе с белогвардейцами с советской территории.

Особого обострения японо-американские противоречия достигли к весне 1920 г., когда выяснились следующие факты: во-первых, правительство Дальневосточной республики сдало аме-

рикanскому предпринимателю Вандерлипу нефтяную концессию на Камчатке, во-вторых, САСШ разработали десятилетнюю программу морских вооружений, которая почти целиком была направлена против Японии и явно форсировала подготовку к большой морской войне на Тихом океане.

Правительство Японии в то время возглавляла агрессивная партия сейюкай.

В парламенте был поставлен вопрос о необходимости воевать с САСШ в ближайшие же два года пока-де не будут еще готовы новые американские суда и морские базы на Филиппинах и на других соседних островах.

Японский генерал и дипломат Кайиро Сато выпустил специальную работу: «Неизбежность японо-американской войны», в которой автор жалуется на то, что японцы не замечают большого кризиса, который быстро назревает... «Судя по фактам, уже имевшим место в истории Японии,—говорит он,—мы находим поразительное сходство между нашествием монголов и современными отношениями между Японией и Америкой».

Воинственное настроение японских империалистов подогревалось страстным желанием во что бы то ни стало удержать награбленное и захваченное во время империалистической и гражданской войн в России: Шаньдун, Манчжурию, Сибирь, Сахалин. Добиться этого можно было только в результате войны с САСШ, которые, разбогатев на империалистической войне, предпринимали решительные шаги к восстановлению своих утраченных позиций на Дальнем Востоке и к определенному сокращению аппетитов Японии.

Американские газеты также пестрили угрозами: «Если Япония не согласна принять не на словах, а на практике политику открытых дверей, мы будем воевать с ней».

Таким образом вопрос о японо-американской войне в 1920—1921 гг. стоял совершенно конкретно.

Но Англия, до сих пор состоявшая в союзе с Японией, отказалась поддерживать Японию в готовящейся войне — во-первых, потому, что английский империализм так же, как и американский, за период войны был значительно оттеснен с китайского рынка Японией, и, во-вторых, потому, что английские доминионы—Австралия и Канада—возражали против англо-японского союза. Японские империалисты в одиночку не рискнули воевать против САСШ и пошли на уступки.

На Вашингтонской конференции в ноябре 1921 г. САСШ продиктовали: окончательный разрыв англо-японского союза, ограничение морских вооружений Японии и Англии, которая с установлением пропорции 5 : 5 : 3 теряла свое исключительное первенство на морях; кроме этого Япония должна была отказаться от проведения в жизнь самых главных пунктов «двадцати одного требования» и очистить Шаньдунский полуостров, Северную Манчжурию и Монголию, она обязывалась также на практике проводить принцип «открытых дверей».

Под давлением РСФСР Японии пришлось очистить также Сибирь, Дальний Восток и Сахалин.

Во время Вашингтонской конференции поступили протесты правительства РСФСР и Китая против захвата союзниками, и главным образом САСШ, Китайсковосточной железной дороги. Япония поддержала протест, заявив, что «Китайсковосточная железная дорога по существу принадлежит русским и ее надо им вернуть». Под общим давлением сторон и по ряду других дипломатических соображений САСШ, хотя и с большой неохотой, очистили Китайсковосточную железную дорогу в октябре 1922 г., продержав ее в своих руках свыше 4 лет.

Само собой разумеется, что выступления японского империализма на Вашингтонской конференции всего менее диктовалось заботами об интересах Советской республики и об'ясняется лишь внутренними противоречиями между империалистами. О том, как японские империалисты в действительности считаются с правами трудящихся СССР на Китайсковосточной железной дороге, можно судить по последним провокациям на Китайсковосточной железной дороге и по упомянутому меморандуму Танака, где он категорически заявляет, что «Восточнокитайская дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южноманчжурская».

Одновременно с деятельностью межсоюзного комитета на Китайсковосточной железной дороге американские банкиры развивали широкие планы интернационализации китайских предприятий вообще. В 1918 г. группа банкиров во главе с известным Ламонтом выдвинула проект создания консорциума для финансирования всей промышленной деятельности Китая. По проекту консорциум должен был охватить не только займы, которые должны были выдаваться впредь, но также и все уже выданные ранее вне зависимости от того, на какие цели заем выдавался. Этот пункт, да и весь проект в целом был направлен против Японии, которая за время войны успела всяческими способами проникнуть во все поры китайской жизни, причем в особенности она была щедра на займы. Япония повела отчаянную борьбу против линии САСШ и добилась из'ятия из круга ведения консорциума выданных ранее займов на те промышленные предприятия, «которые развивались прогрессивно», Южноманчжурской железной дороги и некоторых, начатых и проектируемых японцами железных дорог в Манчжурии. За этими исключениями вся Манчжурия и Монголия должны входить в друг ведения консорциума.

Договор о создании консорциума был подписан Америкой, Францией, Англией и Японией в октябре 1920 г. Срок договора устанавливался в 5 лет. В комитет вошли около 60 крупнейших банков Америки, 17 японских банков, 7 английских и 9 французских. Дирижерами естественно являлись американские банки.

Но японские империалисты, которые по существу были заинтересованы в срыве консорциума, перехитрили американских и, подписывая договор о консорциуме, одновременно приняли соответствующие меры воздействия на пекинское правительство. Последнее отчасти вследствие японской инспирации, отчасти из-за боязни возмущения масс открытой и наглой продажей Китая отклонило предложение о создании консорциума, и таким образом

тонкая затея САСШ не была осуществлена. САСШ продолжали политику ущемления Японии.

Очередной взрыв японо-американских противоречий относится к 1924 г. в связи с проведением САСШ закона, запрещающего переселения японцам в Северную Америку и на Тихоокеанские острова. На некоторых Тихоокеанских островах (принадлежащих САСШ) подавляющее большинство населения составляли японцы. Так например на Гавайи — главной Тихоокеанской военно-морской базы САСШ — в 1920 г. из общего числа населения в 256 тыс. человек японцев было 113 тыс. Соотношение национального состава населения Гавайских островов для 1926 г. было следующим: туземцев-гавайцев — 15,3%, китайцев — 8%, американцев, англичан, немцев и русских — 11%, японцев — 39,6%. Японцев было в пять раз больше, чем американцев.

САСШ расценивали японскую иммиграцию как один из методов захвата японским империализмом принадлежащих САСШ территорий и утвердили закон, запрещающий иммиграцию японцев [1]. Правительство Японии решило использовать этот факт для подготовки общественного мнения к будущей антиамериканской войне и повело соответствующую агитацию.

1 июля — день вступления в силу иммиграционного закона — было об'явлено днем национального бедствия. По всей Японии был об'явлен бойкот американских товаров. Со здания американского посольства был сорван флаг — инцидент, который потребовал потом больших дипломатических увертог со стороны японского министра Сидехары.

По Токио разбрасывались прокламации, предлагавшие вернуть американцам деньги, которые они пожертвовали в 1923 г. по случаю землетрясения.

Бойкотировались американские фильмы и демонстрировались антиамериканские, изображавшие американцев в очень непривлекательном виде. В высшем патриотическом экстазе знатные японцы в знак протеста против закона устраивали себе харакири. Газеты, книги, журналы, прокламации были наполнены лозунгами протеста и призывами к войне.

---

[1] Повидимому одним из оснований для этих обвинений послужил тот факт, что японские империалисты в действительности широко используют иммиграцию для осуществления своих захватнических целей. Например в своем меморандуме Танака пишет следующее о „методах завоевания Монголии“: „19 отставных японских офицеров находятсч в настоящее время в Тишату... Мы пошлем туда секретным образом еще большее количество отставных офицеров. Мы должны везде иметь своих отставных офицеров для того, чтобы захватить в свои руки контроль... Когда во Внешней и Внутренней Монголии будет достаточное количество нашего народа, мы скупим там землю, заплатив за нее одну десятую ее подлинной ценности... Когда большая часть земли окажется в наших руках — уже не будет спора о том, принадлежит ли Монголия японцам или монголам... Для осуществления этого плана необходимо ассигновать миллион иен из секретных фондов военного министерства и отправить 400 отставных офицеров во Внешнюю и Внутреннюю Монголию. Эти офицеры, одетые как китайские граждане и выступающие в роли учителей, должны смешаться с населением, завоевать доверие монгольских князей, получить у них право заниматься скотоводством и горным делом и заложить таким образом основы наших национальных интересов на ближайшие 100 лет“.

Так империалисты готовят трудящиеся массы к новой империалистической бойне.

Когда на митинге «Ассоциации запасных» в Токио, собравшихся в количестве 15 тыс. человек, докладчик, известный шовинист профессор Уесуги, произнес антиамериканскую речь, доказывавшую неизбежность войны, присутствовавшие стали кричать: «Мы готовы».

24 июня в Порт-Артуре, а 1 июля в Дайрене состоялись многолюдные антиамериканские митинги, на которых ораторы призывали к немедленной войне с Америкой.

Вообще возбуждение было массовое, и, по словам газет, настроение митингов и демонстраций напоминало настроения накануне русско-японской войны. Однако «здравый смысл» политиков и промышленников, в первую очередь «Экспортно-импортной ассоциации», пострадавшей от бойкота американских товаров, победил на этот раз. Умеренные газеты, не отрицая неизбежности войны с САСШ, призывали к выдержке и самообладанию: иммиграционный закон не мог служить достаточным поводом для войны. Это правильно отметил уже цитировавший выше японский профессор Куно, который, совершенно верно формулируя мнение империалистических кругов Японии насчет основных причин будущей японо-американской войны, писал: «Если война начнется, то причиной ее будет отнюдь не японский вопрос в САСШ, а всего вероятнее какие-нибудь комбинации на самом Востоке. Япония могла бы взяться за оружие, если бы САСШ усвоили себе политику, которая преградила бы Японии путь к получению сырья из Китая или из Сибири»[1].

Следующим этапом японо-американской борьбы за обладание китайским рынком, Манчжурией в частности, является период, начиная примерно с 1928 г. до начала японской оккупации Манчжурии. Вслед за разгромом Великой китайской революции (1925—1927 гг.) САСШ приступили к энергичному проникновению во все отрасли китайской экономики. Этому содействовало нанкинское правительство, превратившееся в креатуру американского империализма. Вся та крикливая политика нанкинского правительства за «освобождение» Китая, за отмену экстерриториальности, за таможенную автономию и т. д. и т. п., которую она проводила, начиная с конца 1927 г., была, по существу говоря, политикой американского империализма. За спиной Нанкина стояли САСШ, которые поставили своей задачей руками нанкинских милитаристов об'единить Китай и подчинить его себе как единый рынок. Усиленное проникновение САСШ в Китай не могло не беспокоить Японию. Положение для Японии усложнилось еще и тем, что на буксире американского влияния шла и мукденская феодально-капиталистическая группировка. Чжан Цзо-лин, когда-то верный страж японских интересов в Манчжурии, стал явно склоняться в сторону американской ориентации. Удары по японскому империализму он начал наносить по наиболее чувствительному для Японии месту — железнодорожному строительству в Манчжурии.

---

[1] *Ioshi* S. *Kuno*, What Iapan wants.

В конце 1927 г. Чжан Цзо-лин предложил САСШ заключить с ним договор на постройку двух железных дорог: Жэхэ — Таснань и Цицикар — Сахалян и на сооружение порта Хулудао с целью конкуренции с главным японским портом в Манчжурии — Дайреном.

Надо сказать, что Япония еще в 1905 г. вынудила у Китая договор, по которому он обязывался не сооружать железнодорожных линий, параллельных японской Южноманчжурской железной дороге. Затем Япония распространила этот договор вообще на все японские дороги в Манчжурии. Помимо того она вынудила у Китая договор на право постройки еще 5 железнодорожных линий, в том числе имеющих стратегическое значение—Гирин—Хойренской и Мукден — Хайлунской. И вот в последние годы в этой области, где был так силен японский капитал, началось энергичное строительство железных дорог самими китайцами, за спиной которых стоял американский капитал.

Так в 1926 г. началось строительство Хухайской дороги с точками Хайлунь (Цицикарский) — Харбин протяжением в 220 *км*. Движение по этой дороге началось в конце 1928 г. В 1929 г. начата постройкой линия Таонань-Солунь, идущая на запад от Таонань-цицикарской железной дороги. Эта дорога по существу реализует японский проект, на который Япония уже имела договор. Строительство начато на китайские деньги, но непрерывно шли переговоры о привлечении американских капиталов. К 1931 г. проведено линий около 100 *км*.

В 1927 г. китайцы закончили постройку линии Дахушань — Баинтала, проходящую параллельно Южноманчжурской железной дороге и прямо нарушавшей договор 1905 г. с Японией. Затем была начата постройка второй параллельной Южноманчжурской железной дороге линии: Мукден — Хайлунь — Гиринь, соединяющейся с Пекин-Мукденской линией.

Япония рассчитывала, что постройка этой железной дороги не может обойтись без привлечения японских капиталов, и тогда она могла бы превратить по существу Мукден-хайлунский участок в под'ездную ветку Южноманчжурской железной дороги. Поэтому она в 1925 г. дала согласие на пересечение своей линии у Мукдена. Однако в данном случае японские империалисты просчитались. Мукден-хайлунская железная дорога была достроена в конце 1927 г. и продолжена до Гириня в 1929 г. без привлечения японского капитала (вся линия протяжением в 441 *км*) при запоздавшем, хотя и ожесточенном протесте спохватившейся Японии. Китайцы обошлись «собственными» средствами, причем часть денег действительно была собрана у местных помещиков и буржуазии. Рельсы и оборудование поставляла Америка. В результате получились две параллельных, конкурирующих с Южноманчжурской железной дорогой линии, соединяющихся непосредственно с Пекин-Мукденской дорогой.

Использовать в полной мере вновь построенные, конкурирующие с Японской дорогой железнодорожные линии было возможно только при условии открытия самостоятельного выхода к морю. До сих пор главным и почти единственным благодаря по-

литике Японии торговым портом был Дайрен, расположенный на конечной точке Южноманчжурской железной дороги. Для конкурирующих линий этот порт естественно не был пригоден. Весной 1930 г. Китай приступил с помощью одной голландской фирмы (новая ширма американского капитала) к оборудованию порта Хулудао с пропускной способностью в 3 млн. *т* в год. Новый порт должен был служить главной опорой китайской рельсовой системы в Манчжурии и являться конкурентом Дайрена. Даже по емкости новый порт равняется Дайренскому, который в 1926 г. пропустил грузов 3,8 млн. *т*. Торжественная закладка порта была превращена в антияпонскую демонстрацию по всей Манчжурии и накалила до крайности и без того напряженную атмосферу.

Завоевание позиций американским капиталом в Китае и Манчжурии продолжалось до самого последнего времени и конечно не только в области железнодорожного строительства.

В 1929 г. между Китаем и САСШ было заключено соглашение на передачу Америке воздушного почтово-пассажирского сообщения на всей территории Китая. Организовано смешанное общество с капиталом в 10 млн. долл., и уже начали функционировать линии: Шанхай — Кантон, Нанкин — Цзинань, Шанхай — Нанкин — Ханькоу и др.

Подводный кабель передан в эксплоатацию САСШ на 10 лет. С января 1931 г. американские капиталисты эксплоатируют всю радиосвязь Шанхая и линию Шанхай — Гонконг. Разрабатываются проекты о передаче всей радиосвязи в Китае американским предпринимателям.

В июле 1931 г. сообщалось о том, что мукденское правительство приобрело у американских фирм аппаратуру для установки радиостанции Мукден — Сан-Франциско. Японский журнал «Сина» сообщал о ряде достигнутых соглашений между Китаем и САСШ: «о предоставлении Китаю серебряного займа», об учреждении «Американо-китайской судоходной компании» и т. д. Японская газета «Осака Майници» в июле 1931 г. била тревогу по поводу того, что крупнейший американский банк учреждает в Харбине центральную контору с 27 отделениями во всех главных городах Манчжурии. Она сообщала, что между этим банком и нанкинским правительством заключен секретный договор о предоставлении Китаю займа в 70 млн. долл. «для развития горных предприятий, индустрии и путей сообщения». Сообщалось далее, что 20 мая 1931 г. китайская фирма в Цицикарской провинции получила уже для этой цели 20 млн. долл. через харбинскую контору американского банка.

В конце июля 1932 г. сообщалось, что в японских экономических кругах уделяется очень большое внимание переговорам американской пароходной компании «Доллар-Лайн» с китайской пароходной компанией «Чайна-Мерчант Стим Навигейшен кампани» о предоставлении ей займа в 30 млн. долл. Судоходство по реке Янцзы должно быть полностью реорганизовано. Иностранные пароходства, в первую очередь японские, должны быть лишены права навигации по Янцзы, которое должно перейти китайским компаниям с условием, что дальнейшая перевозка грузов по мор-

ским линиям будет производиться пароходами «Доллар-Лайн», которая рассчитывает также получить преимущественное право в области импортной торговли Китая.

Подведем итоги:

1. В течение десятков лет непрерывно велась и ведется напряженнейшая борьба двух империалистических держав — Японии и САСШ — за господство на Тихом океане и на Дальнем Востоке вообще. Менялись методы борьбы, пускались в ход оружие, подкупы, убийства, широковещательные обещания, провокации, религиозные и просветительные учреждения, в зависимости от той или иной кон'юнктуры; успех переходил от одной державы к другой и обратно; угроза пушками сменялась «мирным завоеванием», — но напряженность атмосферы, в которой две группы империалистов боролись и борются за сверхприбыли, нарастала.

2. Манчжурия и Внутренняя Монголия являются основными об'ектами этой борьбы вследствие решающего экономического и стратегического значения для продолжения дальнейшей борьбы на Тихом океане.

3. За последние годы позиции американских империалистов в Манчжурии благодаря особенно сильному нажиму и политике продавшихся САСШ мукденских и нанкинских генералов чрезвычайно укрепились.

Оккупацией Манчжурии и организацией так называемого «независимого манчжурского правительства» Япония устраняет элементы, проводившие американскую политику в Манчжурии. Несомненно, что американский империализм после длительной борьбы за Манчжурию и после громадных в этом отношении успехов последних лет по ее освоению не расстанется так просто и легко с Манчжурией и не примирится с ее захватом Японией. Кровавая развязка американо-японских противоречий со всеми вытекающими отсюда последствиями неумолимо приближается.

«Лишь твердая политика мира, проводимая СССР, страх буржуазии перед превращением империалистической войны в войну гражданскую, перед перспективой колониальных восстаний пока еще сдерживают вползание в войну и интервенцию».

VI.

Главный очаг новой империалистической войны

«Из-за Тихого океана и обладания его побережьями, говорил Ленин, уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной» [1].

На XVI с'езде т. Сталин говорил: «Обнажаются и обостряются противоречия между важнейшими импе-

[1] Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 7, изд. 3-е.

риалистическими странами, — борьба за рынки сбыта, борьба за сырье, борьба за вывоз капитала. Теперь никого уже из капиталистических государств не удовлетворяет старое распределение сфер влияния и колоний. Они видят, что изменилось соотношение сил и нужно соответственно с этим переделить рынки сбыта, источники сырья, сферы влияния и т. д. Главное из этих противоречий—противоречие между САСШ и Англией. Главная арена борьбы—Южная Америка, Китай, колонии и доминионы старых империалистических государств... За главным противоречием идут противоречия не главные, а довольно существенные — между Америкой и Японией, между Германией и Францией, между Францией и Италией, между Англией и Францией и т. д.

Эта характеристика основных противоречий между империалистическими государствами остается верной и в настоящее время, хотя на поверхность событий и всплыли в обнаженной форме противоречия между САСШ и Японией. XII пленум ИККИ с особой силой подчеркнул «усиление главного в лагере империализма противоречия между САСШ и Англией, обострение конфликта между САСШ и Японией». Противоречия всей мировой системы империализма придают особую специфическую окраску современной борьбе на Дальнем Востоке, до крайности осложняя и запутывая империалистический клубок.

Каждое империалистическое государство «вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже разделенных» [2].

Но весь мир уже на границе XIX и XX столетий поделен между «великими» державами. Только несколько стран остались «полузависимыми странами, полуколониями». К ним относил Владимир Ильич Персию, Турцию и Китай. Самая ожесточенная борьба между отдельными группами милитаристов идет именно из-за этих полузависимых стран. Современная война империалистов в Китае является самым ярким, конкретным доказательством этого положения. Империалистами поставлен в порядок дня вопрос о превращении полузависимого Китая в целый ряд зависимых колониальных провинций и областей. По существу захватническая политика Японии, начавшей передел Китая, с самого начала была одобрена всеми империалистами за исключением САСШ, которые в данном вопросе занимают особую позицию.

Франция, поддержав Японию при захвате последней Манчжурии, немедленно же последовала ее примеру — по существу и по методу — и оккупировала китайскую территорию, пограничную с французскими владениями в Индо-Китае. Сначала на границе были сосредоточены войска всех родов оружия, затем в середине декабря 1931 г. под предлогом преследования бандитов, перешедших якобы границу, а затем под предлогом маневров — это на

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 494–495, изд. 9-е.

[2] Ленин, т. XIX, стр. 138, изд. 3-е.

чужой-то территории — французские империалисты захватили часть провинции Гуанси.

В начале декабря французская коммунистическая газета «Юманите» сообщала о том, что французский империализм подготовляет посылку в Китай экспедиционного корпуса «для восстановления порядка». Очевидно Франция начала оккупационную кампанию с расчетом оторвать у Китая три юго-западные провинции: Юнь-нань, Гуй-чжоу и Гуанси, предварительно договорившись с Японией. Американская газета «Ивинг Стар», комментируя сообщение о том, что французские войска проникают в Южный Китай под предлогом «преследования бандитов», писала в декабре: «Эти сообщения не удивляют некоторые хорошо осведомленные круги в Вашингтоне. Они лишь подтверждают недавно полученные здесь сведения о существовании франко-японского соглашения, заключенного в 1928 г. Нынешние события в Китае являются результатом действий, обсужденных в то время обоими правительствами. По сведениям из достоверных источников состоялся обмен визитами между японскими и французскими официальными деятелями, находящимися в Индо-Китае, в целях достижения соглашения относительно некоторых районов Китая». Позднее существование франко-японского договора подтверждалось в печати не один раз.

Французская коммунистическая пресса также указывала на существование тайного военно-политического соглашения между Японией и Францией о взаимной поддержке и о разделе Китая, заключенного во время пребывания министра колоний Рейно в Индо-Китае. Кроме того в мартовском номере 1932 г. издающегося в Шанхае журнала «Фар Истерн Ревью», редактируемого американцем инспирируемым японскими кругами, точку зрения которых журнал проводит на своих страницах, содержится весьма определенный намек на истинный характер франко-японских отношений. «Французы официально отрицают существование какого-либо секретного договора с Японией, — говорится в статье, — но само собой ясно, что обмен мнений имел место, а также имело место соглашение, которое при известных условиях об'единит эти страны в совместной защите их принципов... Если бы в случае войны на Дальнем Востоке подобная общность интересов нашла свое выражение в определенном договоре, то французский и японский флоты господствовали бы в китайских морях и водах к северу от Сингапура, и потребовались бы соединенные усилия американского и британского флотов, чтобы одолеть их».

Кроме того 25 октября 1932 г. французский мининдел на запрос коммунистического депутата т. Пери о действительности франко-японского договора 1907 г., по которому «обе стороны обязуются помогать взаимно в укреплении мира и безопасности в провинциях Китая и смежных с ним территориях», официально подтвердил, что договор до сих пор остается в силе. В 1928 г. письмами с обеих сторон договор был дополнен пунктами, согласно которым в порядке «охраны территорий» Япония должна получить: Манчжурию, Монголию и Фуцзян, а Франция провинции: Юньнань, Гуанси и Гуандунь.

Согласованность действий на Дальнем Востоке французских и японских империалистов в дележе добычи подчеркивается также тем, что японский империализм устами редактора шанхайского журнала «Фар Истерн Ревью» предлагает Франции по примеру «Независимой Манчжурии» организовать «Независимую Южно-китайскую республику» в составе провинций: Гуандунь, Юньнань, Гуанси и Гуй-чжоу.

Французская фирма Шнейдер-Крезо снабжает Японию оружием, и японский генеральный штаб тесно связан с французским генеральным штабом. Франция размещает японские займы. Японо-французское соглашение повидимому будет существовать и дальше, во-первых, потому, что Франция заинтересована в отвлечении Англии и САСШ от европейских дел и находит не бесполезным занимать их на Дальнем Востоке; во-вторых, потому, что интересы империалистов Франции пока что не перекрещиваются с интересами японских империалистов ни в Китае, ни вообще в Тихом океане; в-третьих, Франция прилагает все усилия к расширению и укреплению антисоветского блока, чтобы нанести военный удар СССР не только с Запада, но и с Востока; в-четвертых, потому, что французская металлургия не без основания надеется на то, что с расширением манчжурского конфликта ей удастся по-настоящему нагреть руки на военных поставках для нужд японских оккупационных армий и в частности для осуществления японских планов железнодорожного строительства в Манчжурии; японский империализм стремится к осуществлению давно выработанной программы железнодорожного строительства в Манчжурии, в первую очередь к постройке 5 железнодорожных линий общим протяжением в 1 550 *км*, которые потребуют около 80 тыс. *т* одних только рельс, не считая паровозов, вагонов, различного железнодорожного оборудования и т. д. При современной кон'юнктуре, царящей на мировом рынке, французская металлургия вряд ли может надеяться на получение в другом месте и в других условиях такого колоссального заказа.

В первых числах июня 1932 г. газеты сообщали о согласии Франции предоставить Манчжурскому правительству заем в 300 млн. фр. на экономическое строительство под гарантию японского правительства.

Японо-американские противоречия и в Китае и вообще на Тихом океане, как мы видели выше, являются абсолютно непримиримыми. САСШ стремятся превратить весь Китай в собственную колонию, и всякий шаг, закрепляющий Японию в Китае, особенно в северной его части и в Манчжурии, воспринимается американскими империалистами как непосредственный удар по их интересам в Китае.

Но соотношение империалистических сил сложилось к настоящему времени не в пользу САСШ. Против Японии САСШ не имеют союзников среди великих империалистических держав, в то время как Япония имеет определенное соглашение с Францией и пока что была все время обеспечена поддержкой Англии.

Если верить статье члена американской палаты представителей Ральфа Хорра, напечатанной в «Нью-Йорк америкэн» в конце

июля 1932 г., то САСШ к тому же не подготовлены в настоящий момент к войне с Японией, так как американские морские базы в Тихом океане — Филиппины, Гуам, Аляска, Алеутские острова, кроме Гавай — слабо защищены и легко могут быть захвачены Японией. Он считает также, что японский военный флот в настоящее время сильнее американского.

К тому же выступление японских империалистов с самого начала шло под флагом борьбы с «красной опасностью» на Дальнем Востоке, т. е. под флагом подготовки антисоветской интервенции и подавления китайской революции, против чего Америка не только ничего не имеет, но что, наоборот, может только приветствовать. Отсюда — беззубые ноты САСШ по поводу японского бандитизма на Дальнем Востоке, не напоминающие той твердости, которую САСШ проявляли в свое время перед Вашингтонской конференцией 1922 г.

22 сентября 1931 г., т. е. через три дня после захвата Манчжурии, Стимсон пишет в ноте барону Дебуци — японскому послу в САСШ, что Манчжурия не является «исключительно делом Японии и Китая». Позже по поводу бомбардировки Цзинь-Чжоу японскими самолетами Стимсон пишет Сидехара, что «государственный секретарь не понимает, как можно выставлять бомбардировку Цзинь-Чжоу незначительным событием или как можно сказать, что она не имеет значения. Об'яснения японского военного начальства кажутся совсем недостаточными».

7 января Стимсон заявляет правительствам Японии и Китая, что «американское правительство не собирается признать никакого договора или соглашения... которые могут задеть договорные права САСШ или их граждан в Китае». После этой ноты государственный департамент САСШ раз'яснил через печать, что «у САСШ нет споров с Японией относительно законных договорных прав Японии в Манчжурии» и что «САСШ не желают вмешиваться, за исключением случая, когда нарушены американские права или пакт Келлога».

А 17 марта 1932 г. посол САСШ в Японии на банкете в Токио с участием японского министра иностранных дел Иосизавы заявлял, что «худшее уже позади. Ничего не произошло и не произойдет, что могло бы угрожать продолжению добрых отношений между Японией и САСШ».

Однако безостановочное расширение оккупации и закрепление японских позиций в Манчжурии, захват японцами через Манчжурское правительство финансируемого американцами строительства порта Хулудао, концентрация японских войск и военных судов в долине реки Янцзы, покушения на Филиппины и другие агрессивные шаги Японии на Дальнем Востоке — обострили воинственные настроения американских империалистов.

Последнее время со стороны САСШ усилились угрозы по адресу Японии, и широко распространилось мнение о неизбежности японо-американской войны в ближайший период и о необходимости проведения экономического бойкота Японии. Американская атлантическая эскадра оставлена после весенних маневров (1932 г.) в Тихом океане, где сосредоточено таким образом свыше

200 военных кораблей. В Атлантическом океане остается всего только одно учебное судно и 9 небольших кораблей. Усиливается азиатская эскадра, стоящая на Филиппинских островах, т. е. в непосредственной близости к Японии. САСШ укрепляют и усиленно снабжают военным снаряжением, топливом и амуницией тихоокеанские военно-морские базы, особенно на Филиппинских островах и на острове Гуам.

Военно-воздушная база в Уилере, на Гавайских островах, расширяется вдвое, после чего она будет первой в мире базой по мощности. Аэродромы и аэропорты на Филиппинах, числом 43, уже переданы в ведение военного ведомства и спешно укрепляются. Намечено к постройке еще 10 новых аэродромов в различных стратегических пунктах Филиппин. Строится авиобаза в северном участке Тихого океана на Алеутских островах.

По сведениям печати САСШ потребовали от Мексики не разрешать Японии создавать военно-морские базы на Мексиканском побережье на случай японо-американской войны и как будто добились разрешения американским подводным лодкам и военным самолетам заходить в мексиканские порты для пополнения запасов горючего.

Чаще и чаще раздаются среди американских империалистических кругов такие примерно речи, как речь бывшего командующего флотом САСШ Генри Вайли на собрании промышленников, в которой он заявил, что САСШ должны «или уйти из западной части Тихого океана и передать свои торговые интересы Японии, или же занять боевую позицию и готовиться к неизбежному конфликту».

Симптоматична апрельская статья 1932 г. в американском еженедельнике «Нью стейтсмен энд нейшен» под заголовком «Дальневосточная проблема», которая говорит: «Япония играла смело и коварно, начиная с захвата Манчжурии и кончая установлением правительства марионеток в этой стране. Мы подчеркиваем, что разрешение конфликта возможно лишь при условии ухода Японии не только из Шанхая, но и из Манчжурии. Три манчжурские провинции вырваны у Китая силой с нарушением устава Лиги наций и договора девяти держав. Это нельзя оправдать утверждением, будто жители Манчжурии создали свое «независимое» национальное государство, с которым японцы якобы поддерживают нормальные дружеские отношения. Пу И, его министры и чиновники поставлены Японией. Их поддерживают японское оружие и японские деньги. Они недавно получили беспроцентный заем в 20 млн. иен, правда, не от японского правительства, но от весьма патриотических японских фирм. Эта явная аннексия огромной части Китая таит в себе огромные опасности. Отношения между Японией и САСШ могут дойти до такого напряжения, что они приведут к разрыву. Если англо-японские отношения останутся и впредь дружественными, то пострадают англо-американские и англо-китайские взаимоотношения». Последняя угроза относится к Англии и Франции. Вся дипломатия САСШ в настоящий момент направлена к тому, чтобы изменить дальневосточную политику Франции и Англии.

Обострение японо-американских отношений стало особенно быстро усиливаться после речи Стимсона от 7 августа 1932 г., в которой он, имея в виду японские дела в Манчжурии, заявил, что «САСШ не признают любой ситуации и договора, которые могут возникнуть в результате применения средств, противоречащих обязательствам парижского пакта Келлога».

И речь Стимсона и оставление флота в Тихом океане Япония приняла как вызов, как «злостную пропаганду» за отказ признать Манчжурское государство и против японской агрессии, и с своей стороны усилила анти-американскую кампанию.

В качестве «контрмины» — по выражению японского военного министра Араки — японское правительство форсировало официальное признание Манчжурского государства и послало явочным порядком к Пу И своего полномочного представителя в лице генерала Муто.

Японское министерство иностранных дел, в ответ на речь Стимсона, опубликовало 10 августа статью, в которой говорилось, что «пакт Келлога неприменим к манчжурскому вопросу, возникшему в результате необходимости создания буфера между Японией, Китаем и СССР».

В заседании парламента 25 августа 1932 г. японский мининдел Уцида подтвердил это, заявляя, что «японские действия в Манчжурии не нарушили и не нарушают ни устава Лиги наций, ни пакта Келлога».

Японские газеты заняли более резкий тон по отношению к САСШ, крича о том, что «Япония не может быть спокойной, пока американский флот находится в водах Тихого океана». «Кокумин» в передовой от 16 августа пишет, что «Япония не может оставаться спокойной до тех пор, пока САСШ не откажутся от своей мечты о Тихом океане».

Реакционная «Нихон» также в передовой от 19 августа пишет, что «Японии суждено начать войну с САСШ, ибо они, с одной стороны, запретили эмиграцию японцев в Америку, с другой—пытаются приостановить колонизацию Дальнего Востока Японией. Япония и САСШ были некогда друзьями — ныне же стали непримиримыми врагами».

Фашистская партия «Дай-нихон сей-сан-то» опубликовала декларацию, в которой осуждает намерение японского правительства послать Номура — командующего 3-м японским флотом в Китайских водах — в САСШ для переговоров. «Подобное поведение правительства, — гласит декларация, — находится в противоречии с растущим возмущением общественного мнения Японии, которое требует наказания Америки за ее нахальство и бесстыдство по отношению к Японии».

В тон этим воинственным настроениям министр иностранных дел Уцида, кивая в сторону САСШ, заявляет на сессии парламента, что «Япония готова к наихудшему».

Таким образом захват Японией Манчжурии, попытка захватить Шанхай, расширение оккупации в Жэхе и Северном Китае приблизили опасность войны между Японией и САСШ до таких

пределов, которые заставляют даже самых от'явленных скептиков притти к убеждению, что война между ними неизбежна.

Англия с самого начала отнеслась одобрительно к оккупации Манчжурии, так как это непосредственно почти не затрагивало английских интересов в Китае и даже, наоборот, отвлекало внимание японских империалистов от центральных провинций Китая, находящихся под влиянием Англии. Кроме того захват Манчжурии в сильнейшей степени ущемлял интересы САСШ — главнейшего соперника Англии на мировом рынке, и обострение отношений между САСШ и Японией должно было отвлечь внимание САСШ от Южной Америки, Канады и других районов, в которых заинтересован английский империализм.

Английские интересы в Китае сосредоточены главным образом в долине реки Янцзы.

Общая сумма английских капиталов, вложенных в Китае, определяется примерно в 2 млрд. руб. и помещена в торговые, банковские, металлургические, текстильные, табачные и чайные предприятия. По сумме вложений в Китае Англия шла все время впереди всех империалистических держав и только за последнее время была превзойдена Японией. Однако, как мы видели, японские вложения сосредоточены преимущественно в Манчжурии, и сравнительно небольшая доля их приходится на Центральный Китай; в долине реки Янцзы, в Ханькоу, Нанкине, Шанхае господствующее положение в отношении вложенных капиталов занимает Англия, оставляющая далеко позади и японские и американские инвестиции.

Основными центрами английского господства в Китае являются Шанхай и морская крепость и порт Гонконг. Отсюда английский спрут распускает свои щупальцы и присоски по всему Китаю. И естественно, что в происходящем разделе Англия стремится получить в свое безраздельное владение долину реки Янцзы и провинцию Гуандун, имеющую для Англии кроме экономического важнейшее стратегическое значение.

В конце октября 1932 г. Англия по примеру Японии и Франции вторглась в полузависимый Тибет и организовала целый ряд провокационных восстаний в соседних пограничных провинциях Китая — Сикан, Сычуан — с целью их оккупации. Военные операции расширяются до сих пор.

Но японские империалисты, заняв Южную Манчжурию, не ограничились этим и не только развернули оккупацию на север, но и захватили Цзинь-Чжоу, Шанхайгуань. В районе Северного Китая находятся: 1) контролируемая англичанами Бейпин-мукденская железная дорога, 2) Кайланские угольные копи английской компании и 3) контролируемый англичанами порт Циньвандао. Когда дававшая англичанам до 300 тыс. долл. ежедневных доходов Бейпин-мукденская дорога после японской оккупации Мукдена стала давать всего лишь 10 тыс., английские власти послали в конце ноября 1931 г. японским военным властям в Мукдене резкий протест против захвата Бейпин-мукденской железной дороги и действий, нарушающих регулярное движение по линии. Англия также приняла участие в протесте САСШ против захвата Цзинь-

Чжоу и начала концентрировать войска в районе Тяньцзиня для «защиты английских интересов».

Настроение дипломатических кругов Англии еще более изменилось не в пользу Японии, когда последняя распространила военные действия на район Шанхая, пытаясь также проникнуть в глубь долины реки Янцзы. Со стороны Англии последовало несколько нот протеста против оккупации Шанхая, пред'явленных, как сообщала печать, совместно с САСШ. В Шанхай направлялись английские войска из Индии и военные суда.

Однако выступление Англии против японо-французского блока означало поддержку ее основного противника — САСШ. К тому же морской министр Японии адмирал Осума своим интервью со специальным английским корреспондентом повидимому успокоил английское правительство. «Искренне желая устранить всякое непонимание и подозрения, которые к несчастью возникли повидимому у Англии, нашего старого друга и союзника, я хочу раз'яснить, — говорил Осума, — что Япония абсолютно не намерена осуществлять что-либо напоминающее оккупацию, либо создавать угрозу британским интересам в долине реки Янцзы. Если только Англия признает, что Япония расценивает шанхайские события в совершенно ином свете, чем манчжурские, она (Англия) поймет, что нет необходимости спрашивать Японию об ее намерениях. Манчжурия представляет собой для Японии вопрос жизни или смерти. Шанхай — только инцидент, который мы желаем ликвидировать как можно скорее, с тем чтобы вывести отсюда свои войска».

После этого начались усиленные переговоры английских и японских дипломатов, и затем английские правительственные круги попрежнему поддерживали японскую политику в Китае. Это подтверждалось переговорами о признании Англией «Независимого манчжурского государства», заявлением лорда Саймона, что «никто не имеет права утверждать, что новое манчжурское правительство создалось под эгидой Японии» и что он считает признание нового манчжурского государства лишь «преждевременным» и т. д. Заявление лорда Саймона о том, что «никакой закон и даже здравый смысл не позволяют утверждать, что разделение Китая не совершится никогда и ни при каких обстоятельствах», и оккупационные операции в Тибете, Сикане и Сычуане показывают, что Англия ставит ставку на раздел Китая и повидимому договорилась в этом отношении с Японией и Францией. Больше того, печать определенно указывала на попытки Макдональда и Болдуина восстановить англо-японский союз, в свое время разорванный под давлением САСШ. Повидимому интересы борьбы против САСШ перевесили в данный момент все другие соображения. Англия определенно знает, что действия САСШ на Дальнем Востоке зависят от ее позиции, и стремится использовать эту ситуацию как можно выгоднее для себя.

Поддержка Англии против САСШ делает политику Японии еще более агрессивной и вызывающей. Об этом можно судить по тону напечатанной в начале апреля 1932 г. почти во всех важ-

нейших японских газетах статьи, повидимому инспирированной руководящими кругами. В этой статье мы читаем: «Англия, Франция и другие крупные страны, за исключением одной лишь Америки, поняли позицию Японии на Дальнем Востоке и молчаливо соглашаются с тем, чтобы Япония предприняла руководящие (независимые) действия в отношении манчжурской проблемы. Следовательно Япония ныне имеет благоприятную возможность занять совершенно независимую позицию, не опасаясь изоляции и отрешившись от прежней боязни перед Америкой, равно как и от прежней политики следования за другими странами». С кем будет Англия в блоке в каждый данный момент, будет зависеть в дальнейшем от многих конкретных обстоятельств.

Совершенно бесспорно то, что позиция Англии играет большую роль в развитии японо-американских противоречий. Вооруженное столкновение между Японией и САСШ в значительной мере зависит от позиций Англии.

VII.

„Независимое Манчжурское государство"

Аннексировав Манчжурию, японские империалисты прикрыли этот факт созданием «Независимого Манчжурского государства»— Манчжоу-Го.

Тотчас же после оккупации и бегства Чжан Сюэ-ляна и его клики японским командованием было организовано «новое гиринское правительство», которое об'явило себя автономным и независящим от нанкинского правительства.

В середине февраля 1932 г. из продажных генералов и чиновников был сорганизован так называемый «Северо-восточный исполнительный комитет» в составе: председателя — Чжан Цзингуя, генерала Си Ся, генерала Ма, Цан Ши-и, Чжан Син-бо, Лин-Гуна, «представителя» Монголии и князя Цзин Ван, «представителя» Барги.

Через пять дней после организации комитет опубликовал декларацию, в которой сообщалось, что «в результате тщательного обсуждения совещание полномочных представителей края решило порвать всякую связь с бывшими носителями власти в Манчжурии и об'единиться в союз четырех независимых провинций Северо-восточного края. Власть будет руководствоваться, — продолжала декларация, — следующими принципами: искоренение милитаристических клик, отказ от антииностранной политики, шовинизма, осуществление принципа открытых дверей и равных возможностей, упрочение законности».

Верховным правителем Независимого Манчжурского государства комитет «избрал» бывшего китайского императора Пу И.

Премьер-министром был назначен воспитатель Пу И Чжен Сяо-сю, старый бюрократ богдыханского двора, в прошлом вождь китайских монархистов, близко стоящий к японским кругам.

Министром иностранных дел назначен Се Цзе-ши — уроженец Формозы, долгое время находившийся на японской государственной службе. Министром финансов назначен Си Ся, родствен-

ник нового «управителя». Военным министром вначале был назначен пресловутый генерал Ма — председатель хейлунцзянского (цицикарского) правительства. Министром путей сообщения — Тин Цзян-сю. Сын премьера Цзон Цзю, получивший образование в Японии, назначен секретарем Пу И и кабинета министров.

Таково внешнее оформление так называемого «нового манчжурского правительства».

Японское правительство официально перед всем миром отреклось от «новорожденного». В ответной ноте нанкинскому правительству, протестовавшему против создания Японией «незаконных организаций в Манчжурии», японское правительство заявляло, что движение за независимость Манчжурии и Монголии «никоим образом не связано с японскими властями» и что это движение поддерживается китайцами, «которые недовольны старым правительством». Это было 7 марта 1932 г.

Несколько позднее, 19 марта, японский министр иностранных дел Иосизава в очередной ноте еще раз подтвердил, что «создание Манчжоу Го есть результат применения права самоопределения населения Манчжурии. Японское правительство ни в какой мере не вмешивалось в формирование нового правительства и поэтому не несет никакой ответственности».

И еще 9 июля 1932 г. военный министр Араки заявил снова комиссии Лиги наций, что «Япония не вмешивается во внутренние дела Китая, что независимость Манчжурии также не является результатом вмешательства Японии, а есть продукт внутренних условий, существующих в Китае».

Однако факты показывают обратное. Известно, что «Северо-восточный комитет» организован японским военным командованием. Кандидатура Пу И на пост верховного правителя Манчжурии называлась в японской прессе задолго до его «избрания» и появления Северо-восточного комитета. Нанкинское правительство заявило, что Пу И насильно вывезен японцами из Тяньцзиня.

Опубликованию декларации манчжурского правительства, как сообщает пресса, предшествовал ряд секретных заседаний и конференций между подписавшими декларацию и представителями штаба японской армии с участием Доихара, военного атташе в Харбине.

Вообще процедура организации нового манчжурского правительства и избрания верховного правителя представляла собой сплошную комедию. Была созвана общеманчжурская конференция, на которой участвовало несколько сот делегатов. По сообщениям ТАСС, вся конференция свелась к нескольким речам членов президиума. Прения не были допущены. Президиум был назначен японскими советниками, которые также подготовили все речи. резолюции, приветствия. Зал собрания был переполнен японскими советниками, дедективами и жандармами, которые восторженно аплодировали речам, в то время как делегаты оставались безучастными ко всему, что происходило.

Когда была зачитана резолюция, требующая «скорейшего создания Северо-восточного административного совета и назна-

чения его главы», и когда эта резолюция была поставлена на голосование, за нее поднялось не более 12 рук. В речах отмечалась необходимость установить тесную экономическую связь нового государства с Японией и выражалась благодарность Японии за то, что последняя «облегчила» создание нового государства.

Показательно также одновременное перенесение столицы «нового государства» из Мукдена и штаба квантунской японской армии из Порт-Артура в Чаньчунь. Перенесение столицы Манчжурии вызвано, с одной стороны, опасениями возможности проявлений национально-революционного движения в Мукдене, поскольку последний является крупным городом и старым китайским центром. С другой стороны, перенесение штаба связано с передвижением центра японской активности в Северную Манчжурию, а также с отсутствием в Чаньчуне иностранных консульств и резидентов, что развязывало руки японским руководителям нового правительства.

Но самым главным доказательством фиктивности нового Манчжурского государства является то, что за каждой китайской марионеткой, сидящей в «манчжурском правительстве», стоят японские руководители, которые фактически управляют Манчжурией.

Японский майор генерального штаба Ханая, описывая в журнале «Диамонд» государственное устройство Манчжурии, подчеркивает, что решающая роль в манчжурском правительстве принадлежит «общему отделу исполнительной палаты», который облечен неограниченной властью в решении вопросов бюджета, политики правительства, а также вопросов личного состава. Этот отдел возглавляется японцами, так же как и шесть департаментов отдела.

Начальником общего отдела кабинета министров состоит японский чиновник в генеральском чине Токузо-Комайи, бывший главный советник штаба квантунской армии (по гражданским делам) и главный организатор Манчжурского государства и правительства. Все решения правительства проходят через его предварительную санкцию.

Бывший японский генеральный консул в Харбине Охаси назначен на пост начальника общего отдела министерства иностранных дел. Бывший начальник бюро министерства колоний Сакатани назначен начальником общего отдела министерства финансов. Бывший начальник японской жандармерии в Мукдене Митани назначен начальником полиции Мукденской провинции.

По сообщениям японской печати, в структуре нового Манчжурского государства общие отделы вообще играют решающую роль в деятельности как кабинета министров, так и отдельных министерств. Таким образом фактическая власть находится в руках японских империалистов и военной группы, и в этом отношении Манчжурия по существу ничем не отличается от обычной японской провинции.

Этого не отрицают и сами японцы, по крайней мере не служащие офицально в министерстве иностранных дел. Так например советник премьера манчжурского правительства японец Ко-

да, принимая подданство нового Манчжурского государства, изменил фамилию на китайскую, причем в интервью заявил, что «в настоящий момент территориальные границы между Манчжурией и Японией, а также различие гражданства являются формальностью, не имеющей значения».

Фиктивность «Независимого Манчжурского государства» разоблачается также со стороны некоторых групп китайских чиновников, рискнувших подать жалобу комиссии Лиги наций, обследовавшей положение Манчжурии. По сообщениям китайских газет, председатель контрольной палаты манчжурского правительства Юй Чун-хан, председатель сената Чжан Цзин-гуй и член сената Юань Цзинь-хай вручили заявление комиссии Лиги наций, в котором пишут: «1) Китайские чиновники и торговцы никогда не исходили из искренних побуждений, признавая Манчжурское государство; 2) организация манчжурского правительства не является выражением действительных желаний китайского народа, а делом японской военщины и предварительным шагом к будущей аннексии Манчжурии Японией; 3) японцы убили тысячи китайских торговцев и сожгли заживо 200 рабочих Таонань-сыпингайской железной дороги; 4) 300 тысяч корейцев послано в Манчжурию с целью захвата земель в различных районах Манчжурии; 5) японцы отправили 3 тыс. полицейских, чтобы отбирать у крестьян их продукты, уплачивая крестьянам ниже $^{1}/_{20}$ рыночной стоимости продуктов; это послужило причиной организации населения в отряды «национального спасения»; 6) покоренные Манчжурским государством солдаты и гражданское население восстанут при первой возможности».

В своем докладе Лиге наций Комиссия Литтона вынуждена была констатировать, что «движение за «независимость» Манчжурии, о котором до 18 сентября 1931 г. никто в Манчжурии не слышал, было создано группой японских гражданских и военных чинов, причем они использовали для этой цели имена известных отдельных китайцев. Без двух факторов — присутствия японских войск и деятельности японских военных и гражданских чинов — Манчжоу Го не могло бы быть создано... Японские советники в Манчжоу Го, держащие в своих руках основную политическую и административную власть, несомненно подчиняются Токио». Доклад комиссии заключает, что «правительство Манчжоу Го не встречает общей поддержки со стороны китайцев, рассматривающих это «новое государство» как орудие японцев» [1].

Таким образом, сколько бы ни отрицали японские дипломаты причастность японского генштаба к образованию Манчжурского государства, факт остается фактом.

В настоящее время идет лихорадочная деятельность японских империалистов по освоению Манчжурии. Японское агентство «Симбун Ренго» сообщает, что еще в начале апреля 1932 г. один из руководителей концерна Мицуи, Арига, и представитель концерна Мицубиси Кимура совместно посетили Такахаси — ми-

[1] См. «Правда» от 3 октября 1932 г.

нистра финансов, Араки — военного министра и Иосизаву. Целью посещения было выяснение вопроса о возможности вложения японских капиталов в Манчжурии. Такахаси заявил, что он приветствует и поддерживает предложение концернов и что в ближайшие дни последует указание совета министров по вопросу, какие предприятия строить, финансировать и т. д. На первое время концерны Мицуи и Мицубиси намечали вложить в Манчжурии не менее 100 млн. иен.

Вернувшийся из Манчжурии Ватанабе, директор токийской торговой палаты, в интервью с представителями печати призывал японских предпринимателей к участию в развитии нового Манчжурского государства путем капиталовложений и оказания финансовой помощи Южноманчжурской железной дороге, подчеркивая при этом, что «японские военные власти заверили о максимальной поддержке японских предприятий в Манчжурии».

Акционерный капитал Южноманчжурской железнодорожной компании увеличивается правительством с 440 млн. до 800 млн. иен, причем вкладчикам гарантируется со стороны правительства 6% дивиденда в течение 15 лет.

«Новое Манчжурское государство» уже получило от японских концернов Мицуи и Мицубиси — с позволения правительства — беспроцентный заем в 20 млн. иен под залог китайских железных дорог и с правом установления японского контроля на них.

Американский журнал, издающийся в Шанхае, «Чайна Уикли Ревью» в октябрьской книжке сообщает интересные данные о программе освоения японцами Манчжурии. «Япония захватила все китайские железные дороги в Манчжурии. Строятся новые железные дороги: Дуньхуа Хойрен и Чаньчунь-Далай. Немедленно после оккупации Мукдена Южноманчжурская железная дорога захватила китайские угольные копи в Фучжоу и Спаж (Мукденская провинция).

Японская «Восточная колонизационная компания» заключили секретное соглашение с Си Ся, председателем гиринского провинциального правительства, по которому монополия разработки золотых приисков в районе Мулина и лесных концессий вдали железной дороги Гирин — Дуньхуа, а также угольных копей в районах Ванцзина, Сань-Сина и Мюшаня, — передается этой компании. Все остальные угольные рудники принадлежавшие ранее китайцам, перешли под контроль японцев».

Имущество старого манчжурского правительства, главным образом огромные земельные и лесные участки, конфисковано новым правительством и продается японским капиталистам за бесценок.

Освоение Манчжурии идет по всем направлениям.

Корейский генерал-губернатор недавно сообщал о намеченном плане переселения в Манчжурию большого числа корейцев. Из Токио в Чаньчунь направляются 600 железнодорожных служащих — японцев, а министерство иностранных дел шлет 225 японских полицейских «на помощь новому манчжурскому правительству».

В конце июля 1932 г. военный министр Араки в беседе с новым японским премьером Саито указал на то, что «первым шагом развития Манчжурского государства должна быть разработка плана создания экономического единства Японии, Кореи и Манчжурии».

Развиваемая японцами деятельность в Манчжурии по характеру своему является точной копией той системы колониального грабежа и угнетения, которую японский империализм уже 20 с лишним лет проводит в Корее.

Корея, находившаяся под протекторатом Китая, после японо-китайской войны 1894 г. была об'явлена японцами сначала, как и теперь Манчжурия, «независимой» от Китая, что по существу означало уже тогда зависимость от Японии, которая усиленно начала проводить там свою грабительскую политику. После русско-японской войны империалисты Японии организовали в Корее государственный переворот — свергли корейского императора и посадили номинально на трон малолетнего наследника, передав фактическое управление страной в руки японского генерал-губернатора и начальников общих отделов.

Проделывая в данный момент буквально ту же самую операцию с «независимой» Манчжурией, японские империалисты показывают отсутствие даже минимальной изобретательности в отношении методов и организации грабежа.

В 1910 г. последняя ширма «независимости» была ликвидирована, и Корея была аннексирована японским империализмом и превращена в провинцию Японской империи.

Генеральный договор с Манчжурским государством, принятием которого сопровождалась процедура официального признания Манчжоу Го Японией, полностью обеспечивает окончательное превращение Манчжурии в японскую колониальную провинцию типа Кореи и Формозы, со всеми, вытекающими отсюда последствиями. Чтобы убедиться в этом, достаточно бегло просмотреть текст договора, опубликованный газетой «Мияко» 13 августа 1932 г.

«1. Манчжурское государство подтверждает все японские права и интересы, предоставленные предыдущим правительством в Манчжурии.

2. Манчжурское правительство принимает на себя все международные права и обязанности, относящиеся к Манчжурии и принятые китайским правительством.

3. Все китайские железные дороги в Манчжурии передаются в управление Южноманчжурской железной дороги.

4. Японии предоставляются преимущественные права в отношении инвестиции капиталов.

5. Японцам предоставляется свобода профессиональной деятельности и передвижения по всей Манчжурии.

6. Управление полицией и делами государственной обороны предоставляется Японии.

7. Манчжурское правительство обязуется гарантировать положение японских сотрудников в Манчжурских правительственных органах».

Для чего понадобилась японским империалистам, аннексировавшим Манчжурию, комедия с «независимыми» марионетками под председательством бывшего императора?

Соображений на этот счет у японского империализма довольно много.

Прежде всего, созданием «независимого» Манчжурского государства Япония поспешила навстречу Лиге наций и представила ей формальный аргумент для того, чтобы прикрыть свой захват территории у одного из государств, которое формально должно пользоваться защитой Лиги наций.

Во-вторых, организуя «независимое» государство, японские империалисты рассчитывают несколько ослабить остроту процесса отрыва от Китая богатейших провинций. При неприкрытой аннексии процессы освоения японцами Манчжурии проходили бы с еще большими трениями, чем теперь при «независимом» правительстве. Кроме того японским империалистам выгоднее усмирять восстания недовольных японским режимом и захватом руками «Манчжурского» правительства.

В-третьих, действуя за спиной «этого правительства», японские империалисты гораздо легче и с меньшими осложнениями могут вытеснить своих иностранных конкурентов из Манчжурии. Манчжурское правительство, фактически Япония, уже наложило руку на доходы с манчжурских таможен, дающих свыше 30 млн. долл. ежегодного дохода. До сих пор они находились под контролем Англии и шли на уплату иностранных долгов. Манчжурское правительство обещает выплачивать впредь только долю иностранного долга, приходящуюся на Манчжурию, что составит отчислений с таможен примерно около 10 млн. долл. С почтой и телеграфом, с соляной монополией, а также с опийной произошла примерно та же история.

В-четвертых, «Независимое Манчжурское государство» облегчает Японии захват строящегося на американские деньги порта Хулудао, который должен был конкурировать с главным японским портом в Манчжурии — Дайреном. Как сообщает пресса, «Манчжурское правительство» уже решило организовать в Хулудао крупнейшую военно-морскую базу. «Независимое» правительство также значительно облегчает Японии захват КВЖД под флагом ее полной передачи Манчжурскому правительству.

В-пятых,—и это основное—японская военщина рассчитывает под прикрытием «Независимого Манчжурского правительства» форсированным темпом превратить Манчжурию в укрепленный военно-стратегический район. Японская печать сообщает, что ЮМЖД окончательно решила построить близ Мукдена новый сталелитейный завод и расширить существующий железоделательный завод в Аншане.

Решено также расширить существующее производство нефтепродуктов из фушунских битуминозных сланцев. В Дайрене проектируется постройка завода по производству азотистых удобрений, т. е. фактически завод взрывчатых веществ. Создано акционерное общество, монополизировавшее строительство холодильников в Манчжурии. Таким образом японские империа-

листы расширяют базу своей военной промышленности в Манчжурии.

Японская армия в Манчжурии остается «всерьез и надолго». Начальник оперативного отдела штаба Квантунской армии Ишихара в интервью с корренспондентами японских газет так об'яснил мотивы оставления «всерьез и надолго» японских войск в Манчжурии:

«Положение в Манчжурии таково, что японские войска будут оставаться здесь весьма продолжительное время. Новое мукденское правительство считает опасным создание собственной манчжурской армии — и это правильно. Вместе с тем новое государство нельзя оставить без вооруженной защиты. Новое государство просит японские войска остаться на территории Манчжурии, и Япония эту просьбу исполнит. В Манчжурии предстоит большая работа по ликвидации хунхузов, деморализованных элементов и т. д. Для этого потребуется не менее десяти лет».

Японский делегат на пленуме Лиги наций Сато в беседе с английским корреспондентом Комминге заявил также, что «в течение десяти лет мы установим порядок и безопасность в Манчжурии». Манчжурское правительство несколько раз официально обращалось с просьбой к командованию Квантунской армии «взять на себя поддержание мира и порядка в Манчжурском государстве ввиду отсутствия у Манчжурского правительства достаточно сильной армии».

Японские империалисты укрепляются в Манчжурии по всем линиям. Наряду со строительством, военное командование озабочено подготовкой соответствующих кадров. Информационное бюро «Нациро Цусино» сообщало, что 24 апреля 1932 г. в Токио открылись шестимесячные «Манчжуро-монгольские курсы», рассчитанные на подготовку 400 японцев к «предстоящей деятельности в Манчжурии». Каков характер этой деятельности курсантов, можно судить по одному тому, что курсы организованы при участии военного министра Араки и министра колоний Хата. Руководителем курсов назначен генерал-лейтенант Ямада, и все преподаватели курсов — чины генерального штаба и военного ведомства.

Кроме того японские империалисты проводят усиленно кампанию по заселению стратегических пунктов в Манчжурии и Монголии японскими разервистами (запасными). В Японии существует очень сильная полуфашистская монархическая организация — «Ассоциация военных запасных». Вот из них-то готовятся кадры колонизаторов для закрепления основных и важнейших участков Манчжурии и Монголии.

Военное министерство Японии разработало план организации военных поселений в Манчжурии и Монголии. В течении десяти лет предполагается переселить 10 тысяч вооруженных резервистов. Стоить это будет около 15 млн. иен. Расселяться переселенцы будут группами по 500 человек в соответствии с военными подразделениями и по принципу военных поселений. Резервисты будут вооружены пулеметами и винтовками. На обя-

занности поселенцев будет лежать сотрудничество с полицией, японскими войсками, действующими в Манчжурии, и войсками Манчжурского государства. Районы расположения военных поселений намечены в окрестности Мукдена, Чанчуня, Гирина и восточной линии КВЖД.

В осуществление этого плана в середине июля 1932 г. в район Янцзы переселилось 600 резервистов, а 5 августа из Осака отправлено в Манчжурию 100 членов фашистской организации «Дай ниппон Сайгидан» в качестве поселенцев.

Если учесть все вышеизложенное, то станет ясным, что под флагом буферного «Независимого Манчжурского государства» на территории Манчжурии идет форсированная подготовка военных позиций японским империализмом для интервенции против Советского союза. Об этом свидетельствует вся обстановка, вся система японских и белогвардейских провокаций, об этом говорит направление военных приготовлений империалистов на границах СССР как в Европе, так и на Дальнем Востоке — в Манчжурии.

«Манчжурия, — говорится в резолюции XII пленума ИККИ по вопросу о Дальневосточной войне, — превращена усилиями японского империализма при поддержке Франции и Англии в плацдарм для нападения на Союз советских социалистических республик».

VIII.
Стратегическое значение Манчжурии

Манчжурия вообще имеет огромнейшее стратегическое значение для всей завоевательной политики японского империализма.

Это видно хотя бы из той роли, которую играет Манчжурия в стратегических планах войны, которые строит империалистическая Япония.

Бесспорными противниками Японии в будущих войнах, по ее расчетам, должен быть Китай, который по плану японских империалистов должен быть целиком превращен в японскую колонию, Советский союз, у которого они наметили захватить Сахалин, Камчатку, Приморье, Восточную Сибирь и даже Якутию, и САСШ, столкновение с которыми по соображениям японских империалистов незбежно уже в процессе завоевания Китая и тем более Тихоокеанских островов — Филиппин, Полинезии и др.

«Япония не сможет устранить затруднения (по выполнению своих империалистических замыслов. — И. Г.) в Восточной Азии, если не будет проводить политики крови и железа», — писал в своем меморандуме Танака. Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с САСШ. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, то мы должны будем сокрушить САСШ, т. е. поступить с ними так же, как мы поступили с русскими в русско-японской войне». «Но, для того чтобы завоевать Китай, — продолжает он, — мы должны сна-

чала завоевать Манчжурию и Монголию; для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южного моря будет нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша».

«Чтобы завоевать Китай, надо прежде всего сокрушить САСШ». Это заявление еще лишний раз доказывает, во-первых, насколько близка происходящая японо-китайская война к превращению в японо-американскую и, следовательно, во вторую мировую империалистическую войну; во-вторых, что, оккупируя Манчжурию и наступая на Шанхай, Северный Китай и Жэхэ, японский империализм одновременно готов к войне с САСШ; в-третьих, оно подчеркивает ту огромную роль, которую играет Манчжурия в стратегических планах японских империалистов.

Подготовку стратегических позиций в будущей войне за господство в Азии и на Тихом океане ведут издавна и Япония и САСШ.

В 1898 г. САСШ аннексируют Гавайские острова — важнейший стратегический пункт, расположенный на полупути между берегами Америки и Японии. К моменту захвата на Гавайи было уже 60 тыс. японских подданных, в то время как американских всего лишь 4 тыс.

В том же 1898 г. САСШ захватывают принадлежавшие Испании Филиппинские острова в южной части Тихого океана и в непосредственной близости к юго-восточному побережью азиатского материка.

И Гавайи и Филипинские острова форсированными темпами превращаются в военно-морские базы.

Слабым местом с военной точки зрения в позициях американского империализма было то, что ему приходилось разбрасывать свои морские силы на два океана — в Атлантическом против Англии и в Тихом против Японии. Концентрированные соединенные действия американских эскадр были почти невозможны вследствие громадных расстояний перехода из одного бассейна в другой. Решение этой стратегической проблемы для американского империализма упростилось в колоссальнейшей степени прорытием Панамского канала.

Движение по Панамскому каналу началось с 15 августа 1914 г., но оно не было регулярным, и фактически работы не были еще закончены. Линейные корабли не могли еще проходить. Окончательно Панамский канал был готов и торжественно открыт 2 июня 1920 г. Несомненно, что успехи САСШ на Вашингтонской конференции в 1921 г. в значительной мере об'ясняются и этим фактом.

Значение Панамского канала для укрепления империалистических САСШ на Дальнем Востоке и в Тихом океане чрезвычайно велико. И неслучайно при открытии Панамского канала Рузвельт заявил, что «отныне в истории человечества начинается тихоокеанская эра, а господство над Тихим океаном должно принадлежать САСШ».

К настоящему времени САСШ имеют первоклассные военно-морские базы в следующих пунктах Тихого океана: база и крепость на острове Галопагос, прикрывающие вход в Панамский канал со стороны Тихого океана; на самом канале с этой стороны сооружена крепость Панама; со стороны Атлантического океана канал прикрывается крепостью и морской базой на острове Кубе и расположенной у самого входа в канал крепостью Колон. Дальше на Север по Тихоокеанскому побережью расположены военно-морские базы: Сан-Диего, Сан-Франциско, Бремертон, и на самой канадской границе—крепость и морская база Педжепт-Саунд; на Алеутских островах сооружена мощная крепость и база Детч-Харбор и в последнее время строится мощная авиобаза.

Таким образом все Тихоокеанское побережье Северной Америки к настоящему времени оборудовано первоклассными крепостями и стоянками для военного флота.

В водах Тихого океана одна из самых мощных баз создана САСШ на Гавайских островах — Перл-Харбор, затем идут крепости на островах Гуам, Самоа и Филиппинах.

Самым уязвимым местом в будущих военных операциях американского флота против Японии, с точки зрения военно-технической, несмотря на прекрасную организацию морских баз на островах Тихого океана, остаются чрезвычайно большие расстояния общих линий действия и удаленность операций флота от морских баз, питающих суда топливом, водой, припасами, производящих ремонт и укрывающих на случай поражений и преследования. При операциях у японских берегов американский флот находился бы от своих баз на огромном расстоянии: от Гавайских островов на 14 тыс. *км* и от Сан-Франциско на 8 тыс. *км*; по северной линии от базы Детч-Харбор на Алеутских островах флот находился бы на расстоянии 4 500 **км**, а по южной линии от острова Гуам и Филиппинских островов примерно на 3 тыс. *км*.

В войне с Японией у САСШ возможны два варианта стратегического плана. Первый — это сокрушить Японию лобовым ударом соединенных морских и воздушных сил и высадить десант прямо на японских островах. Этот вариант при тихоокеанских расстояниях, удаленности морских баз и чразвычайно сильных морских оборонительных позициях Японии мало вероятен, хотя в последнее время в печати появились заметки о возможности развития именно этого варианта. Американский журнал в Китае «Чайна Уикли Ревью», обсуждая обстановку и процесс назревания японо-американской войны, останавливается на ее возможном характере. «Два десятилетия назад, — говорит статья, — всеобщее мнение о войне между Японией и САСШ было таково, что вследствие отдаленности друг от друга они не смогут притти в соприкосновение. Сегодня мы имеем совершенно другое положение. Соприкосновение между Японией и САСШ произойдет в воздухе. Заводы Форда, «Дженераль Моторос», «Оверланд», «Чризлер» и др. могут выпускать по 1 тыс. самолетов в день. Заводы «Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшен»,

«Бетлехем Стил Уоркс» и др. начнут производить военные материалы в огромных размерах. В этих условиях далеко не исключена возможность переброски американской армии через Тихий океан на специальных самолетах. Не обязательно, чтобы переброска была совершена в один прием: ее можно произвести по наиболее легким этапам — через Гонолулу, Гуам и далее на Филиппины. Несколько сот самолетов, имеющихся у Японии, будут иметь жалкий вид перед тем, что могут выставить САСШ».

Бывший начальник военной авиации САСШ ген. Вильям Митчель также считает практически возможным воздушно-газовую атаку на японские острова.

Второй вариант — длительная сухопутно-морская война, война на измор Японии. Этот вариант предполагает согласованные действия американского морского и воздушного флота и сухопутной армии, которая должна быть сконцентрирована на азиатском побережьи Тихого океана. При этом весьма вероятно, что сухопутная армия может быть смешанной из американских дивизий и войск каких-нибудь китайских генералов, купленных американскими империалистами (Чан Кай-ши или другие)[1].

Этот вариант предполагает длительную блокаду Японии на островах и с азиатского берега и с моря, т. е. полное прекращение доставки в Японию продовольствия, угля, железа и нефти — основных материальных элементов ведения войны.

В этом случае особо важное значение приобретает северный участок Тихого океана и азиатского побережья.

Наиболее удобные в смысле расстояния от японских островов южные морские базы — Гуам и Филиппины — являются в то же время и наиболее удаленными от берегов Америки и расположены в непосредственной близости к японским островным крепостям. Вследствие этого они являются наиболее уязвимыми и могут быть захвачены японским флотом задолго до прибытия американской эскадры на Филиппины. К тому же высадка десанта с этих баз и его снабжение будут все время находиться под угрозой нападения главной эскадры японского флота, сосредоточенной в очень удобных и укрепленных базах на пути движения американского флота. Наконец надо учесть, что Филиппины и Гуам находятся под непосредственным ударом английских морских крепостей — Сингапура и Гонконга, а также французской крепости — Сайгона, т. е. держав, которые в данный момент определенно поддерживают Японию.

В то же время если взять северный участок Тихого океана, то оказывается, что расстояние от основной базы — крепости Детч-Харбор до Японии всего 2,3 тыс. миль и питание ее не представляет для Америки почти никаких трудностей, а укрепленность японских островов с этой стороны более слабая, чем с юга и вос-

[1] В конце августа 1932 г. в печати промелькнуло сообщение, что по данным японского агентства „Симбун ренго“ и в китайских кругах утверждают, что САСШ ведут тайные переговоры с нанкинским правительством о передаче в распоряжение американских властей части острова Хайнань — к югу от Кантона, территорию, которую она рассчитывает использовать для военных целей.

тока. Таким образом с точки зрения американских военных кругов северный участок Тихого океана наиболее благоприятен для развития военных операций со стороны Америки. Поэтому-то в планах будущей войны на Тихом океане САСШ уделяют основное внимание укреплению северных морских баз. САСШ усиленно готовят авиобазы и военно-морские базы на Аляске и Алеутских островах. Северный вариант является наиболее благоприятным для блокады Японии на островах. Ген. Митчель в статье «Готовы ли мы к войне с Японией» считает, что Аляска по своему стратегическому значению является ключем ко всему Тихому океану, так как из Аляски можно атаковать непосредственно Японию с воздуха».

Японский генерал Хата Синди в одной из своих статей, посвященных перспективам войны с САСШ и подготовке общественного мнения к интервенции против СССР, сделал подробный анализ положения и пришел к следующему выводу:

«Современные бомбовозы могут поднимать около 1 тыс. *кг* бомб, летать со скоростью 200 *км* в час и сделать перелет в два конца в 1 500 *км*. Поэтому, если предположить, что неприятельская база будет находиться на островах Ога-Савара или во Владивостоке, вся японская территория должна войти в сферу действия неприятельских самолетов».

Японские империалисты предпочли бы воевать с САСШ в открытом океане.

Со стороны океана Япония имеет чрезвычайно сильные позиции. Достаточно только бегло взглянуть на карту, чтобы убедиться в этом. Все внешнеокеанское побережье японских островов охвачено цепью крепостей и морских баз. Кроме того обороноспособность японских островов с океана усиливается еще тем, что они прикрываются линией мелких островов: на северовостоке—Курильскими и на юго-востоке—Бонинским и Марианским архипелагом и группами Королинских, Маршальских и Палоасских островов, принадлежащих Японии. Острова расположены далеко в океане, на пути следования американского флота, и на юго-востоке образуют почти сплошную цепь протяжением в 3 500 *км* с массой проливов и проливчиков. На этих островах Япония также имеет сильно укрепленные береговые позиции — базы для подводных лодок, авиации и мелких военных судов, уже подготовленные минные поля и т. д.

Таким образом Япония может довольно легко наносить ощутительные удары американской эскадре еще задолго до того, как она подойдет к берегам Японии и встретится с основными силами японского флота. При таком положении действующая американская эскадра была бы вдвойне истрепана дальностью похода и японскими вспомогательными судами, а японский флот встретил бы ее со свежими силами, имея возможность всегда получить подкрепление из близлежащих морских баз. Поэтому Японии не так страшна американская эскадра в открытом океане, и генеральный штаб японских империалистов из всех вариантов стратегических планов предпочел бы военные действия в открытом океане. Но ему приходится ориентировать-

ся при разработке планов войны на второй вариант американской стратегии, т. е. на вероятность длительной блокады и сухопутно-морскую войну.

Упоминавшийся уже нами японский генерал, военный авторитет которого чрезвычайно высок, — Кайиро Сато писал в своей книге на этот счет: «Японо-американская война будет затяжная война... Мы вступили в войну с планом, рассчитанным на десять лет... Мы будем строго помнить об экономии пороха, угля, нефти, газолина, употребляя эти материалы с осторожностью и лишь в случаях крайней необходимости с стратегической точки зрения. Одновременно с этим мы будем напрягать наши усилия для обеспечения прочного мира на азиатском материке... Мы должны обеспечить себе мир с Китаем и Сибирью, для того чтобы содействовать развитию промышленности на азиатском материке для снабжения Японии необходимым на случай столкновения с Америкой. Сообразно с этим японо-американская война будет развертываться на плацдарме Тихого океана»... «Некоторые говорят, — продолжает Сато, — что все равно мы сразу почувствуем недостаток в сырых материалах, нужных для сооружения и изготовления линейных кораблей нового типа и оружия. Это будет тревожить нас. Но если бы государство наше обратилось за материалами к обширным землям Китая и Сибири как к источникам снабжения, эти задачи были бы разрешены без всякого труда» [1].

В 1922 г. одна из японских газет опубликовала заметки о плане обороны Японии, выработанным генеральным штабом и обсуждавшимся на заседании маршалов и генро. Основные черты этого плана совпадают со взглядами Кайиро Сато и также исходят из установки на длительную войну и вероятность попыток САСШ блокировать Японию на островах. «Япония должна будет выдержать всю тяжесть войны одна (это было вскоре после разрыва англо-японского союза), — в продолжение по крайней мере не менее пяти лет. Японская армия и флот должны взаимно координировать свои действия и прилагать наивысшие усилия к тому, чтобы обеспечить себе прочную связь с нашим западным соседом», т. е. очевидно с Китаем и Манчжурией.

Возможность блокады на островах — вот самое слабое, самое уязвимое место японского империализма на случай войны. Отсюда усиленное беспокойство о сохранении связи с материком, о закреплении своих позиций на материке. Манчжурия в первую очередь должна поставлять во время войны промышленное и сельскохозяйственное сырье и топливо, необходимые для ведения войны. Отсюда то огромное стратегическое значение, которое придается Манчжурии японскими империалистами.

«Прочная связь с соседями на материке» оказалась шифрованным выражением и в переводе на простой язык означает, как мы видим, попросту грабительский захват Манчжурии. «Прочный мир на материке» в переводе с дипломатического жаргона япон-

---

[1] Кайиро Сато, Неизбежность японо-американской войны, стр. 33.

ских империалистов оказывается «политикой крови и железа» на Дальнем Востоке.

На Манчжурию, по плану империалистических разбойников, в первую очередь должен был обрушиться удар. Барон Танака с особенной откровенностью и цинизмом докладывал японскому императору: «Манчжурия и Монголия являются Бельгией Дальнего Востока. Во время великой войны Бельгия превратилась в поле сражения. В наших войнах с Россией и САСШ мы должны будем заставить Манчжурию и Монголию перенести все ужасы войны». Таким образом Манчжурия — это не только тыл японских империалистов, не только источник материального снабжения войны, но она также, по расчетам японской военщины, должна стать ареной, на которой развертывается первый акт грядущей мировой трагедии. При этом японскими империалистами Манчжурия рассматривается прямо как стратегический район, как плацдарм для военных операций не только против САСШ, но и непосредственно против Советского союза.

План выступления против СССР, нарисованный бывшим премьер-министром и осуществляемый японскими империалистами в данный момент, расписан с пунктуальной последовательностью: сначала захватить, аннексировать Южную Манчжурию, вторым этапом должен быть захват Северной Манчжурии и КВЖД, а затем провокация и война против СССР.

Война против СССР, и именно в ближайший период, входит во все планы японских имепериалистов. Это подтверждается не только меморандумом Танака; это подтверждается всеми провокационными действиями японских империалистов в течение последнего года в отношении Советского союза; это подтверждается поведением союзников японского империализма, посылающих Японии транспорты с оружием, припасами, белогвардейцами для антисоветской интервенции; это находит себе подтверждение и в истории первой интервенции Японии на Дальнем Востоке.

Японский империализм в 1918 г. выступил первым в роли жандарма для удушения большевизма на Дальнем Востоке. Японский империализм последним ушел из советского Приморья в 1922 г., и ушел с определенным расчетом еще возвратиться. Чтобы убедиться в том, достаточно взглянуть на те «17 требований», которые выставило японское правительство в 1922 г. при первых переговорах с советским правительством Дальневосточной республики, которые ярко отображают все вожделения японских империалистов по отношению к Советскому союзу.

Вот некоторые из этих требований:

«Правительство ДВР должно сделать Владивосток чисто торговым портом, поставить его под иностранный контроль.

Правительство ДВР обязуется перед японским правительством на все время не вводить на своей территории коммунистического режима и сохранить принцип частной собственности не только в отношении японских подданных, но и своих.

Признавая принцип «открытых дверей», правительство ДВР должно отменить для подданных Японии всякие ограниче-

ния, существовавшие на его территории, и не устанавливать никогда в будущем в вопросах горной промышленности, земледелия, лесных промыслов и вообще во всей добывающей промышленности, равно предоставить японским подданным полную свободу торговли, промыслов, приравняв их к подданным собственного государства; а также правительство ДВР обязуется предоставить японским подданным право собственности на землю и полную свободу каботажного плавания под японским флагом по реке Амуру и соглашается заявить китайскому правительству о своем желании предоставить японским подданным право плавания по реке Сунгари под японским флагом. Настоящая статья не распространяется на других иностранцев.

Правительство ДВР обязуется срыть и в необходимых случаях взорвать все свои крепости и укрепления по всему морскому побережью в районе Владивостока и на границе с Кореей и в будущем никогда их не восстанавливать, а также не предпринимать никаких военных мер в районах, прилегающих к Корее и Манчжурии. Правительство ДВР должно признать официальное проживание и путешествие специальных военных миссий и отдельных японских военных чинов на всей своей территории. Правительство ДВР обязуется никогда не держать в водах Тихого океана военного флота и уничтожить существующий.

Правительство ДВР обязуется передать японскому правительству северную часть острова Сахалина в аренду сроком на 80 лет».

Таким образом, выступая в роли дальневосточного жандарма, Япония рассчитывала превратить богатейшую Восточную Сибирь и Приморье в японскую колонию.

От этой мечты японские империалисты не отказались и теперь, как это можно видеть хотя бы в одной из десятков такого рода статей, печатаемых в японской прессе.

«Без разрешения советского вопроса, — пишет Камаици в реакционной газете «Нихон»,—не может быть и речи о создании рая в Манчжурии. Разрешение же манчжурской проблемы зависит от разрешения сибирской проблемы. Если Манчжурия означает жизнь или смерть для Японии, то Восточная Сибирь означает жизнь или смерть для Манчжурии и Монголии. Единственное средство помочь Японии — это открыть дверь Сибири. Настало время для осуществления этой программы. Нельзя упустить момент, который может быть никогда не вернется».

Уничтожить большевизм как очаг революций, захватить сибирские и дальневосточные богатства, занять советское Приморье как важнейший стратегическй район — вот вожделенные стремления японского империализма, которые он даже не считает нужным скрывать и к проведению в жизнь которых он усиленно готовится.

С точки зрения стратегических планов, захватив Манчжурию и готовясь захватить советское Приморье и порт Владивосток, Япония рассчитывает таким образом превратить Японское море во внутреннее море. Для грандиозных завоевательных

перспектив японских империалистов это должно иметь громадное значение.

Чтобы быть неуязвимой со стороны океана, Япония должна будет держать всю свою эскадру вовне, на океанских позициях у восточных берегов японских островов. Но это возможно только при условии, если будет обеспечена полная безопасность западного побережья японских островов со стороны Японского моря, т. е. если и побережье и морские транспортные линии, по которым будут перевозиться припасы из Кореи и Манчжурии на острова и обратно, будут обеспечены от нападения неприятельских подводных лодок, флота или гидроавиосил. Японская военщина рассчитывает разрешить эту задачу превращением всех берегов Японского моря в японские владения.

Но в своих планах и стремлениях японский генеральный штаб идет гораздо дальше превращения Японского моря во внутреннее море. По существу японский империализм ставит ближайшей задачей превратить в свои внутренние моря не только Японское, но и Желтое и Восточнокитайское. Восточные границы этих морей, начиная от острова Формоза (юг) и цепи Ликейских островов вплоть до Порт-Артура, на северо-западе уже принадлежат Японии. Западные границы этих морей, начиная от острова Формоза, с важнейшими стратегическими портами и с прилегающей к ним территорией — Шанхаем, Циндао, Чифу, Тяньцзином — принадлежали до последнего времени Китаю. Но именно эти пункты и районы пользовались все время «особым вниманием» японских империалистов и по существу в настоящее время также оккупируются Японией, как и Манчжурия.

Превращение Японского, Желтого и Восточнокитайского морей во внутренние моря Японской империи усилило бы в колоссальной степени стратегические позиции при осуществлении программы «Великой Японии».

Закрепляясь в Манчжурии, Япония усиленно проводила и проводит сейчас строительство стратегических железных дорог. В Манчжурии она имеет две основных железнодорожных линии, связывающие ее с островной Японией: первую — через порт Дайрен — Мукден — Чаньчунь и вторую — через порт Фузан (Корея) — Аньдунь — Мукден. Чтобы сократить расстояния при перевозках, японский генштаб стремится достроить железнодорожную линию с выходом в Японское море и прорезающую Манчжурию с востока на запад. Линия начинается от корейского порта Сейсин, идет через Дуньхуа — Гирин — Чаньчунь — Таонаньфу — Солунь до Хайлара. По планам генштабистов эта магистраль должна служить Японии для вывоза из глубинных пунктов Монголии и Манчжурии сырья и продовольствия. Развитие порта Сейсин, конечного пункта этой линии, значительно сокращает морской путь перевозок через Японское море в сравнении с современными портами Фузаном и Дайреном. Далее эта линия обеспечивает японскому империализму чрезвычайно быструю переброску войск для развертывания операций против Советского союза. Эта магистраль таким образом должна разрешить для

империалистической Японии минимум две важнейших стратегических задачи — высвобождение линии Фузан — Цзиньчжоу — Пекин для вероятных военных действий против внутреннего Китая и базирование операций против Советского союза. Поэтому в свое время вокруг строительства этой дороги, в особенности на участке Гирин — Хойрен, развернулась ожесточеннейшая борьба между японскими империалистами, которые имели договор на постройку этой дороги и уже построили участок Гирин — Дунхуа, и мукденскими властями запретившими, повидимому не без поддержки САСШ, достраивать участок Дуньхуа — Хойрен. И только колоссальнейшей стратегической важностью этой дороги можно об'яснить ту поспешность, с какой японцы начали достраивать участок Дуньхуа — Хойрен в первые же дни оккупации Манчжурии.

Западный участок данной магистрали — Таонань — Солунь — Хайлар, является линией, по которой японский империализм предполагает также захватить и закрепить за собой Монголию. Манчжурские власти решили в свое время испортить японский стратегический план и начали «сами», — в кавычках, ибо за их спиной стояли САСШ,—строить Таонань-солунскую железную дорогу и к моменту оккупации Манчжурии довели ее до ст. Геген-мяо, не рассчитывая конечно, что их работой так быстро воспользуются японские империалисты.

Важной дорогой с точки зрения стратегической и экономической, по мнению японских империалистов, является железнодорожная линия Тунляо-Жэхэ, протяженностью 447 миль, ведущая во Внутреннюю Монголию.

Большое стратегическое значение имеет линия Дайрен — Мукден — Сыпингай — Таонань — Цицикар — Лахачжень — Сахалян (против Благовещенска), прорезывающая всю Манчжурию с юга на север. Кроме вывоза сырьевых грузов из глубины Северной Манчжурии эта магистраль дает возможность развить военные операции в таком направлении, которое отрезает советское Приморье — Владивосток, Хабаровск и Николаевск на Амуре. Почти вся линия построена японцами, и только самый северный участок — Ананьци — Лахачжень, построен на «китайские» деньги. По этой дороге остается недостроенным участок Лахачжень — Сахалян.

Когда в 1927 г. Танака составлял расписание пунктов и движения воинских частей при захвате Манчжурии и Китая, одним из первых актов он включил захват Владивостока и КВЖД. «Пункт 4-й. Армейские дивизии, находящиеся в Хоккайдо и Сендай, должны будут отправиться морем из Аомори и Хокодатэ во Владивосток, а оттуда по Сибирской дороге в Харбин. Они остановятся в Фынтяне (Мукден), захватят Монголию и помешают русским двигаться на юг». При всех расчетах Танака высвыступление против СССР включалось как одна из основных статей.

Для своих стратегических планов Япония добивается иметь в Манчжурии примерно три железнодорожных линии с выходами в море по восточно-западному направлению и две линии южно-се-

верного направления: одна — Дайрен — Мукден — Харбин — Хайлунь (Хухайской железной дороги) и другая — Пекин — Жэхэ — Баинтала — Таонань — Цицикар — Сахалян. Порт Дайрен и строящийся порт Хулудао дают два выхода в море и по этим двум магистралям. Эти две линии южно-северного направления обеспечивают Японии маневренную переброску японских войск по всей линии фронта и таким образом окружают Манчжурию двойным кольцом. При этом японские империалисты рассчитывают, что даже в случае потери ими магистрали Цицикар — Таонань — Баинтала линия Дайрен — Харбинская давала бы им возможность прочно удерживать в своих руках Манчжурию и Корею и выкачивать из них уголь, железо, лес, бобы, пшеницу, т. е. все необходимое для продолжения войны.

Готовясь к этому походу, империалистическая Япония систематически подготовляла и сейчас лихорадочно заканчивает в Манчжурии и Монголии целую систему стратегических железных дорог, о значении которых предоставим сказать самому барону Танака — вдохновителю японской грабительской политики. «В Манчжурии нехватает окружных линий, необходимых для мобилизации и транспорта войск. Отныне (1927 г.) мы должны преследовать военные цели и охватить окружными дорогами сердце Манчжурии и Монголии, для того чтобы можно было сорвать военное, политическое и экономическое развитие Китая... Когда мы будем иметь в своих руках эту огромную транспортную систему, мы уже не должны будем скрывать наших намерений в Манчжурии и Монголии, вытекающих из третьей фазы планов Мейджи. Раса Ямато сможет тогда перейти к завоеванию мира. Согласно завету Мейджи наш первый шаг должен был заключаться в завоевании Формозы, а второй — в аннексии Кореи. Теперь должен быть сделан третий шаг, заключающийся в завоевании Манчжурии, Монголии и Китая. Когда это будет сделано, у наших ног будет вся остальная Азия, включая и острова Южного моря».

Что захват Манчжурии является не только актом грабежа богатейшей провинции Китая, но и стратегической подготовкой, точнее — н а ч а л о м войны против САСШ и интервенции против СССР, — свидетельствует сама японская военщина, открыто и широко пропагандирующая свои завоевательские планы.

Недавно в статье «Конечная цель наших действий» автор Хитора Хиромори, исходя из предпосылки опасности для Японии совместных военных действий САСШ и СССР, трактует операции японской армии в Манчжурии, как подготовительные действия, а шанхайские бои — как «первый бой» — предстоящей большой войны против САСШ и СССР».

«Если считать отправным пунктом военных операций Читу, — рассуждает автор, — то, поднявшись вверх по течению реки Нумизян, можно, опираясь на Сяо-сян, Анлин, угрожать приамурской дивизии, находящейся в Благовещенске. С другой стороны, продвинувшись на запад, можно занять фронт Ляйсин — Анлин и подготовиться к встрече с 18-ой Читинской ди-

визией, которая должна была бы появиться со стороны Хуланбуира...

Если считать отправным пуктом северо-западной армии Цицикар, то, избрав этот район в качестве опорного пункта, можно, следуя по реке Сунгари, двинуться с трех различных сторон на базу Особой дальневосточной армии — Хабаровск, а с восточной части КВЖД препятствовать движению Тихоокенской дивизии, с Владивостока на запад... Прежде, когда предполагалась война между Японией и СССР, нельзя было не думать что первым этапом военных операций будет занятие Цицикара или Харбина. В данное время положение такое, как будто этот первый этап уже пройден».

Обращаясь в сторону САСШ, автор продолжает: «Наш флот проявляет решимость уничтожить любого неприятеля, который вторгнется в западную часть Тихого океана. Наступление на Усун — это первый бой. Японская армия наверняка очистит дальневосточный континент и западную часть Тихого океана от враждебных элементов».

Подводя итоги, мы должны еще раз подчеркнуть то решающее стратегическое значение, которое имеют Манчжурия и Монголия в завоевательных планах японского империализма. С этой точки зрения теперешняя оккупация Манчжурии и Монголии представляется не только актом захвата территории, из которой можно выжимать вместе с потом трудящихся китайцев и прибыли, но означает также, что у японских милитаристов решен вопрос выступления именно в данный момент с реализацией завоевательной программы «Великой Японии». Оккупация Манчжурии означает также, что Япония готова и решила итти на войну с САСШ за передел Дальнего Востока и Тихоокеанских островов; что она решила таким образом выступить инициатором мировой войны; что она усиленно готовится к новой интервенции против СССР; что она решила именно в данный момент итти на завоевание Китая.

IX.

Заключение

Начиная войну в Китае, японские империалисты надеялись этим путем, как и вообще все капиталисты, выкарабкаться из кризиса, потрясающего народное хозяйство Японии. Японская буржуазия и социал-фашисты пытались уверить японских рабочих и крестьян, что захват Манчжурии разрешит кризис и принесет благосостояние стране. Но «выход» этот оказался призрачным.

В результате манчжурской авантюры и войны в Китае положение рабочих и крестьянских масс Японии еще более ухудшилось. После оккупации Манчжурии Япония почти совсем потеряла китайский рынок. Война, начатая японскими империалистами, и антияпонский бойкот как одна из форм протеста широких масс Китая против грабительской войны сильно подорвали тор-

говлю Японии с Китаем, который' занимал до сих пор огромный удельный вес в этой торговле. Антияпонский бойкот охватил не только торговые, но и банковские и транспортные операции, например отказ от приема японской валюты и т. д.

В результате этого бойкота японский экспорт в Китае, по данным токийского «Экономиста», в 1931 г. сократился по сравнению с 1928 г. почти в три раза, а импорт в 2 раза.

Японский разбой в Китае, обострив отношения Японии с САСШ, сильно ударил также и по ее торговле с последними. В результате катострофически сократился экспорт японского шелка в САСШ.

Манчжурская авантюра, шанхайские события и усиленная подготовка Японии к новым военным операциям (Северный Китай, Жэхэ и др.), вызвавшие большие расходы, сильно потрясли японскую финансовую систему. Война с Китаем, по официальным данным, к началу июля 1932 года поглотила свыше 500 млн. иен. Только за первое полугодие 1932 г. по данным японского промышленного банка выпущено внутренних займов на 624 млн. иен. Вследствие резкого сокращения экспорта и усиленной закупки за границей военных припасов Япония за первое полугодие 1932 г. вышла с пассивным балансом в 265 млн. иен. Уже в мае 1932 г. курс иены упал до 32 долл. за 100 иен при паритете в 50 американских долларов. 15 августа за 100 иен платили только 25 американских долларов, а 20 августа всего лишь 22 американских доллара.

В ноябре 1932 г. курс иены оставался на уровне 22 американских долл. за 100 японских иен. Инфляция резко ударила по реальной заработной плате рабочих и служащих, так как цены на продукты питания поднялись.

Таким образом непосредственным и ближайшим результатом манчжурской оккупации для рабочих и крестьян Японии явилось дальнейшее ухудшение их положения, рост дороговизны, падение номинальной и реальной заработной платы, рост налогов и усиление безработицы.

Ухудшение внутреннего положения Японии в связи с кризисом и войной сопровождается обострением классовой борьбы и нарастанием революционного движения в стране.

В «Великой Японии» в захвате все новых и новых областей Китая, в подготовке к дальнейшему расширению своей колониальной экспансии японский империализм видит свое спасение, думает найти выход из кризиса. И в поисках этого выхода Япония упорно и настойчиво проводит свои империалистические планы в жизнь.

С началом нового 1933 года японские войска повели наступление в Северном Китае и провинции Жэхэ.

3 января, после разрушительной бомбардировки, под старым избитым и циничным предлогом «защиты интересов японских граждан» занят Шанхайгуань.

Это не может означать ничего иного, как новый этап в осуществлении японским империализмом своей завоевательной программы по созданию «Великой японской империи», этап, предусмотренный оперативным планом меморандума Танака, «исполь-

вать Манчжурию и Монголию, как базу и проникнуть в остальной Китай».

Захват Шанхайгуаня обеспечивает, с одной стороны, японский тыл при развитии операций в направлении Жэхэ: иначе оккупационные войска имели бы постоянную угрозу со стороны Шанхайгуаня, где сосредоточенные из Тянцзина и Бейпина китайские войска могли бы свободно отрезать действующую в Жэхэ японскую армию. С другой стороны, Шанхайгуань — «Северные ворота в Китае», расположенные на стыке Великой китайской стены, почти непроходимой цепи гор и Желтого моря, является крупнейшим стратегическим пунктом Северного Китая, захват которого открывает путь на главные центры Северного Китая — Тянцзин и Бейпин.

Захват Шанхайгуаня и сосредоточение японских морских и сухопутных сил в портах и стратегических пунктах Северного Китая являются прямым показателем того, что японским командованием предпринята крупнейшая операция, которая имеет своей ближайшей целью оккупацию не только провинции Жэхэ, но и провинций Северного Китая.

Китайская пресса определенно указывает на то, что у японских империалистов уже готов план создания «Независимого Северного Китая», по примеру «Независимой Манчжурии».

Китайская газета «Истерн Таймс» от 5 января 1933 г. сообщает, что совещание японского военно-морского командования в Шанхае решило «сконцентрировать японские суда в Ханькоу и Нанкине для одновременного выступления в случае, если события на севере перекинутся в Бейпин и Тянцзин».

До того, как начать новое наступление в Северном Китае, японские империалисты провели огромнейшую и всестороннюю подготовку для обеспечения успеха новой кампании.

Прежде всего Япония запаслась достаточным количеством военного снаряжения и боеприпасов. Именно на второе полугодие 1932 года падает особенно интенсивный импорт в Японию оружия и военного снаряжения.

Во-вторых, Япония достаточно успешно провела кампанию обеспечения себе свободы действия в Манчжурии, как в одной из внутренних провинций. Характерно, что манчжурская полиция заменена японской.

В-третьих, готовясь к вторжению в Северный Китай, японские империалисты провели большую разлагающую «работу» в тылу у Чжан-Сюэ-ляна, воскресив и активизировав старые японофильские группировки во главе с аньфуистом Дуань-Цзи-Чжуем и когда-то известным генералом У Пей-фу, с одной стороны, и создав «новый северный блок» в составе генералов Ен Си-шана, Фын Юй-сяна и Хан Фу-цюя — с другой.

В-четвертых, Япония добилась сведения на-нет результатов годовой «работы» пресловутой комиссии Литтона. Она, прежде всего добилась отсрочки обсуждения выводов комиссии на неопределенное время, она добилась значительного смягчения формулировок, непринятых Лигой наций резолюции и, что важнее всего, она добилась ведения дела в Лиге наций не в судебном, а в согласительном порядке, что позволяет Японии растя-

нуть канитель до бесконечности и что по существу оправдывает захватническую политику Японии в Китае.

В-пятых, как и полтора года назад, для выступления в Манчжурии Япония выбрала чрезвычайно благоприятный момент — момент паники на мировой бирже, так и теперь момент начала оккупации Северного Китая и Жэхэ совпадает, с одной стороны, с периодом «междуцарствия в САСШ, с другой стороны — с довольно резким обострением, в связи с вопросом уплаты долгов, англо-американских и франко-американских противоречий.

Кроме того председатель провинции Жэхэ Тан Юй-лин, имеющий в своем распоряжении около 40 тысяч войск и выступавший до сих пор единым фронтом с Чжан Сюэ-ляном против японцев, в настоящее время проявляет некоторые колебания, что также создает благоприятную обстановку для нового выступления японских империалистов.

Вторжение в Северный Китай японских войск неизбежно влечет за собой новый взрыв империалистических и, в первую очередь, японо-американских противоречий на Дальнем Востоке.

Если в начале оккупации Манчжурии САСШ держались по отношению к Японии позиций почти дружественного нейтралитета, то на следующем этапе развития событий — при наступлении японских войск в Шанхае и в момент организации Японией «Независимого Манчжурского государства» — САСШ вынуждены были реагировать решительнее и определеннее. Вторжение японских войск в Северный Китай неизбежно усиливает приближение сроков взрыва японо-американских противоречий.

Уже на другой день после занятия японцами Шанхайгуаня, государственный департамент САСШ решил заявить, что «позиция САСШ не изменилась со времени заявления Стимсона от 7 января 1932 года об отказе американского правительства признавать приобретения, достигнутые насильственным путем».

В целях подкрепления своей позиции, САСШ об'явлено о больших маневрах об'единенной американской эскадры в составе 167 военных судов, 250 военных самолетов и гиганта-дирижабля «Акрон» — у Гавайских островов, начиная с 23 января и по 17 февраля.

Надо сказать, что последнее сообщение привело в чрезвычайно возбужденное и тревожное состояние японские военные и политические круги.

Кроме того, по сообщениям японской прессы, за последнее время САСШ усиленно снабжают нанкинское правительство и Чжан Сюэ-ляна вооружением и боевыми припасами. Так например, «Демпо Цусин» от 5 декабря 1932 г. сообщает, что «с весны 1932 года Нанкином получено из САСШ 150 боевых самолетов». Газета «Хоци» сообщает, что нанкинское правительство, «вдохновляемое американскими деятелями», ведет энергичную военную подготовку, усовершенствуя вооружения китайской армии, усиливая береговые укрепления по р. Янцзы, «пригласило американских инженеров для восстановления фортов в Усуне, где уже установлены два американских орудия», возводится крепость на побережье севернее Ханчжоу и т. д.

Китайская газета «Дуньсань-Шибао» 15 декабря 1932 г. сообщала о прибытии в Циньвандао американского парохода, выгрузившего в адрес Чжан Сюэ-ляна 2 самолета, 11 зенитных орудий, 11 автомобилей и 100 тюков военного снаряжения.

В последние дни появилось также сообщение о пшеничном займе, представляемом САСШ Нанкину на сумму 12 млн. американских долларов, что в условиях Китая не может означать ничего иного, как заготовку огромного количества продовольствия для армии.

Все это указывает на все большее обострение японо-американских противоречий.

Положение осложняется еще тем, что, в результате военного наступления японских империалистов, английские империалисты, сильно заинтересованные в Северном Китае, могут превратиться из союзников Японии в ее противников. Не случайно, что после захвата Шанхайгуаня и сосредоточения японских судов в водах Северного Китая, именно Англия проявила большое беспокойство и немедленно послала военные суда — 9 канонерок и крейсер — в Циньвандао — ближайший к Шаньхайгуаню порт, прикрывающий пути на Тянцзин и Бейпин.

Возможное охлаждение японо-английской «дружбы» несомненно сделает позицию САСШ в отношении японской политики еще более воинственной и решительной.

Углубление империалистических противоречий вообще и японо-американских в частности с своей стороны отнюдь не снимает опасности интервенции против СССР, но, наоборот, увеличивает эту опасность, особенно в связи с все обостряющимся ростом мирового кризиса и крахом попыток выйти из него путем усиленного нажима на рабочий класс. «Каждый раз, — говорил т. Сталин на XVI с'езде партии, — когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР...

Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом»[1].

Несомненно, что империалистические круги САСШ пытались и, по всей вероятности, в дальнейшем будут пытаться повернуть японские штыки против СССР. Это тем более вероятно, что еще менее полгода назад целый ряд военных и политических деятелей самой Японии открыто призывали к немедленному походу против СССР. Достаточно напомнить нашумевшие в свое время статьи Камаицы, Хата Санди и др.

Только величайшие успехи неуклонно и твердо проводимой советским правительством политики мира, систематический рост, на основе осуществления генеральной линии партии, мощи и обороноспособности Советского союза — являются, наряду с ростом революционного движения и дальнейшим обострением им-

---

[1] Сталин, „Вопросы ленинизма", стр. 499, Партиздат 1932 г. изд. 9-е.

периалистических противоречий, основными причинами, об'ясняющими нам, **почему интервенты до сих пор не решились еще выступить против СССР**. Анализируя конкретную обстановку, как она сложилась к концу 1932 года, XII пленум ИККИ обращает особенное внимание на существующую опасность антисоветской интервенции. «Империалистические державы, — гласит резолюция пленума по докладу тов. Окано, — и в первую очередь Франция и Япония, прилагают все усилия к расширению и укреплению антисоветского блока, чтобы нанести решительный военный удар базису мировой пролетарской революции — СССР, укрепившемуся на социалистическом пути... Английский империализм поддерживает все планы интервенции против СССР. САСШ **пытаются спровоцировать японо-советскую войну**».

Война на Дальнем Востоке принимает с каждым днем все более широкие и угрожающие размеры. Разбой японских империалистов, оторвавших у Китая Манчжурию и вторгнувшихся за пределы Великой китайской стены, есть начало нового передела мира империалистами и в величайшей степени обостряет опасность империалистической интервенции против СССР.

Действенная боевая, подлинно большевистская мобилизация всех компартий и трудящихся масс на борьбу против империалистической войны и на защиту СССР — такова важнейшая и неотложнейшая задача дня.

В неслыханно тяжелых условиях белого террора, несмотря на огромные трудности, которые приходится преодолевать в самом рабочем движении, сильно зараженном синдикалистскими и социал-демократическими идеями, коммунистическая партия Японии с беззаветным мужеством и решительностью выполняет свой большевистский долг, разоблачая империалистов и социал-предателей, проводя пролетарскую интернациональную пропаганду, организуя и сплачивая рабочие массы на революционную борьбу против грабительской войны в Манчжурии и Китае.

Японская коммунистическая партия предупреждала рабочий класс и всех трудящихся Японии и других стран о готовящемся выступлении японского империализма задолго до начала оккупации Манчжурии.

В день занятия Мукдена, 19 сентября 1931 г., японская компартия, несмотря на массовые аресты и на произведенный полицией разгром нелегальных типографий, нашла силы и средства выпустить воззвание к рабочим, крестьянам и солдатам, раз'ясняющее истинный смысл оккупации Манчжурии и японской грабительской войны.

В октябре — ноябре 1931 г. компартия Японии проводит целый ряд стачек и забастовок под лозунгом превращения империалистической войны в войну гражданскую (аэропланный завод, ткацкие фабрики Ямада, Татейши и др.), организует рабочие и студенческие демонстрации, крестьянские конференции, разворачивает подпольную агитацию в японских войсках. В марте 1932 г. организуется ряд стачек в химической и электротехнической промышленности, в апреле — стачка железнодорожников компании

«Тобу», окончившаяся победой, стачка рабочих токийского метрополитена.

Несмотря на массовые аресты, произведенные полицией накануне 1 августа 1932 г., во всех районах Токио состоялись активные демонстрации, проходящие под коммунистическими лозунгами. В центральных районах Токио впервые появились знамена с лозунгами, направленными против империалистической войны. На целом ряде предприятий были организованы митинги, разбрасывались листовки и т. д.

В Токио, Иокагама и других городах арестовано свыше 300 демонстрантов. В фабричных районах Токио рабочие оказали сопротивление полиции и освобождали арестованных.

В середине октября 1932 г. в префектуре Ямагуци арестовано 30 коммунистов, которые были организаторами ячеек компартии и комсомола на заводах в городах Куре, Ивакуни, Токуяма, Убе и др. и выпускали подпольную газету и листовки. При этом всего рабочих арестовано свыше 250 человек.

Авторитет японской компартии среди рабочих и трудящихся масс населения быстро возрастает. Рассеивается шовинистический туман не только среди рабочих, но даже среди солдат, в среде которых японский фашизм в лице «Ассоциации японских запасных» особенно усиленно ведет свою работу. Целый ряд фактов свидетельствует о проникновении влияния компартии в солдатские массы и о росте революционных настроений среди последних. Так например по имеющимся сообщениям были произведены массовые аресты на почве революционных настроений в дивизии, расположенной в Химедзи; в телеграфном отряде при отправке его из Токио было арестовано 10 солдат; были произведены аресты в дивизии, расположенной в Корее. Больше того, в китайских и японских газетах сообщалось о расстреле целой роты японских солдат в Манчжурии за отказ выступать против китайцев. В районе Шанхая в японской армии 29 января 1932 г. свыше 200 японских солдат также отказались итти в наступление против китайцев Они были разоружены и отправлены в Японию. После этого 11 февраля около 300 японских солдат, расположенных в районе Хонкю, организовали митинг, на котором раздавались листовки за подписью революционного солдатского комитета с призывом отказаться от войны против Китая и препятствовать японским грабежам. После этого, по сообщениям китайских газет, еще 600 солдат отказались подчиняться приказам японского командования. Около 100 человек было расстреляно, остальных отправили в Японию.

В городе Токоразава 5 августа 1932 г. в военно-авиационной школе арестовано 6 солдат, обвиняемых в коммунистической деятельности.

«XII пленум ИККИ приветствует героическую борьбу КП Японии против империалистической войны, начатой японской буржуазией и помещиками, и революционную борьбу КП Китая, против японского империализма и против всех империалистов»[1].

---

[1] Материалы XII пленума ИККИ, Резолюция и постановления, стр. 22. Партиздат, 1932 г.

Китайская компартия в самом начале оккупации выпустила воззвание к китайскому народу с призывом организовывать восстания против японских империалистов.

Одновременно было выпущено воззвание восьми провинциальных советских правительств, призывающее «к изгнанию всех империалистических войск, конфискации всего имущества империалистов в Китае», требующее отмены всех неравноправных договоров, отказа от признания империалистических займов Китаю. «Единственная власть,— гласило воззвание,— безусловно и последовательно борющаяся за свержение империализма,— это советская власть рабочих, солдат и крестьян».

Отказ мукденского и нанкинского правительства защищать Китай от японского грабежа вызывает взрыв возмущения и против политики гоминдана и китайских милитаристов, капитулировавших перед империалистическими разбойниками и продолжавших разворачивать борьбу против советов и красной армии.

В ответ на японскую оккупацию пролетарии Китая организовали целый ряд стачек и забастовок по всей стране, переходившие зачастую в боевые схватки и частичные вооруженные восстания, направленные как против империалистов Японии, так и против нанкинского правительства.

В январе 1932 г. вспыхнули под антиимпериалистическими лозунгами забастовки на семи японских предприятиях в Шанхае. Угроза японских предпринимателей локаутом, в результате которого должно было быть выброшено на улицу 60 тыс. шанхайских рабочих, послужила сигналом для организации стачки на всех японских предприятиях. Было организовано вначале «Антияпонское общество рабочих японских предприятий», а затем «Массовая антиимпериалистическая лига спасения государства». Антиимпериалистические демонстрации, массовые митинги и собрания проходили беспрерывно.

Руководство стачками и антияпонским движением перешло к коммунистам.

В связи с вооружением японцев в Чапэе началась усиленная вербовка добровольческих отрядов из рабочих, студентов и служащих. Отряды сосредоточивались в Чапэе. В 19-й армии начали организовываться солдатские комитеты, выступавшие с требованием защиты Чапея и ликвидации генералов-предателей, начавших было переговоры с японцами, которые последние использовали для того, чтобы подвести к Шанхаю две новых дивизии из Японии, вызвать эскадру и авиосилы.

С прибытием подкрепления японцы возобновили наступление, но встретили еще более сильный отпор.

Командующий 19-й кантонской армией генерал Цан Тин-кай, под напором рабочих и солдат, боясь потерять всю армию, решил встать во главе защиты, имея в перспективе предать в удобный момент все движение.

Против Чапэя действовали 4 пехотных японских дивизии — около 60 тыс. человек, 200 орудий, 150 аэропланов и мощный морской флот. Защита Чапэя в силу революционного энтузиазма масс, вызванного ненавистью к угнетателям, была организована так героически, что громадной японской армии, вооруженной по

последнему слову техники, потребовался целый месяц кровопролитных боев, и только с помощью предательства Чапэй был взят.

Рабочие и солдаты Чапэя дрались с беззаветным мужеством, несмотря на беспрерывный ураганный огонь японской артиллерии и японских воздушных сил.

За 30 дней боев шанхайские рабочие, работницы, студенты и солдаты показали всему миру незабываемый пример революционного энтузиазма народа, восставшего против угнетателей. Героическая защита Чапэя дала новый сильнейший толчок для борьбы трудящихся масс Китая против наступающего империализма.

Геройский пример защитников Чапэя, с одной стороны, и организация японцами так называемого «Независимого Манчжурского государства» во главе с бывшим императором Пу И — с другой, дали новый толчок для усиления партизанской войны против японских войск на севере Китая, в Манчжурии и Монголии.

Доведенное до отчаяния манчжурское крестьянство ответило на оккупацию японцев и организацию фиктивного Манчжурского государства массовым повстанческим движением.

Вторжение японских империалистов в Северный Китай и Жэхэ несомненно даст новый, еще более сильный толчок национально-революционной борьбе против империалистов вообще и в первую очередь против японских, будет содействовать дальнейшему разоблачению гоминдановских предателей и усилению влияния китайской компартии.

Наряду с несомненными положительными результатами в борьбе компартий империалистических и колониальных стран, против империалистической войны, XII пленум ИККИ констатирует, что коммунистические партии империалистических стран не сумели революционными действиями помешать «войне и подготовке к войне» [1].

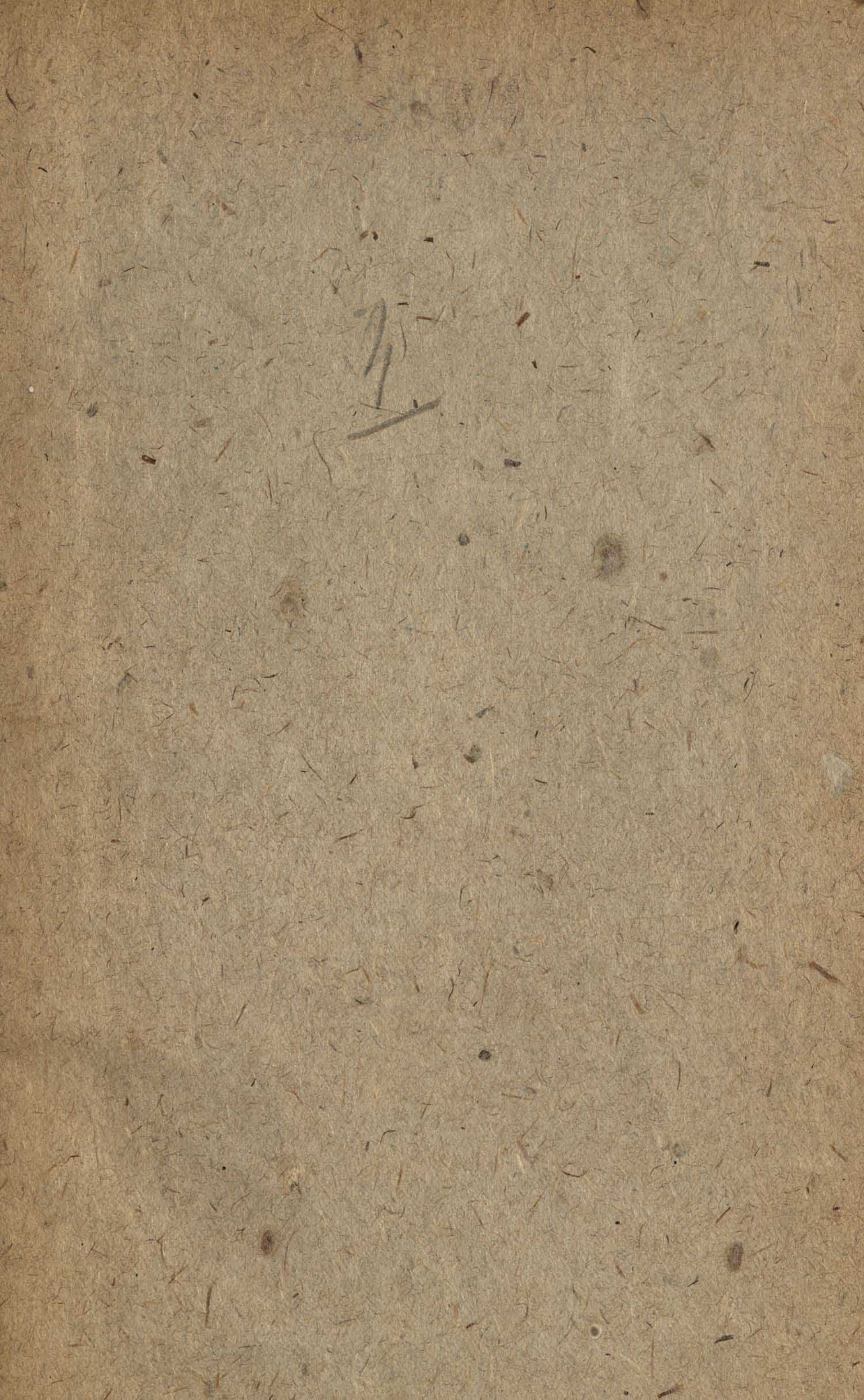
Поэтому XII пленум ИККИ, учитывая обстановку, «вплотную надвигающейся и особенно ускоряемой фашизмом преступной войны, обязывает все компартии проводить в жизнь с особой настойчивостью и энергией решения компартии по вопросу о борьбе против империалистической войны и интервенции».

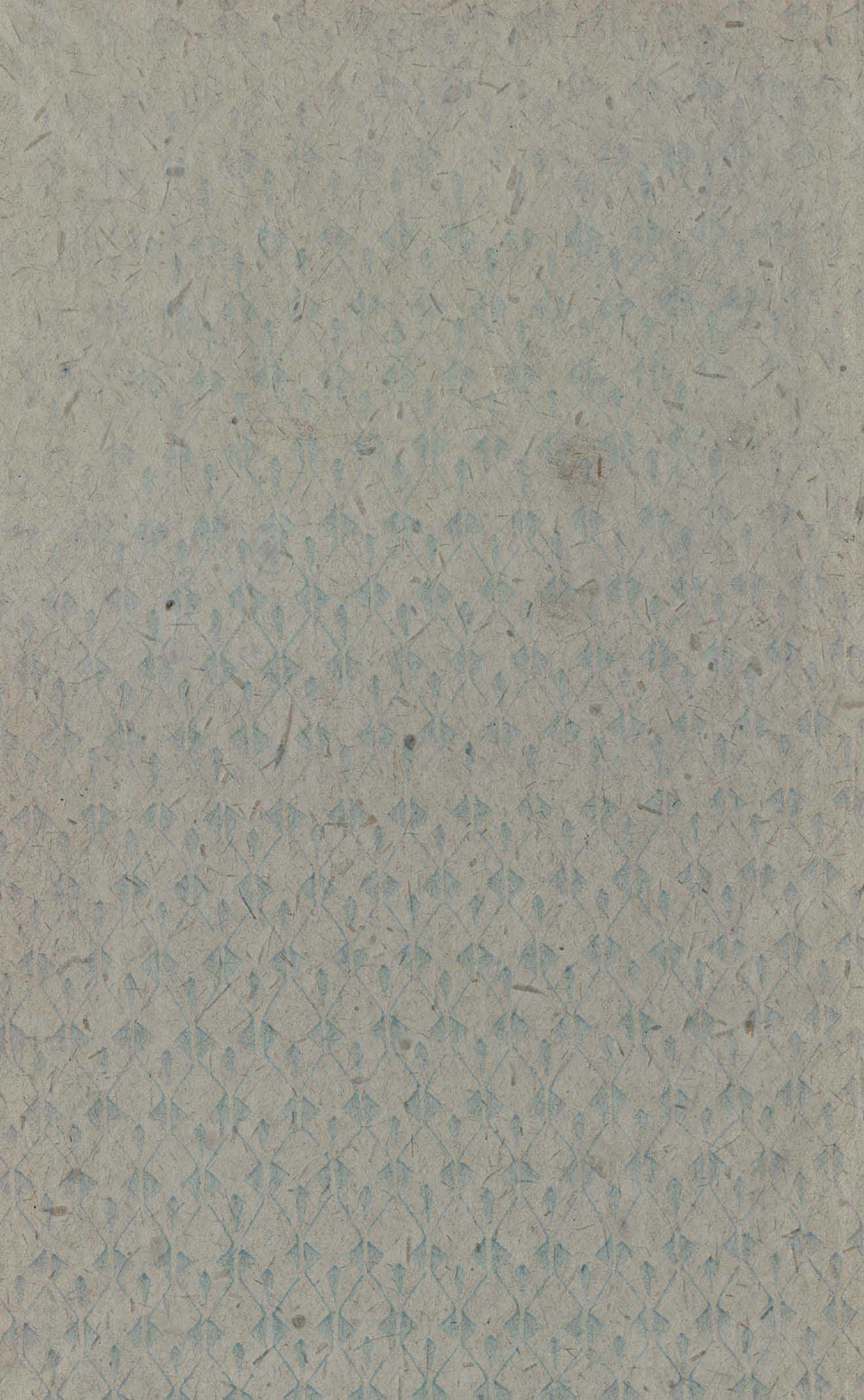
В соответствии с указанием XII пленума ИККИ секциям Коминтерна, необходимо развернуть беспощадную борьбу как против правой оппортунистической недооценки военной опасности, так и против «левацких» фаталистических лозунгов о том, что «из всякой войны автоматически выходит революция».

Каждая компартия и каждый коммунист обязаны «итти к рабочим с ленинским учением о том, что империалистическую войну рождает капитализм, что превращение империалистической войны в войну гражданскую и свержение капитализма являются единственной надежной гарантией против новых империалистических войн и интервенций».

---

[1] Материалы XII пленума ИККИ, Резолючии и постановления, стр 24, Партиздат, 1932 г.





2010481917